

Горе Луковое
«Повести и рассказы»

Святослав «Горький Лук» Стёпкин

Предисловие

Когда-нибудь его именем назовут астероид. Но пока что 19 июня 2021 года в холодную Вечность ушёл не просто мой друг, не просто топовый блоггер Украины, не просто автор бестселлеров современной военной публицистики, не просто военный парамедик-волонтёр. Не стало человека, который в то время, когда само существование Украины было поставлено под сомнение, сделал для её выживания и нашей будущей победы больше, чем все министерства, пропагандисты, теле- радио- и ютуб-каналы и марафоны вместе взятые. На основе его книг созданы программы патриотической подготовки бойцов СБУ, МВД, ВСУ и Нацгвардии. Его статьи читают все --- от солдат в окопах до генералов в штабах. Он научил нас не бояться навалившейся дикой орды, а смотреть ей в глаза, насквозь видеть, чего она на самом деле стоит, и давать ей жёсткий отпор. Такие люди появляются лишь раз в каждую эпоху кризиса. И наша задача --- сохранить и пронести его знания и видение сквозь годы, пока то, ради чего он жил и боролся, не станет обыденной реальностью.

Правовая информация и условия распространения

Настоящее издание подготовлено в рамках некоммерческого проекта LookLegacy, созданного с целью сохранения, систематизации и распространения литературного наследия Святослава Стёпкина (1971–2021), известного под литературным псевдонимом «Горький Лук».

Издание подготовлено и распространяется с ведома и при поддержке семьи автора. Проект не преследует коммерческих целей и направлен исключительно на сохранение и популяризацию творческого наследия Святослава Стёпкина.

Редакция и подготовка издания: Железный Лорд, Екатерина «Фурия» Скорик, Лада Соколюк.

Настоящее издание распространяется исключительно в некоммерческих целях. Его копирование, хранение, передача и распространение в электронном или печатном виде приветствуются при условии сохранения указания авторства Святослава Стёпкина («Горький Лук») и сведений о проекте LookLegacy.

Автором литературных произведений, вошедших в настоящее издание, является Святослав Стёпкин («Горький Лук»). Все личные неимущественные права автора сохраняются и подлежат уважению независимо от способа распространения произведений.

Часть иллюстраций к произведениям Святослава Стёпкина создана художником Константином Масловым и воспроизводится в настоящем издании с его согласия.

Кроме того, в издании могут присутствовать фотографии, рисунки, скриншоты и иные графические материалы, использовавшиеся автором в различных публикациях, архивных материалах и электронных версиях произведений при его жизни.

Несмотря на предпринятые усилия, редакции не удалось установить происхождение, авторство либо правовой статус всех графических материалов, вошедших в состав настоящего издания. Редакция не заявляет каких-либо прав на такие материалы и признаёт права их законных правообладателей.

Если вы являетесь правообладателем какого-либо изображения, использованного в данном издании, и считаете, что его воспроизведение требует дополнительного согласования, указания авторства либо удаления, просим связаться с редакцией проекта по адресу:

looklegacy@gorky-look.org.ua

После получения обоснованного обращения редакция рассмотрит вопрос о внесении необходимых исправлений, дополнений либо изменений в последующие версии издания.

Вопросы, связанные с коммерческим использованием материалов настоящего издания, просим предварительно согласовывать с редакцией проекта.

Подготовлено в рамках проекта LookLegacy.

Дата актуальной сборки: 05 июля 2026 г. 15:53:07

Оглавление

| | | |
|----------|--|------------|
| 1 | Проклятое марта | 3 |
| 1.1 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тво, строго 18+) | 3 |
| 1.2 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт оне, строго 18+) | 6 |
| 1.3 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт три, строго 18+) | 8 |
| 1.4 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт фо, строго 18+) | 11 |
| 1.5 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт файф, строго 18+) | 13 |
| 1.6 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт секс, строго 18+) | 17 |
| 1.7 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт севен, строго 18+) | 19 |
| 1.8 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт эйт, строго 18+) | 21 |
| 1.9 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт найн, строго 18+) | 23 |
| 1.10 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тен, строго 18+) | 24 |
| 1.11 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт елевен, строго 18+) | 26 |
| 1.12 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт твелв, строго 18+) | 29 |
| 1.13 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тринадцать, строго 18+) | 31 |
| 1.14 | Проклятое марта, урлеп (шортпарт) | 34 |
| 1.15 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт пятнадцать, строго 18+) | 34 |
| 1.16 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт шьшнадать, строго 18+) | 37 |
| 1.17 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт семнадсать, строго 18+) | 39 |
| 1.18 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт восемнадсать, строго 18+) | 43 |
| 1.19 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт девятнадсать, предпоследняя 18+) | 46 |
| 1.20 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт цвайнцихь, почти последняя 18+) | 49 |
| 1.21 | Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (эпилог 18+) | 55 |
| 2 | Васино счастье | 60 |
| 2.1 | Васино счастье (Парт оне строго 18 +++) | 60 |
| 2.2 | Васино счастье парт оне-2 (строжайше 18+++) | 65 |
| 2.3 | Васино счастье (парт тво, исключительно 18+++) | 71 |
| 2.4 | Васино счастье (парт три, совершенно 21+) | 78 |
| 2.5 | Васино счастье (парт фо 18++) | 84 |
| 2.6 | Васино счастье (парт фо 18++) | 89 |
| 2.7 | Васино счастье (парт файф 18+) | 95 |
| 2.8 | Васино счастье (парт секс 18++) | 99 |
| 2.9 | Васино счастье (парт севен 18+) | 102 |
| 3 | Васино горе | 108 |

| | | |
|----------|--|------------|
| 3.1 | Васино горе (парт оне 18+) | 108 |
| 3.2 | Васино горе (парт тво 18++) | 116 |
| 3.3 | Васино горе (парт три 18+) | 122 |
| 3.4 | Васино горе (парт фо 18+) | 126 |
| 4 | Четыреста лет одиночества | 134 |
| 4.1 | Четыреста лет одиночества (парт оне) | 134 |
| 4.2 | Четыреста лет одиночества (парт тво) | 136 |
| 4.3 | Четыреста лет одиночества (парт три) | 138 |
| 4.4 | Четыреста лет одиночества (парт фо) | 140 |
| 4.5 | Четыреста лет одиночества (парт файф) | 142 |
| 4.6 | Четыреста лет одиночества (парт сикс) | 144 |
| 4.7 | Четыреста лет одиночества (парт севен) | 145 |
| 4.8 | Четыреста лет одиночества (тизер) | 147 |
| 4.9 | Четыреста лет одиночества (парт мяу) | 148 |
| 4.10 | Четыреста лет одиночества (мяу парт - два) | 149 |

Глава 1

Проклятое марта

1.1. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тво, строго 18+)

8 Марта 2017

id:lj:148019

- На поле не обязательно должно что-то произрастать, - меланхолично ответил вечно грустный андроид Бишоп. - Поле может быть, допустим, для игры. Возможно, есть такая русская игра - «репа», в которую играют на поле для репы. Наподобие бейсбола. Хикс, дай запрос на «Сулако», пусть Мама проверит по базе. Ключевые слова для поиска: «репа, россия».

Хикс пощелкал кнопками на консоли, запрос с портативного терминала унесся на «Сулако» и тут же вернулся в виде картинкой с окровавленным лицом какого-то мужчины, с шеей, обмотанной красно-белым шарфом. Снизу, под картинкой тянулся текст, изображенный невнятными закорючками, и ассоциирующийся с каким-то древними народами - тольтеками, византийцами и первыми колонизаторами Марса. Капрал навел курсор на буквицы, и локальный транслятор танка выдал перевод в рамочке: «после футбольного матча фанату разбили репу».

- Ну вот, я же говорил, - удовлетворенно сказал Бишоп. - Футбол — это древняя игра в мяч на поле. Вот вам и репа, и поле.

- погоди, - перебил его лейтенант Горман. - Если это поле для игры в репу — то где трибуны для зрителей? И почему в центре спортивной площадки торчит ржавый комбайн? Рипли, взгляни на картинку, будь добра. Ты раньше уже видела такое, или похожее?

Рипли всхлипнула, кивнула, и накрылась в своем углу брезентом. Она видела.

И такое, и похожее.

Давно, еще до заморозки, разморозки и судебного преследования с лишением пилотской лицензии, когда капитан буксира-дальнобойщика «Ностромо», опрометчиво согласился «подбросить одного пацанчика до Земли». А эти ублюдки из «Вейланд и Ютани» послали на Ахерон двести семьдесят русских колонистов, с семьями и детьми, о май гад! Сорок лет лет назад. Новый год на Ахероне наступает один раз по множеству солярных. Эти суки из "W-Y", озабоченные только своей прибылью, привезли русских, для которых новый год - самый главный религиозный праздник, в то место, где новый год празднуют один раз в семьдесят лет!

А потом, через пятьдесят шесть дней, у русских наступает календарное Восьмое марта.

Считать Рипли умела. Когда она билась в истерике на судебной коллегии, объясняя людям в дорогих костюмах, что до ахеронского "девятого мая" не доживет никто - ее тихо укололи в шею инъектором, отобрали пилотскую лицензию, выдали соцпакет и робота-погрузчика для складской работы.

Рипли сжалась под брезентом и подтянула к себе импульсную винтовку.

* * *

- Заходим на посадку, - решил Горман. - Ферро, сажай шаттл в центр этого поля для репы, ближе к зданиям колонии. Вержбовски, подготовь мистера Бибса к выходу. Васкес, Дрейк — проверьте смарты. Дрейк, мать твою, я имею в виду проверить смартган, а не смартфон. Первая группа с Хадсоном заходит в

этот, как его... - Горман посмотрел на монитор терминала, - «коровник». Вторая группа сержанта Эйпона прочесывает основное здание. Я остаюсь в транспортере, веду на общем канале миссией. Рипли, ты как?

Рипли выставила наружу ствол импульсной винтовки. Хикс выстрелил в «гражданского консультанта» миссии с дурдомом в анамнезе из пневматического пистолета стрелкой-ампулой с транквилизатором. Рипли поймала стрелку, содрогнулась, пошевелилась под брезентом, выпустила ствол и тихо засопела.

- Штатская сучка, - довольно сказал рядовой Вержбовски, застегивая под пузом у Бибса тактический обвес, юстируя вращающиеся миниганы на спине и почесывая у панцершвайна из "Кей-элевена" обгрызенные с бока уши. - Не туго затянул, кабаняка? А то Васкес на себе однажды бронелифчик затянула так, что он по швам лопнул, когда она раком в вентиляцию полезла, пришлось швы препаивать.

- Сейчас кто-то из свиноты допиздится, - угрюмо проворчала Васкес, и одним рывком затянула на голове красную бандану с латиноамериканскими мотивами. - До стейка. И это будет не уважаемый и застрахованный колониальный пехотный панцершвайн мистер Бибс.

- Блять, мы же договорились не ругаться! - зарычал Эйпон. - Я блять, факен шит, требую нахуй вежливого сука пизец хуй в жопу обращения, или я вас щас перестреляю нахуй к ебаной матери. Что, кто не понял, пидарасы? А? Выйдем пабазарим как пацаны? Что ты на меня вылупился, Хикс, Выйдем попиздим реально, а?

В машине раздался лязг затворов и загорелись подствольные зажигалки огнеметов.

- С нами происходит что-то не то, - сказала медик группы Дитрих, - Вы меня так все заебали, что я вас не лечить хочу, а поубивать к ебаной матери.

Шаттл опустился на грунт, упруго подогнув амортизаторы, откинул аппарель, транспортер выкатился из нутра аэротранспорта, поднял над корпусом сложенную для компактности при транспортировке оружейную башенку, и покатил по полю для игры в репу. К угрюмым зданиям русской колонии, подсвечивая фарами косые струи бесконечного дождя, вызванного работой машин терраформирования вьетнамского производства.

* * *

- А ты отличный миротворец, Эйп, - после очередной тишины сообщила из кабины шаттла пилот Ферро. - Черный голубь мира. Я под впечатлением от твоей речи Спанкмайеру ствол откусила. Ладно, шучу, все еще хуже. Я вас с четырех километров высоты в танке чуть не сбросила. Слушайте, пробы воздуха говорят, что атмосферные генераторы работают нештатно. Детекторы ловят на выдаче из труб какой-то органический компонент, не входящий в стандартную кассету оксигенатора. Я запросила базу данных «Сулако», она выдала ответ «кратеус», без уточнения. Мама отправила запрос домой, и ответ, сами понимаете, будет не быстрым. Держитесь там ребята, не дышите чем попало. Я вас выпускаю на грунт и жду возвращения.

- Спасибо моя девочка, - сказала злобная курва Васкес, - Я всегда знала, что под твоим крылом я не пропаду. Пока ты паришь надо мной, мой ангел, я спокойна и свободна. Когда-нибудь я поднимусь до тебя и твой высоты, моя любовь и печаль. Моя и моля, моля и моя. Аллилуйя, аллуйя...

Хикс снова щелкнул пневматикой. Васкес перекрестилась по-католически, поцеловала большой палец и слегла на пол транспортного, положив под голову смартган.

- Ебать мой хуй, - сказал Дрейк, взял Васкес за шипованные инсулейты, и потащил свою боевую подругу под брезент к Элен Рипли. - Давайте какой-то антидот и кислородные маски. Меня этот русский дух начинает еб твою мать... хуй его знает шо я несу. Что я только что сказал, бля? Я половины своих же слов не понимаю. Кто тут пидарас? Давай выйдем, попиздим как пацаны чотко!

Хикс еще раз щелкнул пневматикой, подтянул свалившегося Дрейка к Васкес, натянул на себя кислородную маску и перешел на общий канал связи с группой.

- Хуй мой ебать... извините, я кажется тоже глотнул этой хуйни. То есть этой заразы. Всем надеть кислородные маски. Ферро, поднимай точилу и уходи на орбиту, за атмосферу.

- Извини, Хикс, но командует операцией лейтенант Горман, за ним старший Эйпон, только они отдают приказания. Ты просто капрал, и все, чем ты командуешь — это твои ботинки.

Хикс тяжело развернулся бронированным корпусом в тесноте транспортера, и показал пилоту шаттла через камеру шлема тело лейтенанта Гормана. Затем в компрессированном формате передал ей запись внутренней камеры транспортера. Некоторое время Ферро молчала, постигая видео.

- Это правда?

- Да, Он напился из канистры для промывки, начал мастурбировать, потом танцевать вприсядку, уцепился за рычаги танка, сказал «я вам сейчас покажу как реальные пацаны ездят», а потом разбил себе голову ящиком от патронов-«десяток». Надевайте маски, ребята. Местным воздухом дышать нельзя. Я думаю, это сбой в системе атмосферной переработки. Наши датчики берут пробу газа, показывают что все нормально, отключают герметизацию и биодефенс, но мы чем-то реально травимся.

- Маски вам не помогут, - на тактическом канале тихо прозвучал андроид Бишоп. - Это не воздух, это дух. Русский дух, он русью пахнет. Он не заключается в молекулярном составе воздуха. Это что-то вроде излучения.

- Какой дух? - спросил Хикс. - Духов не существует. Есть люди, синтеты и ксеносы. Все.

На радиоканале шаттла дважды что-то треснуло.

- Это я, - сказала Ферро. - Я застрелила Спанкмайера. Он начал пить из канистры жидкость для очистки сансистем, потом дрожить, танцевать и полез хватать меня за жопу. Но не так как всегда хватает. Это уже был не он. Духи существуют, Хикс. Убирайтесь оттуда. Бегите на шаттл, я вас вытаску. Блять, извините что я так выражаюсь. Сама таких слов не знала никогда. Сука пиздец.

- Мы не можем уйти, Ферро, - сказал Вержбовски. - В центральном здании вторая группа. И там мой Бибс. Я его еще полосатым кадетом с боевой свинофермы помню, когда он еще маленьким поросенком был. Я его не брошу. И там еще Хадсон. Он, конечно, хуже свиньи, но тоже мой друг.

- Бишоп, - спросил Хикс, - ты тут? Прием.

-Да. Я вас слышу.

- Бишоп, где кончается этот «русский дух», какова дистанция поражения? Мы можем отогнать «Сулако» в местный койпер? Или надо просто уносить ноги отсюда?

- Я не знаю, капрал. На меня этот эффект не действует. Я же синтетический, а не русский. Здесь явно пошло все не так. Колонисты исчезли, все до единого. На стене медблока центрального корпуса написано кровью «МОВА». Кровь вторая группа, резус положительный, по ДНК карте соответствует колонисту Ребекке Джордан, шесть лет. Сейчас я ищу протоколы «мобы» Как только найду, загружу их вам на тактич-блоки. Для переговоров инвертируйте фазу воспроизведения. Это будет действовать, но хуже. Здесь надо меньше пиздеть и базар фильтровать.

- Не «моба», а «мова», - сказала Рипли, выползая из-под брезента и выдирая из ягодицы стрелку-ампулу. - Синтетический, а уже пиздит и землю жрет, как кацап. Вот шас блять зуб даст или на вафля ответит. На жопу отвечаю. Вы ничего не понимаете. Хикс, дай м кропаль ще, бо я вже ахуеваю від сього праїсхада-цьово.

Хикс еще раз выстрелил из пневмопистолета в Элен Рипли, стараясь попасть в мягкие ткани, чтобы не повредить сосуды, суставы или кости. Ему нравилась эта женщина. Да, официально сумасшедшая и лишенная лицензии пилота, не блондинка, и сагги-сиськи. Но сердцу не прикажешь. Потом Хикс выстрелил в Берка, стараясь попасть в глаз. Этот мужчина ему не нравился вообще никак.

- Ферро, ты как?

- Я хочу водки и ебаться. И чтобы было все, всегда и вообще. Шас, я подлетаю к вам на тусу.

На канале шаттла опять что-то загрохотало, явно автоматическое, калиберное, и на весь магазин.

- Ферро!

- Спакуха, это я не в себя стреляла, я шо тебе, типа дурочка тупая? Это я форточку открыла, не могла ручку от нее найти. Как эта ебаная хуйня вообще заводится? Ага, вот. Шас, пять минут и буду у вас! Эх, блять, гулять так гулять!

Через пять минут шаттл, прочертив белой инверсией небо, врубился в скалу перед транспортом. Тяжелый орбитал выдержал удар, прокатился по пустоши, лег в щебень и сдетонировал боезапасом, унося надежду на возвращение и пилота Ферро.

- Ахуеть! - сказал Берк, вытаскивая стрелку с транквилизатором из кепки, - Заебись, приехали.

- Мова, - сказал по радио андроид Бишоп. - Да, это мова, а не "моба". Это альтернативный коммуникационный протокол, позволяющий сопротивляться психической агрессии. Его нет на локалах транспортера и шаттлов, нет даже на "Сулако". Нам надо добраться до центра связи колонии, послать запрос на Землю и скачать эту "мову", чтобы остановить безумие.

- Давайте сначала заберем вторую группу и мою свинюгу, - сказал Вержбовски. - Без мистера Бибса и Хадсона я не улечу. Мне обе эти свиньи дороги.

- И давайте еще заберем эту Ребекку Джордан, - сонно сказала Рипли. - Надо же, шесть лет ребенку, а она уже какие-то мовы знает.

* * *

Дали буде.



148019.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тво, строго 18+)

1.2. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт оне, строго 18+)

8 Марта 2017

id:lj:147797

- Держитесь, девочки, - весело сказала из-под своих стрекозиных очков пилот Ферро, - Мы входим в плотные слои атмосферы. Сейчас немного потрясет.

- Я бы плотные слои твоей задницы потряс, - отозвался по общей частоте из танка, зафиксированного грейферами в грузовом отсеке, рядовой Хадсон, - Скажи честно, Си, чем вы тут занимаетесь со Спанк-майером, пока мы с ребятами шароебимся по поверхности? Неужели даже не поцеловались ни разу? Типа морпех морпеха не трахает, кодекс воинской чести?

-А ну рты быстро позакрывали! - в разговор по каналу вклинился чернокожий сержант Эйпон. - Это вам что, автораддио? Вернемся на «Сулако», и я тебе докажу, Хадсон, при всех, что морпех морпеха еще как трахает. При этом все будут отдавать честь, но только ты ее отдашь дважды и раком. Делай, что капрал Ферро говорит... Оу, факин шит, еб твою мазу!

Челнок трянуло, а потом дважды перевернуло вокруг продольной оси так и эдак, а потом как-то еще, и по тангажу, и по рысканью, и по крену, и по другим непонятным словам, причем с такой силой, что сержант, сидящий в танке, перекусил сигару, а единственный не пристегнувшийся в десантном отсеке транспортера, лейтенант Горман, вылетел из своего кресла и влип в бронированную синталь-керамическую грудь капрала Хикса.

Из пилотской кабины донеслось азартное : «Йи-и-и-ху!» от капрала Си Ферро. Спайнкмайер, который должен был сидеть рядом с ней в кресле второго пилота, подозрительно чем-то чавкал. Но, кажется, не едой, потому что Ферро тихонько постанывала и бормотала: "Перестань, дурачок", забывая сменить общий канал на пилотский.

- Какой у вас вылет, лейтенант? - вежливо спросил Хикс, осторожно отдирая от своего панциря Гормана.
- Тридцать шестой, - лейтенант сплюнул с кровью выбитый зуб в проход между сидениями.
- А боевой? - так же вежливо уточнил капрал
- Второй.

Из переносного контейнера, укрепленного на титановых салазках в грузовом отсеке транспортера, рядом с ящиками боеприпасов, презрительно хрюкнул тактический панцершвайн Бибс. У него это был сорок второе боевое десантирование.

- Я же сказал ебальники всем позакрывать! - опять рывкнул сержант Эйпон. - И намордники на затылке застегнуть. Или ты, свинья ебаная, думаешь что тебя это не касается?

- Я попрошу всех сохранять толерантность, и политкорректность - внезапно прошелестел из своего угла представитель компании «Вейланд-Ютани» мистер Картер Берк, - Мистер Бибс не «свинья ебаная», а парнокопытноамериканец на государственной службе, департамент «Кей-элевен». Вас же никто макакой черножопой не называет, мистер Эйпон. Хотя во времена съемок нашего фильма это было вполне допустимое обращение. Сохраняйте приличия. Видите, мисс Рипли не нравится ваша грубость. Она явно грустит, и иногда даже плачет. Я прав, мисс Рипли?

- Когда я сказал «свинья ебаная», я имел в виду вовсе не мистера Бибса, - политкорректно ответил Эйпон, - А того, кто является представителем компании, отправившей почти две сотни русских терраформировать целую планету, после того, как после них же пришлось заново восстанавливать нашу собственную. При этом потеряв одну девятую часть суши. Я достаточно политкорректен, Я прав мисс Рипли?

- Идите все нахуй, - буркнула из крайнего кресла Рипли и опять заплакала. Она была единственной, кто отчетливо представляла себе — куда летит и что происходит.

- И я не мисс, я миссис. Моя дочка умерла от старости, если вы смотрели этот фильм.

* * *

- Что-то я не понимаю, - сказал лейтенант Горман, разглядывая результаты сканирования, полученные с высоты зависшего над русской базой челнока и наложенные на них на базы данных крейсера «Сулако», синхронно замершего в над челноком в стационарной точке орбиты

- Если это поле, то где органика? Должно же в поле что-то произрастать? Если это «поле репы» - где сама репа? Кстати, это такое вообще - «репа»? Локальная база говорит, что это по-русски «лицо» и «стиль музыки с речитативным вокалом». Каким образом можно выращивать на поле лица или речитативную музыку? По-моему, этого даже палеорусские не умеют. Зона по биосканированию на мониторе черная, как пустая автостоянка. Или я неверно понимаю российское «поле»? Это может быть пол в здании, гендер, бассейн или пул?

- «Пол», - ответил Вержбовски, - это еще может быть еще половиной чего-то. Я знаю, у меня пра-пра-бабушка была демиславянка с Познани-Пять, Эл-Ве-шесть-два-сто по каталогу Рабиновича. И сам я, например, по национальности - «поляк», а это близко к русским. Вот, например, Васкес. У нее по документам женский пол, но если еще его поделить еще на половину, то у нее от бабы четверть, останется, тем более что в постели она полено, что созвучно с «пол», так что если еще поделить на пол...

- У тебя мужчины были? - спросила Васкес. - Филиолог ебаный Ты щас еще что-то пиздани, Веж, и у тебя сейчас будет первый настоящий в жизни секс, причем болезненный.

- Я поучаствую в групповухе, - отозвался Дрейк, доставая смартган из гнезда. - С обоими. С Вержбовским из принципа. И с тобой, Васкес, за то что Вержбовский знает то, что ты полено в постели. А я честно думал, что это наша тайна.

На канале связи воцарилась тишина, и даже Спанкмайер в кабине перестал чавкать, а Ферро стонать. Шаттл выровнялся по тангажу и аккуратно пошел вниз.

- Я вас всех прошу прекратить конфликт, - опять прошелестел из своего угла Картер Берк — Во-первых, не «филиолог», а филолог. Во-вторых, мы еще даже не приземлились, а уже готовы начать убивать друг друга. Здесь явно необычная ситуация. Я увлекаюсь русскими, и даже когда-то читал одного русского писателя. Русская атмосфера она немножко отличается от обычной. Там русский дух, там русью пахнет.

- Поэтому надо было сюда филиологов присылать, а не колониальную морскую пехоту, - угрюмо сказал сержант Эйпон, возвращая пистолет в кобуру.

- Поэтому «Вейлан-Ютани» платит вам за работу четыре цены, плюс страховка и обеспечение семьи, - ответил Картер. - Я знаю, это непростая миссия. Но давайте оставаться людьми даже на Ахероне. Давайте все успокоимся.

Васкес и Дрейк убрали смартганы в гнезда, Вержбовски погасил подствольный воспламенитель огнемета, а капрал Хикс незаметно заткнул за спину фамильный дробовик.



147797.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт оне, строго 18+)

1.3. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт три, строго 18+)

9 Марта 2017

id:lj:148395

- Ну и за каким чертом мы тащим эту говядину в шаттл? - недовольно спросил Хикс у Берка. - Тем более, что первого шаттла нет, а до второго мы вполне можем не дожить.

- Какую именно? Эту говядину? - Берк показал на Рипли, лежащую в углу транспортера и умиротворенную электрошокером и ударной дозой ультраседатива.

- Мистер Берк, я говорю про корову, привязанную к крыше броневика. Которая сейчас копытами у меня перед лобовым стеклом болтает. И выключи дурака, блять, умник ебаный, потому что ты не в своем странном офисе, и я тебя щас так уебу, что ты из своих крокодиловых туфель вылетишь. Операцией командует штаб корпуса морской пехоты, понял? Или я сейчас разверну бэху, вернусь обратно в объект «Коровник» и привяжу тебя за галстук в том самом стойле, где мы это животное подобрали. И если ты еще раз мою телку коровой назовешь...

- Так корова и есть телка, только неебаная. А если чо-то хочешь перетереть, то давай выйдем, перетрем, адвокатам позвоним...

- Стоп, ребята, - мягко сказала Дитрих, - Это опять начинается. Накатывает. Я сама чувствую. Веж, включи защиту.

Вержбовски активировал портативную консоль, слинковал ее с громкоговорителем, вмонтированным в запасной бронекостюм, чтобы колониальный морпех мог кричать на языке аборигенов «сдавайтесь, мы пришли с миром» и в транспортере раздались странные звуки. Похожие на музыку, ритмичные но с непонятной интонацией, как будто что-то всасывалось в раковину рукомойника. В машине все испытали облегчение, словно разулись после долгой дороги. Некоторое время десантники сидели молча, слушая странные звуки.

- Что это? - капрал Хикс показал пальцем на консоль. - Что за завывания? Вроде акустического нейрокодирования? Насколько я помню свой контракт с Колониальными Эм-Пэ, для этого требуется письменное согласие в присутствии адвоката.

- Типа того. Не знаю, - ответила Дитрих. - Какой-то «кобзон». Бишоп нашел его в базе данных центрального комплекса, обработал и переслал мне. Говорит, если его прослушивать задом наперед, то какое-то время должно помогать. Но долго слушать нельзя, потому что сам начинаешь задом наперед говорить. А если тебе адвокат нужен, так вот он сидит, - медик кивнула на Берка, - вы с ним только что убивать друг друга собирались.

- Ты извини меня, Хикс, - внезапно сказал Берк. - Я на самом деле тебя люблю. Ты классный чувак. Меня в школе такие как ты пить из унитаза заставляли, поэтому я к таким как ты, силовым ублюдкам, несправедливо отношусь. И тебя, Дитрих, тоже люблю. Хотя ты плотная, раскачаная и уродливая морпешка, похожая на гермафродита. Я вас всех люблю. Рипли, слышишь, я и тебя люблю. Это я продал тебя «Вейланду». И знал что везу тебя практически на убой. И вообще вас всех. Будь я проклят!

Вержбовский резко затормозил бронетранспортер и развернулся. По его лицу катились слезы.

- Да ладно, братуха, - морпех обнял Берка и прижал его к панцирю так, что оба захрустели, - Всем рано или поздно придется умирать. А тебе семью кормить надо. У тебя детки есть?

- Нет пока. Мне по контракту с «Вейланд-Ютани» нельзя до пятидесяти лет иметь семью. Это вредит интересам компании. А компанию я сейчас тоже люблю!

- Хочешь я рожу тебе детей, - спросила, подавив рыдания Дитрих. - Мне тоже нельзя беременеть по контракту с армией, но я подам в отставку. Хочешь, я прямо сейчас рожу тебе детей? Я некрасивая и раскачанная, но я смогу для тебя.

- Ты не должна так страдать из-за меня, милая. Ты потеряешь соцпакет и льготы за выслугу лет. Я себе этого никогда не прощу. Пусть мне родит детей та корова, которую мы к крыше привязали. Тем более, я ее оскорбил, и должен на ней жениться, чтобы загладить обиду.

Берк вырвался из бронированных объятий Вержбовского и заколотил кулаками в потолок транспортера

- Любимая! Ты слышишь меня? Я иду к тебе! Откройте дверь! Хикс, помоги мне!

Раздался свист и грохот, затем в машине наступила тишина. В кабине пахло озоном после работы импульсной винтовки. Громкоговоритель на бронезилете был вдребезги разнесен очередью из М-41А.

Все молча приходили в себя. Берка стошнило.

- Знаете что, - сипло сказал внезапно очнувшийся в своем углу лейтенант Горман, укладывая импульсную винтовку обратно в гнездо, - Не надо таких «кобзонов». Я даже не представляю, что будет, если этот звуковой наркотик пустить напрямую, без инверсии. Какая разница — загрызут тебя до смерти в «русском

мире» или залюбят? В любом случае не выжить.

- Никому не выжить, — сонно сказала из своего угла Рипли. - Но если вас еще интересует мое мнение как консультанта, которого вы наняли для миссии, я бы выбросила ту корову, которая на крыше. Инопланетный организм, доставлен без карантина на борт корабля. Пункты один-сорок-два, два-шестнадцать и два-шестнадцать-бис карго-кодекса. Вы видели ее глаза?

- Никому не выжить, когда зоозащитники и феминистки узнают, что мы бросили недоенную и некормленную две недели самку млекопитающего на произвол судьбы, на расстоянии почти сорока световых лет от Земли. Извини, пункты кодекса перечислять не буду, слишком долго, - мягко заметил Берк, немного отодвинувшись от Вержбовски. - Кстати, Дитрих, как там наша самка коровы? На которой я хотел жениться.

- Не кормлена и не доена две недели. Была в обмороке, сейчас спит под наркозом. Не могу понять как она выдержала. Мастит вымени, местами некроз. Крайнее истощение. Хорошо, что коровник у русских без крыши, воды у нее было в избытке, - доложила медик, - Точнее сказать смогу после обследования в диагностическом отсеке. Прогноз позитивный, в целом, протезировать вымя можем на «Сулако». Но полное восстановление возможно только на Земле...

Зашипел передатчик транспорта, и оттуда прорвался искаженный и модулированный голос сержанта Эйпона.

- Лейтенант, можете заглянуть в центральный блок, в медотсек? Быдлоп тут кое-что нашел...

- Кто???

- Ну, этот, хуй резиновый со сметаной вместо крови. Умник типа. Видео никуды ни разу не передается. Тут вообще блять пиздец ничего не передается, даже сигареты. Первый раз такое вижу.

- Доложите устно.

- Ебанный мать в рот твою полный пиздец. Тут какая-то хуйня шевелится в стеклянных банках. Бишоп говорит что это соленые огурцы в рассоле. Это доклад на словах. Остальное визуально. Извините, лейтенант, блять, ебать вас в жопу, за то что я вас нахуй послал. Это я маску снял, стены колонии блокируют радиосвязь-хуязь, блять, ебать твою мать, связь по штатной-хуяйшной.

- Вы «кобзоном» пользовались?

- Сэр, блять, да, сэр, блять. Один раз. Отключите его немедленно, файл сука нахуй инфицирован. Больше сорока секунд пользоваться нельзя блять. Простите за ненормативную сука нахуй лексику, сэр. Внутри комплекса это блять пиздец действует намного сильнее.

- Потери от «кобзона» есть?

- Васкез. По крайней мере, мы потеряли ее в том виде, в котором всегда ее знали.

- Уровень повреждений Васкез?

- Сидит, плачет.

- Мне до дембеля месяц оставался, - тоскливо сказал Хикс. - И если уж Васкез плачет... Ебал я в рот такое счастье сука нахуй. Дит, можно мне «кобзона» секунд десять? Не больше. И вот, что, первого, кто скажет «нахуй», я убью сука нахуй, вам, блять понятно, нахуй?

-Хули тут неясно? - ответила Дитрих, и соединила консоль с работающим громкоговорителем.

* * *

Колесный транспорт со спейсмаринами сложил оружейную башенку за корму, развернулся, проехал еще раз через поле для игры в репу, и остановился напротив входа в центральное здание колонии. Колониальная десантура выкатилась из танка, расходясь веером в стороны, чтобы не попасть под взаимные директрисы огня.

Дверь базы была не выломана, а выбита изнутри, словно одним-единственным пинком великана, и валялась в гигантского размера луже возле входа. Хикс, отвечавший за коды и пароли, задумчиво покрутил универсальный чип для взлома защиты периметра базы, поковырял рукой в тактической перчатке электронный замок, и спрятал чип в карман разгрузки.

- Велкам, леди и джентльмены. - старательно вежливо сказал Хикс.

- Может, не пойдём туда? - робко спросила Рипли. - Ну, пожалуйста? Давайте не пойдём. Мы все полетим домой, а сюда просто скинем атомную бомбу. На «Сулако» же есть атомные бомбы?

- Здесь имущества компании на триста миллиардов, - твердо ответил Берк.
- Здесь наши ребята, — сказал Хикс.
- Здесь моя свинья, - добавил Вержбовски.
- Заходим, - сказал лейтенант Горман.



148395.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт три, строго 18+)

1.4. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт фо, строго 18+)

12 Марта 2017

id:lj:148628

- В каком смысле нет электричества? - спросил Горман, прижимая к горлу ларингофон. - У русских только в этом секторе около сорока тераваттных генераторов энергии для модификации атмосферы! Как здесь не может быть электричества? Здесь Санта-Клауса, допустим, быть не может, потому что он в Лапландии. Но только не электричества!

Подшлемный наушник что-то невнятно прожужжал.

- В каком смысле — вскипятили ледниковый панцирь? Зачем? Какие "хохлы спиздили" сорок тераватт? Кто вообще эти "хохлы"? Ксенос?

Наушник опять тихо ответил. Горман кивнул головой и переключился на радиоканал своей группы.

- Ребята, света не будет. Эти колонисты зачем-то выпарили полярную шапку планеты, создали искусственное море и заселили его дрожжевыми культурами. Бишоп в центральном посте монтирует генератор. Придется идти в темноте. Берегите батарейки. И вот что, больше никакого «кобзона». Этот хуй резиновый... извините, я имел в виду мистер Бишоп, сейчас держит связь по металлическому покрытию стен. Проводка из цветных металлов почти вся срезана и куда-то вывезена, но есть возможность получить на тактик-блоки другой звуковой ингибитор от этого психоза. «Кобзона» стереть, файл заменить. Как поняли?

- Оки-доки, - ответила Дитрих. - Есть, поймала сигнал от ху.. Бишоп, простите. Загружаю и раздаю.

В свете нашлемных фонарей коридор выглядел как декорация для фильма ужасов про вооруженных сектантов-луддитов, страдающих синдромами Туррета и Брейвика одновременно. Из проплавленных в решетчатом металлическом полу отверстий пахло рвотой и оливье, стены были изрешечены картечью и расписаны постоянно повторяющимся одним и тем же словом из трех букв. Первой была - «икс», второй «игрек», третьей буквой — вывернутое наизнанку «эн» с тайтлом над ним.

Хикс подошел к одному из проплавленных рвотных отверстий, дернул шнур фальшвейера и бросил его вниз. Горящий красный огонек пролетел несколько уровней базы и рассыпался, ударившись о дно терраформирующего комплекса, где-то глубоко внизу на уровне преисподней.

- Нихуя себе, - сказал Вержбовски. - От это заебись есть куда поспать в Мурманске!

- Веж, я предупреждал! - угрюмо сказал Хикс, и потянул из-за спины дробовик. - Никакого «нахуй» и «нихуя». Беспизды, я не шутил.

- Спокойно ребята, не охуевайте. - отозвалась Дитрих. - Я уже залила блокирующий трек. Только включаем фоном, чтобы не мешало тактической коммуникации группы.

- Что это? - спросил Горман, добавив громкость в наушниках и вслушиваясь в первые аккорды.

- «Отель «Калифорния», «Иглс», тысяча девятьсот семьдесят шестой год. Бишоп говорит, что действует безотказно, но через два-три прослушивания надо ставить «Лав ми тендер». Чередовать. Второй файл грузится, уже за тридцать процентов.

- Извини меня, дружище, сказал Вержбовски. - Сам понимаешь, сорвался. А вот теперь стало хорошо.

- И ты меня извини, - ответил Хикс, И тут же ударил коленом Вержбовски под дых, а затем пинком ботинка отбросил согнувшегося пехотинца его к стене. Три точки лазерного прицела, до этого дрожавшие на лбу Вержбовски, в стробоскопическом темпе заметались по стенам коридора, нацупывая цель.

Группа раскатилась под стены, занимая позиции для огневого контакта.

- Да что творится? - заорал Горман. - Парни, вы что опять взбесились?

- Никто не взбесился, сэр, - вежливо ответил Хикс з укрытия. - Мистера Вержбовски только что хотели ликвидировать. Неизвестный снайпер маркировал его, как цель. Я оказал боевому другу посильную помощь. Безусловно, силовое воздействие могло показаться излишним, но я поступил соответственно ситуации. Готов принести любые извинения.

- Благодарю вас, - ответил Вержбовски, - Но помощь была излишней. Как и извинения. Это был мистер Бибс. Я установил ему на внешний панцирь дополнительные средства наведения. Безусловно, лазерные лучи демаскируют стрелка в задымленном помещении, но поскольку мистер Бибс практически пуленепробиваемый, и работает, преимущественно, на открытых пространствах, то лазерный дальномер, с учетом его близорукости...

- И насколько вам было сложно доложить об этом непосредственному командованию? Или хотя бы шепнуть по-дружески. Безусловно, я не ставлю вам это в упрек, но...

- Дитрих! - рявкнул Горман, - сделай тише этот «Иглс», потому что мы сейчас здесь вальсировать начнем. Мы, все-таки, на войне, а не на танцах. Веж, запускай своего панцершвайна. Это группа Эйпона его отправила нам навстречу. Они регулярно теряют с нами связь, потому что кто-то спиздил... извините, украл всю медь и алюминий. Поэтому внутренняя стационарная связь не работает, а местные эфирные и наши тактические каналы блокируются стенами здания. Вместо плана колонии и контроля перемещения сотрудников у русских на центральном компьютере почему-то пасьянс «Косынка» и куча порнографии в каком-то древнем формате с чудовищной компрессией. Бишоп пытается восстановить информацию. Нам придется идти с проводником.

Звук "Иглс" в наушниках заглох. Вержбовски дважды свистнул, и мистер Бибс, свернувшись панголином, выкатился из-за угла коридора. Потом, похрустывая сегментами брони, трансформировался в походную форму, погасил лазерные прицелы, опустил наспинные миниганы и замер. Вержбовски подошел к нему, присел рядом, нажал на что-то неведомое за обгрызенными ушами боевого панцершвайна, и бронемаска Бибса с шипением разошлась, выпуская инертный газ.

- Свинюга ты моя, - ласково сказал Вержбовски, почесывая Бибса. - Хрюкотало поросычье. Отведешь нас куда надо, бронированная тушенка?

Бибс раздвинул двойные мандибулы и издал звук в инфразвуковом диапазоне, обозначая одновременно согласие и радость от встречи с другом и хозяином.

- Тогда идем, - сказал Горман.

- Тогда стоим, - ответила Рипли и посветила фонариком на стену. На стене было написано красным «МОВА». Рипли поднесла к надписи запястный тактик-блок, прижала его к стене, сработал ДНК-анализатор, и на мониторе гаджета появилось изображение кудрявой девчушки. «Ребекка Джордан, 6 лет.

Отец — Тарас Джордан, 38 лет. Мать - Оксана Джордан, 29 лет.».

- Все равно идем. - сказал Горман. - Для того, чтобы лоцировать ребенка по ДНК, надо выявить его идентификационный чип. А у русских в базе вместо плана и локации персонала — пасьянс и порнуха. Так, или иначе - нам придется идти к группе Бишопа. Вместе мы и узнаем где оно.

- Оно уже здесь — тихо сказала Дитрих. - Звуковой антидот «Иглс» подавил датчик движения. Оно идет за нами уже несколько минут. Трассирует нас. Выслеживает. Оно где-то здесь. Расстояние менее двух метров, оно в одном с нами помещении. Но мы его не видим. Значит...

Все синхронно подняли головы, осветив фонарями потолок. На нем, вниз головой, уцепившись за рифление ногами и руками, висела светловолосая девочка-кудряшечка дошкольного возраста.

- Зродились ми великої години? - непонятно сказала девочка.

- Што? - тупо ответил Горман. - Ви есть русски девка? Интерлингва говорить? Водка, балалайка, кушат? Девочка зашипела и поползла по потолку. Горман завозил пальцем по сенсору тактик-блока, пытаюсь найти протокол общения, совместимый с русской колонисткой.

- Поздравляю тебя с днем международного восьмого женского обрезания!

Девчушка взвизгнула, пробежала по потолку как таракан, затем соскользнула на пол, метнулась через коридор, опрокинув по траектории движения бронированного мистера Бибса, и юркнула в вентиляционное отверстие. Которое по непонятной логике русских инженеров базы, находилось не под потолком, а на уровне пола.

- Не стрелять!

Рипли ринулась в то же отверстие, поползла по металлическому тоннелю, яростно работая локтями и коленями, и уже за ней бросился оскорбленный панцершвайн Бибс. Но застрял в проходе, из-за диаметра корпуса и обвеса, наглухо закупорив вентиляцию своей синталь-керамической задницей.

Вержбовски подергал бронешвайна за закрученный хвост, пытаюсь вытащить его из проема. Сначала несильно, потом потянул, упершись двумя ногами в стену. Бибс издал рев в инфразвуке. Вержбовски, чувствительный к этому диапазону, отпустил хвост, сел на пол и виновато развел руки.

- Вот блять! - сказал Горман. - Извините, леди и джентльмены, вырвалось. Эмоции. Дитрих, дай всем еще немножко «Иглс». Постарайся связаться с Эйпоном, и скажи — группа разделилась. Хикс и Веж остаются здесь, вытаскивать Рипли, панцерсвина, и эту, как ее... Ребекку Джордан. А мы идем в центр управления. Пора уже что-то делать с этим «русским миром». Может он и русский, но на мир, как мне кажется, не похож вообще. И что пошло не так?

-Моба, - внезапно отозвался по общему каналу Бишоп. - То есть "мова". И не "восьмого обрезания", а "восьмого березня". Мы пытаемся найти этот коммуникационный протокол. Пожалуйста, лейтенант, не импровизируйте, не пытайтесь контактировать с местными сотрудниками. Просто идите к нам. Мы их нашли.

- Кого?

- Всех.

1.5. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт файф, строго 18+)

20 Марта 2017

id:lj:149294

- Я тебя буду сейчас на части резать, — сказала Дитрих, и пнула ногой офисное кресло на колесиках с сидящим в нем Картером Берком. Менеджер «Ютани-Вейланд» откатился к стене, состоящей из мониторов, упал на пол и поджал ноги.

- Я врач. Я умею делать больно. Очень больно.



148628.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт фо, строго 18+)

- Я еще более умею делать, - сказал рядовой Хадсон. - Хоть и не врач. Давай, излагай, пидор. Четко, как на правке. Прошу прощения, леди и джентльмены. Вырвалось. Дит, можно «Иглз» поставить немножко громче? Меня уже мутит от местного психофона.

- Только две минуты, Хэд, - ответила Дитрих, набирая на тактик-блоке коды, - Тут всех мутит. Дальше наступает передоз. Я сама от Лепса наоборот ахуело шо пиздец. Шо курва блять на пляже под пивас с водочкой. Сейчас, запускаю.

- Я прошу прощения, - сказал Бишоп, тарабанив по клавиатуре. - Просто экспериментально пытаюсь найти блокировку от этого русского духа. Моя модель не имеет готовых алгоритмов для данной ситуации. Инвертированный Лепс был моей ошибкой. Мне это трудно понять, моя модель не полностью совместима по эмпатии с биологическим сапиенсом, потому что я «резиновый хуй», как вы говорите. Но я бы предпочитал, чтобы меня называли «искусственным человеком».

- Заебись себе искусство, ахуительная архитектура, - отозвался Горман. - Простите, мистер Бишоп. Вы не искусственный хуй. В смысле не резиновый человек. Дитрих, дайте еще четыре минуты «Иглз» дополнительно. Мои извинения, мистер Бишоп.

- Извинения приняты. Вы не виноваты, это эффект «русского мира».

- Рипли была права, - вяло ответил Берк, возвращаясь с пола в кресло и вытирая разбитый в кровь нос. - Компания наняла русских, не учитывая тот факт, что Ахерон двойная система, и Новый Год для планеты Эл-Ве-четыре-два-шесть наступает один раз в семьдесят лет. Естественно, это привело к определенным эксцессам. Это никто не мог предвидеть. Кумулятивный эффект ожидания ритуального праздника в течении сорока лет превзошел все прогнозы. Поверьте, этого никто не ждал, и не планировал...

- Окей, - сказал лейтенант Горман, - Почему вы не наняли, например, конголезцев? Или румын, устойчивых к православному новогоднему синдрому?

- Дорого.

- Дороже русских?

- Намного. - Берк опять вытер окровавленный нос. - Раз в пять, как минимум. Поймите, мы коммерческая компания... Мы не можем нанимать квалифицированный дорогостоящий персонал для терраформирования отстойных планет, только рукожопых мудаков. На этот раз наняли русских с Русьматушки-14. Эл-Вэ, на самом деле не форвардный проект. Так, жопа мира. Мы не могли рисковать квалифицированным персоналом

- Это еще не все, - ответит Бишоп, разворачиваясь на кресле. - Через пятьдесят шесть дней после нового года в «русском мире» наступает так называемое «восьмое марта». Это случится через шесть часов.

- И что это значит?

- Это значит «все», - ответил Картер. - Они очнутся после нового года и трагедия повторится. И не

дай боже, чтобы повторилось Перводевятое мая, которое тоже здесь случается один раз в семьдесят лет. Горман, давайте сделаем так. Захватываем живьем одного самца, и, желательнее, самку русского вида для биологического анализа. Потом уходим. Поверьте, бонусы выжившим и компенсации погибшим превзойдут все ваши воображения.

- Там мои люди, - ответил Горман. - Бишоп, дай связь с группой С какого расстояния начала действовать эта... ммм... русская глоссолалия?

- Достает до орбиты, до стационара. Даже дальше. Индивидуальная запись внутренних камер слежения крейсера показывает, что первым слово «хуй» сказал рядовой Хадсон примерно в сорока четырех тысячах километров от поверхности планеты. Никто не понял, думали что он чихнул, все пожелали ему здоровья. Я могу найти видео с «Сулако», лейтенант.

- Не надо. Уводим людей. Передай разведгруппе команду на отход.

- Связь односторонняя, - ответил андроид. - Пока что. Я работаю, мистер Горман. Мы их видим, они нас нет. Мистер Бибс мог бы донести сообщение, но он, так сказать, заблокирован. Застрял жопой в вентиляци. И очень нужны Рипли и Вержбовски, с кодами «юкрейнской мобы». Она нейтрализует действие этого психоза. Это необходимо сделать до наступления восьмого марта. У нас осталось пять часов и сорок пять минут.

- Вот блять! Извините, - сказала Дитрих, и переключила «Иглз» на Элвиса Пресли.

* * *

- Что это такое? - спросил Дрейк, поднимая пахучую полупрозрачную массу с пола стволом смаргана. Рядовой Фрост поднес к жиже анализатор и перебрал программы на тактик-блоке. Анализатор подумал, затем выдал зеленые буквы теста.

- Это холодец. Свиной холодец. Есть вкрапления оливье. Испорченный, есть нельзя. Хорошо что тут Бибса нет, вот бы наша бронесвинюшка взбесилась. Старайтесь не трогать это руками.

- Заходим, - нетерпеливо оборвал рядового Эйпон. - Кстати, почему это место называется «актовым залом»? Русские что, занимаются актами в залах? Групповыми?

- Кто их поймет? Дикий народ. Я понимаю, что компания экономит на персонале, но не настолько же. Они бы еще павианов наняли, террамофинг обслуживать, - пожал бронированными плечами Дрейк и вскинул смарган. - Васкес, вытри с губ помаду, пожалуйста. Когда я виду тебя с розовой помадой, мне самому здесь страшно становится.

- Это все гадский «кобзон», - злобно ответила Васкес. - Сама не знаю, что на меня нашло. И я, кажется плакала и пыталась поцеловать Эйпона. Сука, я этому Бишопу его резиновую голову оторву, когда вернемся. И вот что, парни. Если кто-то проговорится об этом... ну, вы в курсе.

Смышленная и убийственная машина смаргана Васкес, стабилизированная бесшумными гироскопами, еле заметно дернулась на подвижном корпусном подвесе в сторону компаньерос.

- Спокойно, пехота, - сказал Эйпон. - Работаем. Помните девиз? «Мы или никто». Подумаешь, разок хотела поцеловать ниггера. Я чуть Дрейка не поцеловал под этого «кобзона». Точка, все счета закрыты. Заходим на счет «три». Раз... два... пошли!

Смарты операторов рывкнули, и запечатанная изнутри бронедверь «актового зала», раскалившись докрасна, повалилась внутрь помещения.

* * *

- Не штрель мене, мала, - мягко сказала Рипли, стоя на четвереньках и укрываясь за изрешеченным ружейной дробью углом воздуховода. - М не є москалька, а мову м забула, бо давно не з ким було мовить. Так можу зайти? Кидай гвинтаря, та поговоримо, як добрі люде.

- Померли всіє добрі люде!!! - Еще один заряд дроби вошел в панель воздуховода, и Рипли откатилась глубже по тоннелю. - Єдніє кацапи м ся залишили!

Рипли отползла от опасного угла и привалилась к стене. Некоторое время она размышляла, закусив губу, а потом тихонько запела.

- Ой у гаю, при Дунаю, соловей щебече...

- Далі!..

- Він-н-н свою всю пташи-и-и-ну до гніздечка кличе-е-е... Но то?

- То так. Заходь, але так щоби я долоні твої бачила.

Рипли вытерла вспотевший лоб. Положила на пол воздуховода импульсную винтовку, рядом с ней обвязку из девяти метательных ножей с левого предплечья. Отключила тактик-блок, по которому беззвучной сигнатурой по тактическому каналу в виде графика полз инфразвуковой рев мистера Бибса, вытаскиваемого за жопу из входа вентиляции канала. Затем поползла в логово страшноватой девочки.

И тут же уткнулась лицом в ствол шотгана.

- В Бога вируешь? Горілку пйошь? - девочка с ружьем говорила на каком-то малопонятном, но знакомом для Рипли наречии. - В жопу дайошь?

Рипли резким движением отвела баррели шотгана в сторону, ган еще раз грохнул, выкинув вонючую пустую гильзу. Обессиленный ребенок, выронив оружие, повалился в ворох пакетов с кошачьим кормом, упаковок витаминов, пластиковых флаг для воды и бумажных книг, которыми была забита вентиляционная камера.

Рипли подняла две книги. На одной было написано краткое «Кобзар», на другой «Попаданец в тело Сталина. Десант в прошлое. Марш империи».

- Мамо! - сказала девочка, не открывая глаза. - Де ти є?

- Я тута, кицюня моя. - ответила Рипли, обняв девочку. Затем достала влажную салфетку и протерла ей лицо.

- А ти гарнюнька, но то! Файнесенька дівуля. Мамо м тута, мамця тя не кине.

Рипли, стараясь не потревожить девочку, активировала тактик-блок и нашла канал Хадсона. На канале тихо шумел «Иглз».

- Хадсон. Вытаскивайте отсюда свою стальную свинью. Нам нужен выход. Я нашла коды этой "мовы". Подгоняйте танк, вытайскивайте панцершвайна буксиром, и прикручивайте к поросятине мобильный грузовой тендер, из расчета веса примерно на шестилетнюю девочку и около десятка бумажных книг.

- ... Я понял, мэм, - сквозь треск помех отозвался Хадсон. - Делаем. Все будет, на вафла отвечаю.



149294.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт файф, строго 18+)

1.6. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт секс, строго 18+)

24 Марта 2017

id:lj:149666

- Дрейк первый, - сказал сержант Эйпон. - За ним Фрост. Затем я с Васкес. Ничего не трогать, просто смотрим, инфо пишем на тактики. Потом своим покажем, если выберемся. Осторожней по двери проходите, она горячая, ботинки поплавит. Черт, почему же связи нет?

- Есть связь, - ответил Фрост. - Односторонняя. Тактики показывают, что от нас трансляция идет. Отсюда ничего не выходит. Хер его знает как так получается, я в русской технике вообще не разбираюсь. У них лампочки накаливания на вольфрамовой проволоке. Я даже не знаю — какой музей они ограбили? А унитазы ты видел? Я — нет. Это не унитаз, это дырка в полу, через которую говно летит на дно каверны станции. Посмотри на меня Эйп, я ребятам рукой помашу через твою камеру. Они нас видят, мы их нет.

- Все, идем, - сказал Эйпон и выплюнул сигару. - Я уже третий раз говорю «идем на счет три», и каждый раз на счет три мы начинаем бухать и курить перед объектом. Вот это психофон. Пошли. Васкес, вытри помаду, и этот цветок из головы вытащи, потому уже всем страшно.

- Я не могу, - сквозь зубы ответила Васкес, - у меня руки смартганом заняты. Я что здесь, единственная мужчина? Раз... Два... Три! Гоу-гоу-гоу!

Группа, перепрыгивая через раскаленную смартами бронедверь, вломилась внутрь «актового зала», рассыпалась по углам и зашарила наשלемными фонарями в инфракрасном спектре по стенам.

* * *

- Ох, ни хуя себе! - сказал Горман, наблюдая интерьер зала актов через камеру Эйпона в командном центре. - Это у русских называется "Кристмас"? Я свой выпуск в военном училище так не праздновал, хотя дослужился тогда за одну ночь от лейтенанта до капрала.

Зал был разгромлен вдребезги, стулья, зачем-то сколоченные рядами, валялись опрокинутыми на полу, стены были в копоти, экран информатора был расстрелян и вымазан чем-то засохшим. С потолка свисала елка, по непонятной причине к верху комлем. На макушку елки скотчем была наклеена красная пятилучевая звезда, вырезанная из картона.

- Зачем русские сколачивают стулья? - спросил Горман. - Это как-то связано с их ортодоксальной религией?

- Они коллективисты, - ответил Бишоп. - Общинники. Они так друг с другом соединяются. У них это называется «чувство локтя». Тихо! Вот оно! Камера Фроста.

Все шесть камер штурмовой группы развернулись и транслировали на мониторы центра помесь бреда художника Гигера и писателя Сорокина. По аудиоканалу шло только тяжелое дыхание штурмовиков.

В метровом слою полупрозрачного свиного холодца, который облепил стену, торчали колонисты, голые, и в позах, напоминающих эротические скульптуры индийского храма Каджурахо и российского Церетели одновременно.

- Мать моя женщина! - потрясенно сказала Дитрих, - И сама я женщина и мать! Что тут произошло? Это называется Рождество? Дамн, не дай, господи, дожить до русской пасхи!

Нашлемная камера Фроста выхватила лицо одного из колонистов, торчащее из настенного холодца. Фрост осторожно поднял голову погибшего сотрудника стволом огнемета за подбородок. Голова внезапно открыла глаза и хрипло сказала.

- Братюня, попить дай, а?

- Что? - ошеломленно спросил Фрост.

- Чо, по-русски не понимаешь, блять? В ебло захотел? - сказала голова, и блеванула в сторону Фроста мощной струей, мгновенно разьевшей броню морпеха.

Изображение камеры Фроста пропало. С монитора сержанта Эйпона было видно, как морпех в разваливающемся доспехе попятился, воспламенил поджигатель огнемета и вылил напалм в чудовище. Когда

горючая смесь почти откипела, голова, уже без волос, выдернула с чавканьем из расплавленного холодца руку с сигаретой.

- Благодарочка за прикурочку, - сказала голова, дважды затянулась дымом и добавила — А попить принеси. Там где-то пивас должен быть, вон в том углу.

Затем еще дважды затянулась сигаретой и выбросила окурки в сторону. Камеры пехотинцев синхронно развернулись, следя за траекторией полета окурка. Мониторы показали ящики с надписью «Хуй Ляо, лучшие фейерверки для ваших праздников из Бейджинга», в которые упал огонек сигареты.

- Срочно уводи оттуда людей, лейтенант - сказала Дитрих.

- Поздно, - отозвался Бишоп. - Все.

Мониторы штурмовой группы озарились белым светом, а затем отключились, и по ним побежали диагональные полосы. Из шести биосканеров, работающих где угодно и как угодно, четыре показали ровные линии. Двое — Васкес и Дрейк еще пульсировали. Эйпон то подавал признаки жизни, то нет. Видеоканал отрубился, по аудио доносился отрывистый грохот смартфонов и матерщина.

- Нам нужна эта ебаная «моба» - уныло сказал Картер Берк. - Надо закачать протоколы, Но у этих русских не оплачена мобильная связь, причем нашей же компании. А кредитка тут не действует!

- Ще раз назвеш мову йобанюю, м сам будеш йобаний, - внезапно шелестом отозвалась по тактичному каналу Рипли. - М ся вийшли з тої дупи, та їдемо до вас, гоп, на залізній свинюці. Протоколи м маю. Ї витягуйте панство зтуди, хто є ся зберіг. Бо тіко «русские сваих ні брасают», а так при дорозі лишают на пожив песам. А ти про Гамалію чув, Берку?

- Про кого? - растерянно спросил Берк.

- Про Гамалію. Що з Скутарі братів визволяв. Ну м то як доїду, то повідаю тобі. Ї молись, шоби в хаті рогача не було, добвню. Бішопе, тута?

- Да, мэм, - ответил андроид.

- Лінкуся зі мною по тактику, я буду протоколи начитувати по книзі. Але м мам проблему, «І» з двома крапками, апостроф в Лінуксі ...

- Все сделаем, мэм. Перепрошую, в смысле пани, - серьезно ответил Бишоп. - Но поторопитесь, до русского восьмого марта осталось всего четыре часа.



149666.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт секс, строго 18+)

1.7. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт севен, строго 18+)

25 Марта 2017

id:lj:149673

Датчик движения пискнул один раз, затем другой, а затем заверещал как хомяк под сапогом. Лейтенант Горман вскинул бронированный кулак, покрутил пальцем, и группа спасения мгновенно влипла в стены коридора, активируя разгонные батареи импульсных винтовок.

- Тихо, джентльмены, без глупостей — сообщил издали по общему каналу Бишоп. - Они могут быть инфицированы. Это комплексная инфекция, называемая «несвидомостью», то есть, отсутствием сознания. Мова — лишь один компонент пси-антидота. Мы с Рипли работаем над программой полной детоксикации. Тут есть еще «шанування», «повага», «воля», короче все в тугой клубок заплетено. Мы пытаемся разобраться. Альфа-версию антидота можете транслировать пораженным в пределах прямой видимости. Бета-версию попытаемся разработать в течении получаса и загрузить на ваши тактик-блоки. Прием, Бишоп.

- Почему дальше нельзя транслировать сигнал? - спросил Горман? - Из-за отсутствия электричества? Мы можем подождать танк с коровой и загрузить его аккумуляторы напрямую на станцию через переходник. Энергии броневика хватит лет на семьдесят, чтобы эту ржавую фавелу освещать.

- Из материала стен украдено все, кроме говна. - ответил по радио Хикс. - В прямом смысле. Говно, немножко фанеры и дюралюминия. Говно не пропускает сигнал, это ограничение на поражение органики, наложенное Компанией. Кто-ни будь, дайте там по еблу Берку. Сорри, компаньерос, дайте ему по фейсу. Мы в подземелье из говна и фанеры. Старайтесь не применять огнеметы, это говно горит, а доля этиловых паров в атмосфере зашкаливает за все показатели.

Картер Берк тихо отполз за угол

- Что с ребенком? - спросила в ларингофон Дитрих.

- Умылась, съела шоколадку и спит, - кратко ответил Бишоп.

Датчик движения снова заверещал, а затем из перекрестного коридора донесся грохот смартгана.

- Готовность! - сказал Горман. - Это наш день. Гоу-гоу-гоу!

* * *

Из перекрестья коридоров появилась Васкес, одной рукой волокущая по полу Дрейка, ухватившись за горжет его брони, а другой рукой нажимая триггер смартгана. За Дрейком тянулась широкая кровавая полоса. Панцирь Дрейка был словно изжеван и выплюнут крокодилом. Умная машина смарта на подвеске Васкес водила огнедышащим жалом по профилю коридора, опустошая заплечный боезапас стрелка.

- Васкес, мы здесь! - рывкнул Горман. - Отходим!

Васкес тут же развернулась, и дала очередь из смарта по своим. Умные пули «конгрев», сработавшие по системе распознавания «свой-чужой» замысловатыми зигзагами облетели морпехов, но одна из них отрикошетила от стены из говна и попала в живот Вержбовски, который бесшумно вышел из темноты станции вместе с Хиксом. Морпех сложился и лег на пол.

- Шо, блять, братья, спиздили у нас газ? - прошипела оскаленная Васкес, с лицом, перемазанным розовой помадой с блестками. - А у нас за вас диды ваевали! Суки, хахлы, ненавижу всех!

Оператор смарта опять нажала триггер, но опустошенный заплечник выдал только писк, а монитор оружия замигал красным на цифре "ноль".

- Даю бета-версию мобы, - прошелестел в наушниках голос Бишопы. - Грузите и транслируйте!

Горман надавил на сенсор тактик-блока. Пошел сигнал. Васкес тоже сложилась вдвое и легла рядом с подстреленным ею Вержбовским. Дрейк, уже, кажется, не дышал. По коридору нарастал топот. Хикс выпустил из подствольника импульсной винтовки три гранаты, отрикошетивших в перекрестный проход. Оттуда полыхнуло огнем и жаром. Топот стих.

- Заїбця, ахуеть - сказал Хикс, - В нас два «трюхсотих», один «двухсотий» таще одна ебанута на всю голову пиздося.

- Корректирую «бету» мовы, - отозвался Бишоп. По общему каналу прошел короткий треск, тактик-блоки команды перегрузились.

- Вибачте, панове, за нечемність. Двоє фізично поранених, та одна м бути психічно. Тра виходити. Пане лейтенанте, командуйте. Прошу.

- Перепрошую, - ответил Горман. - Но то, м маю відповідати, як командир. Доручаю вам, пане корпорале, як старшому по званню, прийняти на себе відповідальність за вихід групи до «Сулако». По тому — орбітальне бомбардування. Все, це є наказ. Я ся залишаю прикриттям.

- Я ся теж залишаю, - внезапно ответила Васкес, поднимаясь на колених с пола и отдирая с мертвого Дрейка ранец с припасом для смарта. - М сьо наробила, та теж мушу ся відповісте. А ще й кохам Гормана. А що поробиш, серцю не прикажеш.

- М думав, що мене кохаєш, - ответил с пола мертвый Дрейк, отстегивая карабины заплечника смарта.

- Та ньо, ми з тобою так, сексувалися. А кохання — воно ж як зоря, сходить коли йо не чекаєш. Навіть миші єбуться, то справа нехитра, а люди кохають.

- Кохаєш м? - спросил Горман. - То так? Певно?

- Завше кохала.

- А чом не казала?

- Стидалася. Бо дурний ти з виду, пришелепок. Два бойових вильота, ну шо це для козака?

- Та де ж м взяти ти вильоти, - горестно ответил лейтенант Горман. - Йеден вильот-штириста гривнів занеси. А зарплата три тисячі. А в мене мамка хора.

- Та знаю, - сказала Васкес, подошла и поцеловала Гормана в каску, оставив на бронекерамике шлема розовый отпечаток помады. - Том й не суджу. Шо, на життя довіки?

- На життя, та до самої смерті, - ответил Горман и поцеловал Васкес в мексиканскую повязку. - Все, группа пошла. Неисполнение приказа офицера — расстрел здесь или виселица по суду дома.

- Бишоп!- сказал в ларингофон Хикс.- У нас тут теперь трое «трехсотых» и одна... ммм... не совсем вменяемая женщина. Мы отходим. Операцией теперь командую я.

Группа канула в тень коридора, утаскивая за собой раненых, а Горман и Васкес, прижавшись друг к другу синталевыми плечами, встали в проходе, подняв оружие.



149673.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт севен, строго 18+)

1.8. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт эйт, строго 18+)

25 Марта 2017

id:lj:149675

- Все, - сказала Васкес, опуская раскаленный ствол опустевшего смарта, и доставая из разгрузки тяжелый нож. - Ніц не маю більше. Тіко сьо.

Коридор станции был завален говном, оливье и «русским миром». Русский мир тяжело копошился в говне и оливье.

Откуда-то сверху упал очередной кацап, и Васкес пригвоздила его через глаз к стене, прижав ботинком. Стальной клинок зашипел и оплавился в глазнице монстра. Горман отбросил отстрелянный в ноль офицерский пистолет.

- Цьомни мене, люба. На ніч.

- Не можу цілувати, бо м є невінчані. Шо люди про таке скажуть?

Горман покопался в своей разгрузке и извлек на свет две ультрапластовые гранаты с алюминиевыми кольцами.

- Сьо зійде?

- Так. Свідчишь ся?

-Так.

- Не брешеш? Не кинеш затім дівку заціловану?

- На Панбога присягаю. Но то! М є командер! Маю право законом оженити та розлучити поза метрополією, як керівник судна, Свідчити смерть та народження. Я наш шлюб свідчу. Трансляція йде до бази та архивується. Беру тебе в жони, до самої смерті.

- То цілуй мене вже, дурнику.

Горман и Васкес одновременно потянули кольца и поцеловались. Горман отобрал гранату у законной жены.

- Чом?

- М перший, кохана. То чоловіча справа — першим помирати.

На спину Васкес, проломив вентиляционную пластину из говнокартона, с потолка упал чужой и оторвал девушке голову с мексиканской повязкой.

- Чо, вийдем, попиздим? - спросило чудовище, невыносимо воняющее чешуей и винегретом у Гормана, наступив ему когтистой лапой на грудь, проминая бронезилет. - На уличку, а, бля?

- Попизди мені ще, - ответил Горман, затем отпустил предохранители гранат и свел вместе почти поклило ультрапласта. Преодолев критическую массу, субатомная взрывчатка засияла в руках Гормана сверхновой звездой, а затем затопила все вокруг ослепительным пламенем и покатила по коридорам станции огненным валом.

* * *

- Ніхто м я так не звав — Беккі. Тіко Ньют — сказала девочка, болтая ногами в воде на краю стационарного бассейна. - Братик так м звав, але зкацапів під Різдво. Як нень мій та моя неня. Всі зкацапіли. Як показалися. Йолку побачили. Рузські стали.

- Но то, - ответила Рипли, и погладила кудряшечку по голове. - Ньют. Пуголовок. Йм розумію. Не бійся, маська, тут добріє люде те прийшле рятувати. Маєм машингвери, штурмгвери. Моцна зброя, добрий вишкіл. Йони нас спасуть. Будеш ще чоколятку, доцю?

- Ньо, не хочу.

Бекки вдруг тревожно привстала и прислушалась к вибрации пола.

- Ой, недобре коїться, мамко...

В следующую секунду динамический удар от ультрапластовых гранат Гормана пинком снес Рипли и Бекки в бассейн. Рипли, давясь неожиданной горечью воды, уцепилась за бортик, и, налегая животом на кафель, вылезла из водоема, преодолевая тяжесть боевого обвеса. Затем протянула девочке руку, чтобы вытащить ее из бассейна.

Из воды восстала совершенно новая Ребекка Джордан. Малолетка гордо откинула мокрые волосы, назад, сорвала с себя игрушечный лифчик и, демонстрируя крошечные цицьки гордо спросила: - Ну чо, тетя, тебе сосать или лизать? Или по всей программе? Продлевать будете?

Рипли трясущимися руками набирала коды на тактик-блоке, надеясь, что аппарат не заклинило от жидкости.

- Бишоп!

- Да, мэ, - меланхолично ответил андроид из центра управления, - То есть, да, пани Хелена Риплева.

- Быстро двойную «Билу тополю» по всем каналам, - прорычала Рипли в ларинг, отплевываясь от горькой жидкости, - У них здесь целый бассейн водки. Цельный бассейн! Ньют упала туда. Я не могу ее вытащить. Она хочет секса с женщиной, и ей шесть лет. Чертовы русские! Это чужие!

- Двойную тополю нельзя, - так же спокойно ответил Бишоп. - Я пробовал. Хадсон с Хиксом начинают обниматься и рассказывать друг другу срамные истории из детства. Я отправляю к вам панцершвайна. Держитесь, примерно четыре минуты на подходе. Перепрошую пани.

- Перепрошую пана, - механически ответила Рипли, и отключила тактик, наблюдая как страшная голая девочка вылезает из бассейна с водкой.

Рипли усилием воли погасила батарею импульсной винтовки и достала из разгрузки последнюю шоколадку.



149675.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт эйт, строго 18+)

1.9. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт найн, строго 18+)

29 Марта 2017

id:lj:149686

- Бишоп, сделай что-нибудь! - панически сказала Рипли в тактик, наблюдая за маленьким шестилетним чудовищем, вылезшим из бассейна с водкой, со спущенным до колен комбинезоном и притаптывающим вприсядку мокрыми от водки кедами, под напев «Ой, я помню, девкою была».

- Не могу,- сказал Бишоп из командного центра. - У девочки разрушены водкой из бассейна тактик-блок и коммуникатор. Мне надо вывести трансляцию на общие громкоговорители станци, а это несколько дней работы, и у нас нет инженеров, одни головорезы.

- У меня же блок не разрушен! И я была в этом бассейне!

- У тебя лицензионная военная модель, герметизированная. А у девочки гражданский местный шлак, собранный русскими на коленке по китайской лицензии. Все схемы и чипы растворились. И, пожалуйста, не применяй седативный парализатор. В сочетании с водкой, ты убьешь ребенка. Бибс на подходе. Он подобрал Эйпона, так что ты не будешь одна.

- Спасибо, Би, - сказала Рипли, опуская винтовку и возвращая барабан выбора боеприпаса оружия от шокового седатива в исходное положение стандартного патрона и ставя импульсную винтовку на предохранитель.

- А я уже думала стрелять. Как вы там?

- Плохо, - ответил андроид. - Но мы держимся. Времени все меньше. Конец связи, миссис. Желаю удачи.

* * *

- Ньют, хочешь шоколадку? - осторожно спросила Рипли у мокрой от водки малышки.

- В жопу себе ее засунь, - злобно ответила Ньют, и поползла на четвереньках к уоррент-офицеру «Ностромо».

Рипли, не понимая что делать, перевернула винтовку прикладом вперед для удара. И в это время ворвался мистер Бибс. Верхом на нем восседал сержант Эйпон, без каски, с перебинтованной головой, черно-красным окровавленным лицом, и оторванной по локоть левой рукой. Винтовка висела за спиной, стволом вверх, как у охотника. В правой руке у него была сигара. Левая была передавлена жгутом, явно наложенным панцершвайном. Тактик-блока на Эйпоне не было — он остался в ущельях «актового зала» русской базы вместе с рукой.

Бибс своим комбимеханическим пятакон привел анализ воздуха тут же навел на девочку три лазерных прицела.

- Ну чо, блять, заждались русских ниггеров, уайт-треши? - невнятно прознес Эйпон. - Мы бродячие артисты, на хую эквилибристы, и фургончик в поле чистом — это наш привычный дом!

- Что? - потрясенно переспросила сержанта Рипли.

- Мы певцы и музыканты, мы таланты и мутанты, а когда накатим водки — лошадей своих ебем! - допел Эйпон, и точно так же, как мутант из «актового зала» терраформирующей базы, затянувшись сигарой, бросил ее в бассейн с алкоголем. По бассейну пробежала бледно-синяя волна огня, а потом воспламенился проспиртованный воздух.

Элен Рипли набросилась на девочку, прижимая ее к полу своей броней, Эйпон просто истлел от удара пламени, а панцершвайн, свернувшись в боевой колобок, выкатился из помещения, затем заблокировал собою дверь, опустив раскалившуюся бронемаску на пятак.

Огонь утих, Рипли поднялась, прикрываясь рукавом от жара, и тут же получила два когтистых удара в лицо, разорвавших щеку и губу.

- Чо ты малолеток лапаешь? - злобно спросила Ньют, - Ааще ахуела, тетка? - Затем сорвала с себя тлеющий на ногах комбинезон и метнулась в конец помещения, как крыса по канату пронеслась по вертикальной стальной лестнице и исчезла в вентиляционном отверстии.

- И кого ты мне привез, - горько спросила Рипли у Бибса. - Это помощь называется? Это пиздец называется. Лучше бы я была одна.

Бибс виновато хрюкнул ультразвуком, собрал маску в сегменты, оскалил двойные мандибулы и обернулся на обугленные останки Эйпона.

- Иди на базу, - твердо сказала Рипли. - Я ее не брошу. Съо моя доця. Я иду за йой. А ты опять сракой опять проход заткнешь. Скажи им, пусть как хотят, так восстанавливают трансляцию мовы по станции. Через стены, со штатного спутника, через «Сулако», через еб твою мать. Иначе нам всем конец. Ты понял? И не говори плохого об Эйпоне. Есть вещи, которые сильнее человека.

Бибс хрюкнул в инфра.

- Стой. У меня винтовка сдетонировала боеприпасом. Открой свою кладовку, порося.

Бибс распустил на спине бронированные сегменты карго, Рипли погрузила туда руки, вытащила и прилепила к бедру универсальную аптеку, затем извлекла два «Пара-600», вложила руки в амортизирующие ложементы пистолетов, размяла пальцы в тактических перчатках и проверила боезапас.

- Все, беги, свниюка. Береги себя, тушенка бронированная. Дай цьом.

Мистер Бибс, парнокопытноамериканец, дружески ткнул Рипли под колено пятаком, выложил из-под хвоста еще две батареи для тактик-блока, и метнулся в дверь.

Откуда-то сверху, из тонкостенных вентиляционных прокладок, донеслось царапанье слабых коготков и детский голос, напевающий: «Ой, мороз-мороз, хуй к пизде примерз...»

Рипли сцепила зубы, сплюнула кровь, перевела «Пара» в прилегание по предплечьям, проверив скорость выброса оружия обвесом в боевое положение, и полезла по лестнице в темную вентиляцию.



149686.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт найн, строго 18+)

1.10. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тен, строго 18+)

30 Марта 2017

id:lj:149688

Рев стволов автоматических турелей, свист реактивных пуль-«конгревов» смартгана Дрейка и четкое щелканье импульсов Хадсона из коридора затихли. Отзвенели, прыгающие по коридору круглые, как монеты, демпферы реактивных патронов смарта и гильзы гранат подствольника импульсника. Затем в центр управления заглянул сам закопченный Дрейк, зацепившийся длинным стволом смарта за косяк прохода. Лоджик-машина на подвесе оператора дрожала, пытаясь самостоятельно пройти в проем

- Вы это, умники, уже давайте делайте чего-нибудь. У меня пять кассет для смарта осталось - и дальше все. Откуда они вообще лезут? Их по списку должно быть двести семьдесят шесть человек. Допустим, они немного размножились. Там в коридоре более полутысячи трупов. Коридор завален почти до потолка. Еще внизу сотни две. Они реально жрут друг друга переед смертью, и при этом совокупаются с трупами. Я не знаю даже, на что хуже смотреть.

- Снизу, - тихо ответил Бишоп. - Там, под «актовым залом», есть «сортир». Скорее всего это их расчетный центр, происходящий от французского слова «сорте». Отсюда сортировать, ассортимент и прочее. То есть разделение для учета, центр управления. Оттуда они и ползут, из сортира. Причем сразу во взрослом виде. Настоящий центр управления — это игрушка, обманка. Настоящий их центр - «сортир».

- Сортирщики, значит — со злобой сказал Хадсон. - А почему от них говном воняет? У них компьютеры на говне работают?

- А потому что, - сказал с койки контуженный в живот Вержбовски, - «Сортир» - это для русских туалет. Как и французский туалет, собственно, как и немецкий ватерклозет, как и американский дабл. А вовсе никакой не центр управления.

- У них что, туалетов нет? - потрясенно спросил Хадсон, набивая магазин импульса из цинка.

- Нет, туалеты у них есть. У них нет для них названия, Потому что русские срут где попало, и им везде туалет, так нахуя его как-то специально называть? - ответил Вержбовски, сгибаясь в животе, подгибая колени к контуженному прессу. - Ну вот как ты называешь рыбу?

- Какую именно рыбу? — спросил из-за терминала Бишоп.

- Вот именно - сказал Вержбовски, - она для степного жителя одна. Ты робот на стандартном биокомплексе питания пакета «Вейланд и Ютани», ты не понимаешь, что рыба есть разная. Ты жрешь инъекцию. Рыба для тебя она и есть рыба, а для русских сральня она и есть и сральня. Она одинакова везде, где приспичит поспать. Для рыбака есть короп, есть окунь. Для едока — нет. А им хоть под деревом сри, хоть на золотом унитаза, говно выходит одно — весь мир для них стандартный биопакет, - раненый рядовой поднял голову и потерял сознание в своей койке, обвалившись в матрац ищ пены..

- Я вообще ничего не понял из сказанного — сказал Бишоп. - какую связь имеет рыба и туалет? Это был какой-то бред?

- Я все поняла, - сказала капрал Дитрих. - План «Си», Бишоп. Работаем.

- Это потому что я для вас робот? - смиренно осведомился андроид? - И вам меня не жалко? Разменная монета? Но я всегда предпочитал, когда меня называют «искусственным человеком».

Дитрих тяжело вздохнула, захлопнула складной тактический терминал, поднялась с места и подошла к Бишопу упершись ему в лысоватый лоб каской.

- Понимаешь, Би, У русских наступило восьмое марта. Если бы ты был мужиком, тебя бы споили. Если был бабой — выебали. Но ты для местных ни то, ни другое, ты резиновая кукла. Максимум, что могут с тобой сделать — это подарить. Ты единственный член команды, который может добраться до броневика и вызвать бэк-шаттл с «Сулако». После гибели Гормана я второй человек в вертикали командования, и пока наш лейтенант бегаёт по коридорам и играет в «Дум», я отдаю приказы.

- Я понял, мэм, - холодно ответил Бишоп, - Резиновая кукла в вашем распоряжении.

- Ничего ты не понял, - еще холоднее сказала Дитрих. - Это я клала розы раз в году в твоей каюте, в каждый день твоей сборки, идиот. Которые ты сразу выбрасывал под категорией «органический мусор». И если ты не понимаешь, то ты реально хуевая модель. Дай мне руку, киборг.

Бишоп послушно протянул правую ладонь. Дитр выхватила из подвески листовидный тяжелый клинок, быстро полоснула себя по ладони, затем ладонь Бишоп и свела руки. Красно-белая капля упала на пол.

- «Урошнор», два-два-семнадцать, - сказал Дитрих. - Код подтверждаю, как офицер мобильной колониальной пехоты. Капрал Дитрих, дактилокод подтверждаю — Дитрих приложила палец к погону, - Бишоп повалится на пол, затем поднялся на четвереньки, и опираясь на руки, полез по стене, стараясь встать на обе ноги.

- Ебануться, - сказал Хадсон. - Она раскодировала боевого андроида. Зачем? У него же хуя даже нет!

- Я закажу ему десятикилометровый хуй в биогруппе Вейланда, если мы вернемся домой. - ответила Дитрих. - а тут мне достаточно поцелуя.

- Тебе двадцать один сантиметр предел, а то лопнешь - сказал Бишоп, отворачиваясь от стены. Затем его вырвало красно-бело-синим.

- М прошу вибачите за особисте, м сі тіко народив як несинтетична людина. - прохрипел Бишоп. дався во рту какими-то чипами и проводами - И вообще, в хате мужик решает. Но принимая во внимание. Режьте трубу, я ухожу к броніку. Як ся не поверну через штри години, мо б шість — то м ся тікайте. До самальотів. Тікам м с сюди.

Бишопа опять вырвало кремнием и гаками.

* * *

- Як м ся не прийдеш — сказала Дитрих.- То я сама прийду до тя, й то буде аллілуйя, ся м нехай ховають по хатам. Шоби там таке не було. Спалю сьо шо сбачу. В попіл. В порох. В недихай ме. Майо м фламтрувера, імпульса, та шестибарретний гарматник центрального поверту. Повибаю нахуй до йобаной матері. Вибач, коханий, шо лаюся, як кацапина, а м то нерви в жіночки.

- Но то, м ся не переймай, кицьо. Життя ся так склало. Цьом ме, кохана? Нью, не на останніє є «цьом», йо, жени дурні думки. Так, чьомочки. На побачення до стрічи.

- На тобі перше, - сказала Дитрих, глубоко, с языком поцеловала Бишопа, - Цей цьом за любов. На другий, на путь, то другий цьом. А третій, як схочеш отримати, ся м повертай живий, коханий, бо як цьомну втретьо, то маю м мати діте, як тричі цілована - и заварила за ним разрез трубы. Затем приложилась ухом к остывающему металлу. Бывший андроид перевернулся на живот, и пополз по тьюбу, подтягивая за собой сумку с инструментами.

Дитрих всхлипнула и уткнулась головой в металл трубы. К ней осторожно подошел Хадсон и погладил ее по плечу.

- Слушай, Дит, я понимаю, что любит бесполого робота сложно...

- Сам ты бесполоый робот, хоть и трахал меня четыре года, и ни разу цветов не подарил. А он человек. Синтетический.

Хадсон помялся, потом сел на пол рядом с Дитрих и обнял ее, скрипнув панцирем.

- Извини. Хуйню пизданул. Добавь "Иглз" на канале. Реально кроет ксенопсихоз. Хочешь я за ним поползу? И обратно приволоку?

- А смысл? Мужики, когда их любишь, всегда от тебя уползают в какую-то канализационную трубу. Вот почему ты не полез?

- Вот тут ты не права, сеструха, - серьезно сказал Хадсон и погладил Дитрих по каске. - Мужки упозаю в трубу, чтобы ты не полезла туда. Вот теперь я точно понял, что Бишоп человек. Мужик - он состоит в голове, а не в штанах. Хоть и синтетический. Давай резак, я тоже полезу, вытащу твоего красавца из силикона.

- Поздно,- ответила Дитрих, и посмртрела на потолок. С него, прожигая армирование, сочилст рвота и оливье.

1.11. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт елевен, строго 18+)

1 Апреля 2017

id:lj:149716

Рипли яростно скреблась по коридору воздуховода шипованными налокотниками и наколенниками, снятыми с обугленного Эйпона. Штатским консультантам такой доспех был не положен, и Рипли благодарил себя за то, что раздела труп и не взяла винтовку. В тесноте дюралевой штольни с армейским импульсником ей было бы не пролезть. Офицерские «Пара-шестисотки» уютно лежали в предплечных сегментах. Всегда готовы к услугам.



149688.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тен, строго 18+)

Сверху, из разорванной коммуникации на Элен полилась канализационная вода, смешанная с питьевой. Затем упали два соленых огурца и презерватив.

Рипли выругалась, перевернулась на спину, уперлась в потолок коридора ногами, извлекла стрелковые пары из ложементов, и отстегнула тяжелые охладители пистолетов, делающих их невидимыми для снайпера в инфракрасном спектре. Некому тут было следить за спектрами, тут пили водку с говном и засовывали кукумбер в гондон, а куда его потом засовывали было даже страшно подумать. Тут надо было с копьем ходить, а не с благородным потомком «Парабеллума». Рипли отбросила дымящиеся инертным газом охладители.

Скользкая, пьяная, голая, обмазанная водкой и холодцом, девочка все дальше и дальше убегала по сплетению служебных коммуникаций. На очередном повороте тактик-блок Рипли потерял сигнал движения. Рипли активировала химиотрекер. Молекулы этила от выдоха малолетки выдали четкую трассу движения ребенка, ведущую в самый низ станции, именуемую на локальной карте как «сортир»

- Бекки, кицюня, йдемо до хати, - панически закричала Рипли в коридор, усилив голос наружным транслятором бронезилета и пытаясь докричаться до девочки. Крик отразился от говнодюралевых стен эхом. - Но то прошу тя, масінька! Не бешкетуй. Ся заспокій, то є горілка, діцько! То для дорослих. М, я маю для тьо чоколятку.

Таким же эхом донеслось откуда-то снизу и левее: «Да я вже дарослая. Йде нахуй, курво».

- «Курво», - сказала Рипли. - Но то. Шось залишилось з людського. То є шанс витягти.

Элен перевернулась на живот, поползла вперед, уродуя шипами обшивку и проклиная прямоугольные повороты воздухопроводов русской станции. Пот заливал лицо, и Рипли на секунду остановилась, чтобы поднять прозрачный щиток шлема и вытереть лицо.

В наушнике внезапно прозвучал отчаянный детский визг. Рипли зарычала и ускорила, извиваясь как червь, продираясь сквозь тесный коридор. На одном из поворотов тонкая решетка вентиляции подломилась под ней, и Рипли по металлической кишке полетела вниз, стараясь притормаживать шипованными налокотниками. Кишка внезапно кончилась, и Рипли грохнулась на пол.

* * *

- Что-то мне не хочется помирать, - сказала Дитрих, с тоской глядя на капающее с потолка жгучее оливье. - Свадьба и похороны в один день — это как-то перебор. Прямо как в кино Тарантино. Килл-Билл.

- Никому не хочется, но кому-то придется. - угрюмо ответил Хадсон. - Знаете что, валите отсюда. Валите в этот сортир, и разнесите его к ебаной матери. Мы морпехи, или кто? Дрейк, дай смарт. Тебе уже не надо, а я продержусь.

- На, - честно ответил Дрейк, расстегивая замки подвески смартгана. - Только он пустой. Ты его разверни, и другой стороной, прикладом по голове бей. Он тяжелый, нормально получится.

- Сгружайте оставшийся боеприпас на стол, - решительно сказала капрал Дитрих. - Две трети нам, треть Хадсону, и уходим в «сортир». Выжигаем там все к черту и прорываемся наверх, к моей манюне. Простите, к Бишопу. Кстати, где этот охотник за привидениями Хикс? И где ебаная свинья.

- Он не «ебаная свинья», - отозвался с койки Вержбовски, - а тактический десантный панцершвайн мистер Бибс. И потом, он кабан. Ебаная свинья — это Картер Берк, который незаметно исчез, прихватив аварийный пульт вызова бэк-шаттла.

- Пульт отсюда не действует, - растерянно сказала Дитрих. - Если бы действовал, мы бы не отправляли Бишопу по трубе на поверхность. Ты же сам видел, что творится в коридорах. Там пройти наверх невозможно из-за русских. Только вниз.

- Закорешился, - злобно ответил Вержбовски. - Забухал. Шас сука, вместе накатят водачки, оливьем и холодцом закусят, вызовут шаттл, погрузятся на «Сулако» и полетят на Землю. Праздновать свое Перводевятое мая. А потом Пасху.

- Это пиздец. - ошеломленно сказал Хадсон. - Извините, леди и джентльмены. Это не ксенопсихоз, просто у меня нет других слов. Дрейк, давай свой смарт. Черт, такая высокотехнологичная вещь, а штык-нож к ней приделать не додумались. Веж, иди самостоятельно сможешь?

- Теоретически, - сказал Вержбовски, тяжело поднимаясь из койки.

- Тогда давай, теоретически иди. А то через пять минут будешь практически лежать навсегда. Все, отваливайте, пехота. Я остаюсь

- Хадсон, - сказала Дитрих перед тем, как заварить намертво дверь отсека снаружи. - Я тебя считала трусом. Но отважный не тот, кто боялся всю жизнь, и притворялся смелым, а тот, кто не стал притворяться ссыкуном в последний ее день. Мала високу честь з вами служити, пан Хадсон.

- Мав честь служити з вами, пані корпорал. Живіть та перемагайте.

Дитрих коротко кивнула, приложила к шлему два пальца и захлопнула дверь. По периметру двери пополз огонек плазменной сварки.



149716.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт елевен, строго 18+)

1.12. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт твелв, строго 18+)

1 Апреля 2017

id:lj:149719

Рипли встала на четвереньки, затем поднялась на ноги. Оружейные пары выкатились по направляющим ложементов из предплечий и встали точно в ладони. Индикаторы заряда затлели темно-зеленым, а в бэкзаке отчетливо клацнул механизм подачи дополнительного боеприпаса.

В «сортире» станции творилось невыносимое. Гремела какая-то музыка под мужской голос, которую тактик-блок перевел как «Централ Василия», омерзительно мигал стробоскоп, а весь зал был заставлен деревянными цилиндрическими фигурами, примерно в метр ростом и разрисованными под женщин в хохломе.

Рипли опустила на лицо маску-хамелеон, подавив противофазой стробоскоп и активировала датчик движения. Ничего живого в помещении не было. Через секунду датчик пискнул, и Эллен мгновенно развернулась, наводя «пары» по директрисе.

В углу, свернувшись клубком, лежала голая и пьяная шестилетняя девочка. Рипли откатила триггеры боевой пары, выдернула из бэкзака штатный армейский дождевик, и набросила его на ребенка. Умный синтетик тут же пополз по телу ребенка, окутывая его и проводя швы по бедрам и рукам. Рассчитанный на среднего морпеха дождевик оказался велик для шестилетки, и остатки ткани собрались в защитные валики под затылком и на коленях.

Рипли выдернула из разгрузки тактик-блок покойного Эйпона, нацепила его на руку девочки, ввела пароль и активировала тактик. Блок подтвердил запрос, перегрузился и показал «ОКАУ» Рипли осторожно загнула в бедро Бекки тубик алкогольного антидота.

- Доцю, чуеш мене? - спросила Рипли, загнув шансон наушниками. - Каж мі, люба.

- Мамо, цо то з м було? - слабо ответила девочка, ворочаясь в углу. - М ся теж зкацапіла? Як братик та нень з ненею? То м вже є матрьюна? Буду плясать в рїстаранах та їбаться на шашликах в саунах?

- Нью. - твердо ответила Рипли, прижимая к себе Бекки. - Ти мову знаєш, том імунізована від кацапізму. А то шо було — то так, остатня пам'ять. На, тримай.

Рипли отстегнула с левого предплечья один из своих «Пара-600» и навесила его на руку девочки. Рука ребенка тут же повисла, оттянутая весом оружия.

- Но то, знаю що важко. Жити загалом важко, а з москалями втричі. Двома руками бери гверу, здіймай та штрель все, цо по кацапкї бормотіти те. Бо то не козачка, що незбройна. А горїлку більш не пий. Як м ся зростеш, то на свому весїлі з чоловіком дорбого вина впиєш.

- Я не хочу чоловіка, - жалостно ответила Бекки, поднимая двумя руками «Пара» и проводя алым треугольником прицела по стене — Я котика хочу, і до дому, мамо. Но то, м зброю втримаю.

- Уже едемо до дому, - ответила Рипли. - Тіко до метра тра ся добрать. Лізь на мене, понесу тя, зайсю.

Одна из размалеванных деревянных статуй за спиной Рипли треснула, и с нее слетела верхняя часть. Эллен мгновенно развернулась и вскинула руку с боевым ложементом. Из деревянного сосуда шел пар, который тактик-блок распознал как этил, а затем выдал еще список органических веществ.

- Стой здесь, - сказала Рипли девочке, и осторожно подошла к деревянной кукле, целясь в нее пистолетом. Затем заглянула внутрь. Внутри копошилось что-то непонятное и членистоногое.

- Крал Мракс, - сказало непонятное. - Хрибрих Эмбельс. Эмперие. Все пабратски

- Что? - ошеломленно переспросила Рипли.

- Копытал. Сисиализм, — ответило непонятное, - Имперационализм, - и быстро метнулось из деревянного яйца в лицо уоррент-офицеру, уцепившись за ее затылок десятью лапами и обвив горло хвостом. Бекки дико завизжала, дергая «Пара», и пытается снять его с предохранителя.

Существо, обжав лапами голову Рипли, пыталось впихнуть ей в рот какой-то упругий орган. Рипли выстрелила в него из пистолета, и тут же подавилась вонью от прокисшего оливье и говна.

- Да отсоси уже, блядь хохлятская, - сказала существо, проталкивая Элен в горло свой яйцеклад. - У меня западенские гастеры шесть дач на Рублевке построили. Мы же братья! Или ты мазепа предательская? У меня деды воевали, тебе что, за наш Сталинград отсосать жалко?

Рипли, хрипя и давясь кацапским яйцекладом, каталась по полу, пытаясь отодрать чудовище от лица. Бекки Джордан, наконец-то, сняла оружие с предохранителя, и металась вокругкатающихся тел, не понимая куда стрелять, и удерживая тяжелый пистолет двумя руками. Еще с двух «матрешек» с вонючим выхлопом щей и водки слетели крышки.

Внезапно существо сорвалось с лица Элен, оставив на память вялый хвост вокруг шеи. Рипли, блеванув на броню, попыталась подняться. И снова обрушилась на пол. Ее слабо потянула за руку Бекки.

- Ставай, мамо, бо не час відпочивати.

Рядом тактический панцершвайн Бибс терзал ракообразное русское своими двойными мандибулами. Битва хищника с чужим заканчивалась в пользу хищника, потому что на модифицированного боевого кабана Бибса «пьяный как свинья» не действовало. Еще двоих ползущих к девочке «братьев» прижег импульсами капрал Хикс, вываливавший из отверстия вентиляции, как Санта-Клаус на Рождество.

- Кавалерия прибыла, — весело сказал Хикс. - Едем в Лас-Вегас!

- Детский сад прибыл, - ответила шестилетняя Бекки, и потыкала пальчиком в тактик-блоке покойного Эйпона. Стробоскоп и шансон прекратились, и в «сортире» загорелся ровный аварийный свет. Тоннель уходил вдаль, и все пространство было усажено деревянными «матрешками».

- Ох, еб твою мать. - сказал Хикс, оглядывая зал. - Извините, что выражаюсь при женщинах и детях, но тут все, кроме меня и бронесвиньи, только женщины и дети.

Бибс негодуяще заверещал и поднял миниганы.

- Та не вийобуйся. Я ті ще полосатим знам. Ми з Вержом з одної академії. Тіко вин на Ка-елевен пішов, а я на штурм, бо м не такий розумний. Бери малу, та тікай до поверху. Все, це наказ корпорала, командуючого операцією. Виконувать, та швидко. А як ньо — то до свинячої гауптвахти підеш. Й щось мені ще хрюкни, я тобі пятака набию.

- Мамо, я не піду без тя — сказала Бекки.

- Підеш.

- Не піду.

- То по сраці.

- Ну мамо...

- Ньо. Ся сідай на панцера, та на поверх. - сказала Рипли, поправляя околошейный валик синткани костюма девочки и проверяя количество зарядов в ее пистолете. - Касочку не зімай, бо ся застудиш. Там жимно, а в касочці підкладочка. И шоб пакети весь час не їла, а котлове довольствіє.

- Мамо, т ся вернеш? - жалобно спросила Бекки?

- Так, - серьезно ответил вмето Рпли Хикс. - М тобі кажу, шо йо те верну.

Девочка села на панцершвайна, который тут же зазлестнул ее ремнем безопасности к спине, и поцарапался вверх по стене.

- Знаешь, Эллен — задумчиво сказал Хикс, провожая взглядом панцершвайна, ползущего по стене. - Мы все любим друг друга, только не понимаем — кого именно. У нас открытые порты доступа, как у нешифрованных тактик-блоков. И только когда протоколы совпадают, мы начинаем это понимать. Я вот тебя люблю. А ты кого? Да, кстати, держи, это импульсная винтовка. И пять магазинов. Одного пистолета не хватит.

Хикс снял с плеча имульсник и надел ее на Рипли вверх прикладом. Рипли тут же перевернула его, совместила с боеподачей и проверила наполнение.

- Фрост мне нравился. Горман - нет. А тот, кого я любила, умер давным давно. Моя дочка, прикинь, умерла в шестьдесят шесть лет, пока я лежала в анабиозе на шаттле «Ностромо». Картер Берк принес мне ее фотографию, там реально была бабушка.

- А меня ты смогла бы полюбить?

Еще несколько деревянных яиц-«матрешек» лопнули, выбрасывая смрад и чудовищ.

- Не знаю. Но думаю, что мы умрем с тобой в один день и в один час, как муж и жена. Держись ближе и прикрывай спину.

В коридоре опять затрещали матрешки. Рипли и Хикс вскинули оружие и активировали наводнение.



149719.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт твелв, строго 18+)

1.13. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт тринадцать, строго 18+)

6 Апреля 2017

id:lj:149740

- Здесь, - тихо отозвался на канале Бишоп. - Добрался до центра связи. Но кое что изменилось.

- Что, милый? - ответила Дитрих, прижимая к горлу ларингофон. Связь была отвратительной. - Ты разлюбил меня?

- Перестань. Я сделал вызов на «Сулако», но ангар оказался пуст. Второй шаттл ушел. Я просмотрел протоколы, вызов с аварийного коммуникатора сделал Картер Берк, служащий компании «Вейланд и Ютани».

- Что нам делать?

- Ничего нового. Действуйте по плану. Шаттл сел на поле для игры в репу, и я убил Берка. Я его разлюбил.

- Андроид не может убить человека, - потрясенно сказал Вержбовски. - Это в биосе прошито. Законы роботехники. Ты водки не пил? Перегрузи свои протоколы, у тебя за левым ухом сенсор, и если нажать его и подержать пять секунд, ты перезапустишься.

- Я больше не андроид, - холодно ответил Бишоп. - А он больше не был человеком.

- Как ты его убил?- спросила Дитрих. - Ты безоружен.

- Зарезал ножом. Как свинью. Нож — первое оружие, которое постигает человек. Два раза по горлу, под ключицу и под ребро.

- Эй-эй, полегче про свиней! - отозвался Вержбовски. - Мистер Бибс злопамятен примерно на четыре пентабайта.

- Вот это мужик! - отозвалась Дитрих, отключив канал. - И шаттл в дом приведет приведет, и свинью заколет!

Вержбовски резко развернулся и дал короткую очередь из автомата в коридор. Два россоморфа повалились на пол и заскребли когтистыми конечностями. Это была какая-то новая морфема — с шипастыми черепами и в тренировочных штанах с тремя полосками.

- Ты не торопись, невеста, - сквозь зубы сказал Вержбовски. - Нам надо дело закончить. Разнести к чертям этот «сортир», отловить сраного ковбоя Хикса, найти Рипли с девочкой, а самое главное — вернуть мне мою свинью. И до того — никакой орбитальной бомбардировки.

- Не учите капрала жить, рядовой. - холодно ответила Дитрих.

- Во-первых, операцией командует капрал Хикс. Во-вторых, звание моего Бибса примерно соответствует вашему. В-третьих, согласно уставу, я имею право не выполнять заведомо преступные приказы. Последний приказ Хикса вы слышали, и я его выполняю.

- Свиноеб, - злобно сказала Дитрих.

- Роботоебка — так же злобно ответил Вержбовски.

- Приношу свои извинения, рядовой, - помолчав, сказала Дитрих. - Нам надо принять еще немного «Ой у гаю при Дунаю». Чем мы ближе к сортиру, тем сильнее психофон. Протоколы «мобы» действую неодинаково. На вас сильнее, ведь у вас украинские корни. Меня иногда заносит. Идем вниз. Русские своих не бросают, они их едят. Мы своих выносим.

- Ничего страшного, мэм. У меня не украинские корни, а польские, но это родственное. Приношу и вам свои извинения, и готов принять дисциплинарное наказание за пререкание со старшим по званию.

- Устный выговор, без занесения в дело. Ты извини, но порядок в хате должен быть, Верж. Я тебя уважаю.

- О, начинается, - отозвался шатающийся сзади Дрейк, с трудом удерживая роторный шестиствольный гранатомет, - Ты меня уважаешь? Я тебя уважаю, братуха. Давай еще накатим по соточке. Мы не выберемся отсюда, Дит. Нас валит этим русским миром. Я еле стою на ногах.

У Дитрих чирикнул тактик-блок. Она провела слева направо пальцем, и один из биоиндикаторов группы погас.

- Хадсон все, - сказала Дитрих, - Он прожил. Всю жизнь притворялся долбоебом, а оказался настоящим викингом. Идем вниз. Бишоп нас вытащит. Дрейк, не стреляй гранатами в коридоре, ударной волной выносит всех. Становись вторым. Стреляй, когда ведущий и замыкающий залягут, Вержбовски прикрывает сзади импульсником. Я иду первой.

- Я тебя уважаю, Дит- отозвался Дрейк. - Только не по-русски, а по-человечески. Ты всегда сукой была, но что-то в тебе изменилось. Я тебя выволоку отсюда к твоему белокровному биомужу. Жалко, уже не могу выволочь Васкес. За нее я разнесу этот русский «сортир» к ебаной матери, чтобы там не находилось. Прошу прощения за выражения. Но я с ней на одном курсе операторов смартгана учился, и жили в одном номере, на соседних койках. Гендерное равноправие. Она моя руммейт, и когда я утром ссал, справа от меня мусорник с ее тампонами был. Она для меня была ближе сестры, и я ничего не забуду, и ничего не прошу. И я ее не трахал, только один раз петтинг, и то по по пьянке. Потом спали месяц лицом в стенку. Идем за сдачей.

Группа двинулась в темноту коридора, разворачиваясь на каждый звук. В параллельных коммуникациях что-то скрипело, хрустело и блевало.

* * *

- Отключи лазерный прицел, - сказала Рипли перепуганной Бекки. - тут все задымлено, и ты выдаешь себя лучом. Переверни барабан наводки, и пользуйся инфра или термо. Там будет все серое, но движение отмечается тактиком красной линией. Активатор на тактике, а не на пистолете.

Бекки послушно кивнула и начала царапать тактик-блок. Хикс разнес одиночными еще две матрешки, выкинул пустой магазин и загнал новый. Панцершвайн, не сумевший выбраться с девочкой через вентиляционное отверстие, оскалится, раздвинул мандибулы, и вогнал через микроскопические отверстия в клыках тетродоксин.

- Да, вы давайте, стреляйте, я еще нарожаю — донесся откуда-то сверху густой контральтовый голос во всех спектрах аудиодиапазона. Тактики замерцали и погасли. Рипли подняла голову и увидела под потолком рыхлую морду с нарумяненными свеклой щеками. - Я- Матка-Россия, и главное чтобы я сама была. А кого я нарожаю — стреляйте. У меня пизда большая и ебарей много. Всех не перестреляете.

Существо присело, приподняло сарафан, и, натужившись, отложило на пол из влагалища еще две «матрешки». Затем оторвало яйцеклад от пола, и сделало шаг вперед

Хикс выпустил из импульсника очередь, отрикошетившую от шипастого рогатого кокошника куда-то в потолок. Бекки дико завизжала, разрядила «пару» в размалеванную свеклой морду, и поцарапалась по техническому стволу в вентиляцию.

Хикс внезапно засмеялся. - Ты малая, на этой палке как блядь на пилоне. А ну, раздвинь ноги, покажи пипишку

- Что? - потрясенно спросила Рипли у Хикса.

- Хуешто, - ответил командующий операцией. Тактик-блог, держащий «мобу», защищавшую от психофона протоирландца, был разрушен рикошетом от «пара» и висел на ремешке. Рипли попятилась от бывшего капрала.

- Ну чо, идем ебацца, - спросил Хикс у чудовища.

- Идем, - охотно ответило чудовище, легло задницей на пол, и раздвинуло десятиметровые ляжки. - Мне же нарожать надо. А то кого же будут убивать?

Рипли дважды выстрелила в затылок Хиксу, но промахнулась дрожащими руками, один раз дав касательную по каске. Хикс сбросил простреленную каску, и сунулся головой в пещеру между ляжек Матушки, забираясь внутрь. Рипли отстегнула от предплечья пустую «пару» и вцепилась в ботинки Хикса, пытаясь вытащить его оттуда. Матушка свела ляжки, удушая Рипли невымытой плотью.

- Вы мне все нужны, мои младшие братья. Или умирать за меня будет некому.

- На подходе, - тихо сказал тактик-блок Рипли голосом Дитрих. - Держитесь, мы рядом. Редем дверь.

Рипли выдернула беспамятного Хикса из вонючей пизды монстра, вытащила из обвеса вибронож и вогнала его в жирную ляжку Матушки. Матушка взвыла, попятилась и встала на на толстые ноги, упершись головой в потолок.

- Ты что, бендеровка чтоли? Братства нашего не помнишь?

По рогатому кокошнику щелкнули две пули из "Пара-600".

- Мамо, це я,- сказала по тактику Бекки, висящая на потолке. - Я не втікла. Я відступила. Часово. Съо є тактика. Я тя не кину.

- Я тя теж, кицюню - ответла Рипли, доставая второй нож.



1.14. Проклятое марта, урлеп (шортпарт)

7 Апреля 2017

id:lj:149743

- Ку-ку,- сказал Вержбовски, вывалив дверь "сотрира" вовнутрь.- А почему нельзя по-человечески в помещение заходить, а надо обязательно лазить по вентиляциям? И где мой свинтус? И где этот ниггер Эйпон?

- Стал чернее черного, - мрачно ответила Рипли, шаря по по темному потолку прицелом в поисках мордатого кокошника. - Обуглился. Курил в неподобающем месте. А свинтус твой вон, перегружается.

Бибс покачался на копытах, переписывая из архивов "черного ящика" последние части полного протокола, затем откачал яд из мандибул, защелкнул пасть, опустил бронемаску и подошел к инструктору. Затем поднялся на задние лапы и ткнулся в плечо Вержбовски лбом.

- Знаю, поросыка, - тихо сказал Вержбовски.- Я тебя на ладонях держал, когда ты родился. Но за работу, пехота. Ищи. Фас.

Боевая свинья метнулась по периметру темного помещения, затем подняла голову, и развела три когерентных луча лазерного прицела в в прожектор. С потолка, уцепившись за газовую трубу на десантников смотрела нарумяненная Матушка-Россия.

- Ого,-сказал Дрейк, активируя ротор гранатомета.- Крупная дама. Вы не из Невады,случайно? Там тоже очень габаритные леди.

- Я из Отовсюды,-ответила Матушка,- Россия не имеет границ. Везде, где есть русские - там Россия.

Затем матка оторвалась от желтой газовой трубы, и шурша хитиновым сарафаном поползла по стене вниз.

(сегодня части не будет, потому что автор устал, будет воодушевляющий ролик. Смотреть до 20-й минуты. Часть будет скоро).

https://www.youtube.com/watch?v=RJ84UEV_sBE

1.15. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт пятнадцать, строго 18+)

8 Апреля 2017

id:lj:149747

- Ку-ку,- сказал Вержбовски, вывалив дверь "сотрира" вовнутрь.- А почему нельзя по-человечески в помещение заходить, а надо обязательно лазить по вентиляциям? И где мой свинтус? И где этот ниггер Эйпон?

- Стал чернее черного, - мрачно ответила Рипли, шаря по по темному потолку прицелом в поисках мордатого кокошника. - Обуглился. Курил в неподобающем месте. А свинтус твой вон, перегружается.

Бибс пошатался на копытах, переписывая из архивов "черного ящика" последние части полного протокола, затем откачал нейротоксин из мандибул, защелкнул пасть, опустил бронемаску и подошел к инструктору. Поднялся на задние лапы и ткнулся в плечо Вержбовски лбом.

- Знаю, поросыка, - тихо сказал Вержбовски.- Я тебя на ладонях держал, полосатеньким, когда ты только родился. Но за работу, свинопехота. Ищи. Фас.

Боевая свинья метнулась по периметру темного помещения, затем подняла голову, и развела три когерентных луча лазерного прицела в белый прожектор. С потолка, уцепившись за газовую трубу на десантников смотрела нарумяненная Матушка-Россия.

- Ого,-сказал Дрейк, активируя ротор гранатомета.- Крупная дама. Вы не из Невады,случайно? Там тоже очень габаритные леди.

- Я из Отовсюды,-ответила Матушка,- Россия не имеет границ. Везде, где есть русские - там Россия.

Затем матка оторвалась от желтой газовой трубы, и шурша хитиновым сарафаном поползла по стене вниз.

- Бекки, быстро на Бибса и в броневи́к. Раздевайтесь мистер Бибс, без панциря вы пройдете по вентиляции. Ничего, не простудитесь.

- Не могу, мамо, - ответила сверху Бекки, - я опісялась. Лячна якась ця Росія.

- А ну бігом! - рявкнула Рипли. - Війсковий дощовик виводить вологу назовні. І ще мені побалакай — місяць без мультіків і без тіліфону.

Бекки послушно полезла вниз, а мистер Бибс расстегнул сегменты панциря, обнажив гофрированную углеволокном задницу.

- Окорочок, - ласково сказал Вержбовски. Бибс негодуяще заверещал в инфразвуке.

- Да ладно, все мы знаем как тебя в школе дразнили. Давай, бери малую и уметывайтесь на броню. А мы работаем. Поехали, Дрейк. Только по очереди, чтобы прицелы не перехватывать. Я не успел рассинхронизировать «роторы». Они новенькие, в смазке и на заводских установках. Давай, я в голову, ты по ногам. Бум-бум!

- Бум-бум! - ответил Дрейк и развернулся к чудовищу, уже спустившемуся с газовой трубы на пол. Навел невидимый луч прицела на колено монстра и надавил на триггер. Реактивная граната выплунулась на безопасное для стрелка расстояние, подожглась и метнулась вперед. «Ротор» провернулся, подавая следующий заряд.

- Ой блять! - сказала Матушка Россия, присев на колено. - Не-е-ет, русские не сдаются.

- Да нахуй ты нам в плену нужна, - ответил Вержбовски, и поднял свой «ротор». - Просто сдохни, тварь.

* * *

- Как живот болит, - сказал Вержбовски, в трудом доставая из бэ́кпака новую обойму для гранатомета. - Чертова сука Васкес, это ж надо так в пузо попасть, хорошо хоть не по яйцам.

- Не называй ее «чертовой сукой», - серьезно ответил Дрейк. - Она тебе уже не может ответить. А я могу.

- Прости, бро. Это я так, к слову. Ты знаешь, мы все ее любили. Она была реальным мужиком. То есть, я не в том смысле, ну ты понял. Давай вторую серию. Рипли ты как?

- Грузу, - прошипела Рипли, колдуя над телом Хадсона и линкуясь с тактик-блоком Бекки Джордан, нацепленным на предплечье капрала. - Чертовы русские штатские тактики. В них мова целиком не помещается, памяти не хватает, выдает какую-то «русскоязычную челюсть». Приходится архивировать. Вы работайте, ребята.

- Работаем, - ответил Вержбовски и развернулся к Матушке, поднимая «ротор». Дитрих в коридоре методично отстреливала из импульсника упорно лезущих по потолку и стенам россоморфов. Это была уже новая версия мутантов, «преторианцы» в камуфлированных модельных пиджаках и галстуках-бабочках на небритых кадыках.

- Работа не волк, в лес не убежит, - отозвалась Матушка-Россия, поднимаясь с колен. - От работы кони дохнут. Дурак работает, умный богатеет. Отожмите мне крым несколько раз, я кончить хочу.

При каждом попадании реактивной гранаты чудовище пятилось на несколько метров, но упорно перлось вперед.

- У меня все. - сказал Дрейк, опуская оружие. - Только рукопашка. Разомнемся

- Велика Россия, а отступить некуда, - прогремела матка. - Позади Москва!

- У меня еще одна, - отозвался Вержбовски, и выпустил последнюю гранату, попав в нарумяненную морду. Тварь сделала один шаг назад, наступила на проржавевшую решетку, и с визгом провалилась на дно «сортира».

- Уважаю, - сказал Дрейк. - Это было бинго. Идем хоть на эту «Москву» посмотрим.

* * *

Из ямы смердело невыносимо. Десантники синхронно опустили маски и перешли на внутренние каналы. Вержбовски активировал химический анализатор тактика.

- Оливье и говно, - задумчиво сказал Вержбовски. - Альфа и омега. Вход и исход. Рождение и смерть. Но почему это в одном тазике? Почему, чтобы родиться, надо кого-то убить? Это что, местная религия?

- Не знаю, - ответил Дрейк, - Давай уходить. Она в говне и оливье активно восстанавливается. Тебе хорошо, у тебя славянские корни, тебя мова хорошо иммунизирует. А у меня в голове уже крутится какой-то «мурманский сортир» и битва томагавков с говнотанками. Доставай свою бомбу.

Оба морпеха вытащили ультрапластовые мины и свели их в один блок, чтобы устройства набрали критическую массу для слияния и амплификации. Дрейк активировал таймер.

- Десять минут?

- Двадцать, - отозвалась Рипли, фиксируя на шее Хадсона медицинский инъекционный горжет. - Нам еще капрала на себе тащить. Командующего.

- М-м-м, я сам пойду, - ответил с пола Хадсон, вяло помахивая рукой. - Какая гадость эта ваша заливная рыба. И что вы вообще делаете в моей квартире?

- Заебали коня ебать! - рявкнула Дитрих, заглядывая в дверь, - Вам шо тут, Анталия с дисконтом? Шезлонг нашли? Три минуты и на выход! У меня батареи винтовки садятся.

Блок взывчатки булькнул в говно и оливье, в котором тяжко ворочалась матка Чужих, пытаюсь встать на костяные лабутены.



149747.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт пятнадцать, строго 18+)

1.16. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт шышна- дать, строго 18+)

10 Апреля 2017

id:lj:149800

- Дай батарею для резака, - сказал Дрейк Вержбовски, - У меня все.

- У меня тоже все.

- У меня есть, - тихо отозвался опирающийся на стену Хикс. Покопался в разгрузке, и вяло бросил четыре цилиндрические батареи Дрейку. Батареи не долетели, и упали на пол. Дрейк подобрал их, три вставил в свой импульсник, одну в резак.

- Держитесь, пан капрал, - сказал Дрейк, проводя по петлям двери плазменной струей резака. - Мы все знаем, что это такое. Какие упрёки. Как вы вообще выдержали без «мобы»? Когда матка активировалась — даже электроника на станции выгорела. У вас украинские корни?

- Канадианские. - ответил Хикс, упираясь в стену каской. - М маю передати командування операцією корпоралу Дітрих, бо почуваю ся неадекватним. Це команда, що є офіційно фіксована, архівована, й не ма скасування.

- Нью, - відповіла Дітрих. - Я не канадіанка, я впаду ще перше. Що тут можно скасувати, пану, в сьому пеклі? Вважайте це бунтом на судні, але операцією командуєте ви, пане корпорале. Я потім відповім перед трибуналом, за невиконання, як тра. Ся переміним обладання, командер.

Дитрих отстегнула свой боевой тактик-блок, застегнув его на Хиксе, и повесив взамен на себя детский русско-китайский браслет Бекки. Блок Хикса озарился зеленым, загоняя коды «мобы» через инъекторы.

Хикс повалился на пол.

- Что такое «уебище»? - внезапно спросила Дитрих. - Что такое замкадыш и парашник? Я хочу знать, что обозначают эти слова? И зачем их придумали? Зачем братуха, если есть брат? Почему пидор? Если на свободе, а не возле параша, он радиогей, и трахает бывших матерых урок по телевизору в ухо шансоном? Что такое «зашквар»?

Дрейк погасил резак и тревожно обернулся к Дитрих.

- Дит, что с тобой? Детский коммуникатор не работает? Черт, только этого не хватало. Давай, я тебе сейчас вгоню ультральгин из твоей аптеки, И мы тебя понесем вместе с Хиксом. Только не обращайся. Пожалуйста.

Дитрих отстегнула штатский тактик-блок Бекки Джордан и бросила его на пол.

- Не тра ми сьой залізяки. Я хочу сама по собі бути людиною, без підказки, на аби якій мові. Хоч на суахілі. Я м зрозуміла, що таке «уйобище» И говнолівье. Ставай, Хіксе, тра до бою. Затім же будуть хрущі зудіти над черешнями. Тераз не час лежати. Маємо битися. Но то, не так, не ся бити, а бити йох.

Хикс с трудом поднялся, опираясь на налокотники, и активировал импульсную винтовку. Затем снял с себя тактик-блок и тоже сбросил его, с хрустом раздавив устройство ботинком.

- Розумію, пані корпорале. Це треба відчути перше, а далі вже сам сягнеш.

- Ты с ума сошел? - потрясенно спросил Вержбовски. - У нас и так нехватка тактик-блоков. Нам пиздец.

- Це ти з глузду з'їхав. Псих фон росоморфів йде через наші тактичні блоки. Вони до них підключені. Бекі тому й ся вжила, що в неї дитяча іграшка, замість блоку. Був би в йої міцний військовий конструкт, тераз би по стелі повзала як йо нень. Завиваючи про Расію й вілічіе. Викінь свій телевизор з вікна. Дивись очами, спілкуйся мовою, роби руками. І ріж двері, Бо уйобіще вже лізе до нас. Всьо в говнолівье.

Из коридора, действительно, доносились треск и смрад от Уебища, протискивающего свое гигантское тело по коммуникациям.

- Давай по нашему, по-десантному, - сказал Вержбовски. - Обозначим нашу территорию, колониальные волки. Дит, тебе не обязательно приседать.

- Я и стоя могу, - прошипела Дитрих. - И даже вверх ногами. Я там же где и вы учились.

Морпехи скрипнули зипами штанов, и дружно помочились на пол.

- Все, - сказал Вержбовски, застегивая ширинку. - Уроссия. Пусть нюхают. Дрейк дорезай дверь. Там Рипли, ребенок и моя свиного.

Дверь откатилась, и морпехи вырвались на простор. Дрейк, упершись ногой в косяк, закатил дверь на место, и начал заваривать ее снаружи. Изнутри раздался удар, и на бронелисте появилась выпуклость.

- Бросай это дело, Дрейк. — грустно сказала Дитрих. - От них стеной не укроешься. Надо или убегать, или стрелять. Короче, валить во всех смыслах. Идем на репное поле. Ого! Не, ну ты посмотри!

Броневи́к у ворот лежал перевернутый восьмью колесами вверх, по нему ползали россоморфы, снимая колеса, доставая из грузового отсека канистры и присасываясь к ним. Рядом валялся разорванный надвое Бишоп.

- Чо, блять? - спросил один из россоксеносов, пнув верхнюю часть Бишопа ногой в голову, - Был пидором, а стал полупидором?

Ксенос надавил на остатки Бишопа ногой, и у того изо рта выплеснулась белая синтокровь.

- Сметанник, — с презрением сказал ксенос. - Как один на один, так молодец, а как со всеми пацанами, так сразу малафья изо рта?

- А-а-а! - заорала Дитрих, и рванулась вперед, выхватывая из набедренных ножен перфорированные «Страйдер-Ковали». Мир взорвался сталью и яростью. Борт броневика стал красным и в говноливье.

Дрейк сделал фейспалм, и потянул свой страйдер из ножен.

- Вы чо мужики? - удивленно спросил у Дрейка ближайший к нему ксенос. - Мы же так, чисто пошутить. Мы же братья! Давай, накатим! Угомони свою подругу.

- Левая рука тебе подруга, - ответил Дрейк, вогнал страйдер под ключицу кацапоморфа, сделал два круговых движения от локтя и вырвал дырчатый клинок из тела.

- Нихуя себе футбол, - ответил морф сгибаясь на траве. - А говорили, что спартак-чемпион. Опять наебали?

Дрейк твердо вогнал нож в глазницу монстру и еще два раза провернул, хрустнув костью и разваливая твари череп. Монстр дернулся, замер, и вытянул ноги в туфлях с квадратными носками.

- Как ты там, Дитрих?

- Дорезаю ублюдков. В броневике должна быть криокамера. Вытаскивайте ее. Мне надо туда голову Бишопа засадить и заморозить процессы. А тело я ему потом сделаю. Как люблю. Ты не против, милый, если я тебе голову отрежу?

- Делай как знаешь, милая, - булькнув белым изо рта отозвалась половина Бишопа. - отрезай мне что хочешь. Я тебе верю..



1.17. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт семнадцать, строго 18+)

20 Апреля 2017

id:lj:149853

Рипли, упираясь ботинками в трапецию аварийного выхода перевернутого броневика, вывалилась на землю, сняла маску, сплюнула на белесую траву, еле-еле ползущую из-под гравия русской колонии, сплюнула на землю и отрицательно покачала головой.

- Ничего там нет. Десантный отсек как после выпускного в военном училище. Все средства связи вынесены, аптечки выжраны под ноль. Вся проводка срезана, консоль вырвана с мясом. Они даже амортизационные сидения повыдирали и повыносили. Коврики, обыкновенные резиновые коврики отодраны от пола, цинки с боеприпасом разворочены. Но есть и хорошие новости.

- Какие? - спросил Дрейк? - Они насрели в клетку Бибса и криоконтейнер Бишопа?

- Нет. Они разодрали цинки с ammo и уволокли контейнеры, бросив патроны. Там сейчас весь пол...то есть потолок по колено засыпан боеприпасами вперемешку. «Десять-тридцать» для импульсов, барабаны для «роторов, «конгревы» для смартганов. И ни одной батареи.

- Логично, - задумчиво сказал Вержбовски, - они же биоксеносы, зачем им оружие? Им нужны цветные металлы для формирования панциря Матушки. Но на кой черт нам это все счастье без батарей?

- Батареи я заряжу от резервного источника питания машины за пятнадцать минут, она вмонтирована в бронированное противоминное дно, и эти макаки его не нашли. А потом одну из них воткну Вержбовски в задницу. Где криоконтейнер, Рипли?

Рипли вернулась в нутро искореженной машины, повозилась там, и вытащила армированный сталь-берллием хрустальный цилиндр с черным основанием — резервуаром жидкости консерванта. Затем осторожно, чтобы не натворить лишнего, рассекла шею Бишопа так, чтобы «страйдер-ковальски» прошел как можно ближе ближе между позвонками к основанию шеи, чтобы сберечь возможно большее количество нервных волокон.

Затем двумя руками взяла голову Бишопа, поместила в контейнер для образцов, герметизировала его и активировала подачу подачу консерванта. Нутро контейнера вспенилось, затем остыло, посветлело, и превратилось в прозрачный фиксирующий гель.

Дитрих бросила силовой кабель, подняла криокапсулу и посмотрела в лицо Бишопа. Тот моргнул и вяло улыбнулся белыми губами.

- Тебе не больно, любимый?- спросила Дитрих, и поцеловала армированный хрусталь контейнера. Бишоп еще раз моргнул и закрыл глаза.

- Эй ты, Джульетта ебаная - зарычал Дрейк, на которого «моба» действовала хуже всего. - Бросай своего возлюбленного мудроида и следи за зарядом. Мы тут вручную ипульсники набиваем, а она с консервной трехлитровой банкой целуется. Ч-черт, столько «конгревов» — и ни одного смарта. Руки бы поотрывал этим пидарасам, которые комплектовали боеприпас панцера. Два смарта на двух операторов, и двадцать два М41А на двенадцать десантников плюс водитель. При этом кормовая орудийная башенка не может накрыть огнем сектор непосредственно перед броневиком, из-за пидорской компоновки зато запросто лупит по кабине водителя. Маховская тачанка, блять! Левый сектор вообще слепойю И еще две тактчесике ракеты, радиус поражения которых гарантированно выносит системы самого танка ЭМИ ударом

-Нельзя говорить «пидарасы», Дрейк, - рассудительно заметил Вержбовски. Это неполиткорректно. Нужно их называть «люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией».

- Инженеры с нетрадиционной сексуальной ориентацией — сквозь зубы отозвался Дрейк, отложил снаряженный магазин от импульсника и взялся за следующий

- Грузи контейнер на «ворона» и отправляй по маяку на шатл, самостоятельный заряд у системы жизнеобеспечения — двадцать минут. - Сказал Хикс. - Иначе будут похороны колобка в банке от маринованных огурцов.

- «Кроу» цел? - потрясенно спросила Дитрих?

- А коптер что, глупее русских? - с обидой отозвался Хикс, по совместительству оператор разведывательного беспилотника. - Он как только увидел это племя индейцев-херокезов сразу отстегнулся от зарядного дока и поднялся на двадцать метров. Когда они попытались сбить его камнями и палками, он добавил еще сто метров, и сбросил на них баллон с успокаивающим газом. После чего россоморфы и перевернули броневик. Потом только записывал. Я это видел по тактическому выделенному каналу «Кроу», перед тем как растоптал тактик-блок. Остальная запись на беспилотнике.

Вся компания задрала головы вверх Штатный беспилотник «Кроу», действительно висел над бедламом.

- Как мы его вернем? Рукой помашем? Покричим хором? Он с тактик-блоков управляется и с консоли транспортера. Тактики мы уничтожили, а от консоли остались одни провода, торчащие из стенки.

- Ну, это проще простого, - ответила Дитрих, подошла к обезглавленному телу Бишопы, расстегнула медкомплект, извлекла оттуда какой-то блестящий зонд в утолщением на конце и воткнула его в срез на месте головы Бишопы, где-то в районе яремной вены.

Тело андроида сделало такое движение, как будто хотело хлопнуть в ладоши, затем попыталось сесть. Без ног у него это получилось плохо. Дитрих мягко опрокинула половину бишопы на землю, наступила ему на грудь коленом и заработала пультом зонда, больше похожим на кастет, в котором каждое кольцо манипулятора приходилось на палец. Андроид быстро-быстро задергал пальцами, словно играл фугу на пианино.

- Вот так, - сказала Дитрих. - все. Принимайте птичку.

Беспилотник, действительно, резко пошел на снижение, сделал круг, и сел неподалеку от десантников, строго выдерживая безопасное расстояние. Группа, сломя голову, бросилась к «ворону».

Дитрих спрянула зонд в медпак и осторожно придержала Рипли за плечи.

- Мы специально не говорили с тобой об этом. Не тому, що ти єдин нативний носій мови, а тому що... є речі, які тра бачити, коли ся вже відпалаєш. Не дивсь на тес. Вержбовскій живий, як суха деревевесна, терни по ньому — спалахне. А то в нього була тіко свнка, хоч і такчна, А то дітко мале. То сама ся обернеш на нелюдь..

- Нью. - мертво ответила Рипли. - Щоби не на палі карбувати, а на серці. Наскрізь. Від першого кадру до останнього. Щоб перед очима до смерті стояло. Щоб знала - що таке є москаль.

- Добре, - помолчав, ответила капрал-медик. - Ти козачка вільна, ніхто тобы ніц ані заборонити, ані примусити не може. Маєш зброю, маєш волю. Але прошу тя, не як корпорал, а як подруга сердешна, посидь тут п'ять хвилин наодинці із собою. З серцемі душою. А затім йди до нас, та роби, як собі знаєєш, Оленко. Ті вже нас лякаєш, то не лякай Панбога.

Дитрих развернулась и зашагала к «Кроу», чавкая грязью, в которую под неизбежным ахеронским дождем превращалась пыль между кускам гравия. Рипли села, прижалась к помятому борту и просунула голову между колен, укрывшись с головой сторожевым дождевиком. Не тактическим, обнимавшим все тело — а просто гидрофобной тканью, с капюшоном, длинными полами и прорезями для рук. Неподвижная, как Ниоба в своем горе.

- Рипли! - внезапно заорал от коптера Вержбовски! - Сюда быстро, жаба штатская! Галопом, кому сказал! Тут кино на «Оскар!»

Рипли как взорвалась в своем дождевке, запуталась в ткани, проехала по скользкой грязи, грохнулась на задницу. Затем располосовала ножом дождевик, вылезла из него и понеслась к беспилотнику со скоростью спортивного теста на звание уоррент-офицера.

- Смотри, - довольно сказал Вержбовский, - какой шедевр наш Хикс снял. Отмотай назад и дай зум. Картинка погрома броневика внезапно превратилась в его строительство россоморфами, броневик вдруг оброс колесами и наружными антеннами и перевернулся в нормальное положение.

- Стой, сказал Веж, - теперь нормально запусти, дай зум и разрешение нормальное.

На мониторе планшета, подсоединенного к «Кроу» показалась пленная российская корова, верхом на которой сидела Ньют в тактическом комбинезоне и постоянно сползавшей на глаза каске. На предплечном сегменте Бекки болталась пустая «Пара-600». Периодически Пуголовок лупила корову в бока огромными армейскими ботинками примерно 44-го размера, но буренка, судя по всему, в дополнительной стимуляции не нуждалась, потому что и без того в панике уносилась от бегущих за ней аборигенов с вилами и граблям,

призванными тераформировать ими LV426 по контракту с «Вейланд-Ютани».

Замыкал этот дикий инопланетно-деревенский вестерн мистер Бибс, принаравливаясь к коровьему галопу и переведя мниганы в реверсное положение. Изредка он постреливал по лопатопитекам, один из них падал, на него набрасывалось с урчанием еще трое.

- Слушай мою команду, - сказал капрал Хикс. - Грузим криостат с головой Бишопа в грузовое отделение «Кроу», у него грузоподъемность до четырехсот килограмм. Остальной вес - «конгревы», бортовое вооружение беспилотника совместимо со смартганом. Так что давай, Дрейк, собирай все, что ты тут в скорби понаразбрасывал.

«Ворон» наводится на жопу мистера Бибса, поскольку ни у девочки, ни, как я предполагаю, у коровы, тактик-блоков нет. А Бибс чипован на «свой-чужой» и радиомаяк поставлен ему еще на фермозаводе. Идите зигзагом, дождь очень сильно глушит сигнал.

По обнаружению — «Кроу» валит всех лопатопитеков и конвоирует группу до шаттла. Там голову Бишопа подключают к жизнеобеспечению, девочку в медотсек, корову... вот куда корову... На шаттле коровника нет.

- В десантный отсек, - подсказал Вержбовски. Бибс там за ней присмотрит. Да и отпустил наш отсек, гайз... Все, пошел, «ворон». Доброго тебе полета. Беспилотник подпрыгнул на реактивной струе, разогнал пропеллеры и унесся по косой в дождливое небо Ахерона

- Сколько до конца заряда импульсных батарей, Дит?

- Минут десять — отозвалась Дитрих.

- Ты же говорила семь!

- Я говорила семь, когда думала что семь! - огрызнулась Дитрих. - Но это злоебучее психополе «русского мира» действует даже на технику. Здесь даже гайки не в ту сторону нарезаны и все с эксцентриком. Ты видел когда-нибудь проприетарные гайки к болтам М6, Веж? Иди, посмотри. Я одну на память на Землю заберу. Если, конечно, вернемся.

- У нас минус десять мнут— мрачно сказал Дрейк, и кивнул в головой в сторону портала базы. После очередного удара сталь не выдержала, лопнула по вертикали, и в нее пролез шипастый кокошник с нарумяненной мордой.

- Штож сбежали так быстро, гости дорогие? Аль не любя я вам? Аль не угодила чем? Страшна — да пышна, Некрасива — да еблива. Жить за меня — мука, а умереть за меня — счастье. Кто же от счастья своего бежит? Сейчас я вам машкары на морды надену, да вылезут из вас мясы, чтобы было чем врагов моих забрасывать. А вами я мясов своих покормлю — вот и от вас, грешных будет польза. Тот, который палкой дрался, еще у него на груди HUDSON было написано? Зачем дрался? Все равно ему личину одели, так он машкару ножом порезал да лицо себе оливьем сжег. Потом его мясы съели, а палку поломали, чтобы не дрался.

А врагов у меня много, почитай все вокруг, одна я горемыка. Вами-то не забросаешь, как мясами, вы все для себя жить хотите. А велено исконно да посконно как, для себя жть? Не-е-ет, для Матушки. Не по-божески живете. Только не возьмете свое, там где я встала — там уже Я.

Убише трянуло головой, и ударом плетеной из стальных нитей косы пробило перекрытие портала, еще немного расширив разрыв и протискивая поскрипывающее тело в пролом. С конца косы капали кислота, говно и оливье.

- Не может человек без мечты жить. А какая у вас мечта? В доме жить? Так живите, мало ли я вам домов настроила? В тесноте да не в обиде. А вы хотите в обиде да на просторе, лужайками мериться. Видела, как вы живете. Собаке резиновый бублик кидаете, а она его обратно несет. Зачем кидать тогда, если обратно приносит? Собака должна на цепи сидеть, добро сторожить. Дети все на фортепианах играют, зачем столько фортепианщиков? Одного какого-то выберите, и пусть будет фортепианщиком. А остальные — в мясы или тоже добро сторожить. Полюбили вы себя, и мечту потеряли — за Матушку умереть. За так умираете, ни за что, чтобы собакам бублики резиновые кидать, чтобы дом построить, а в нем чтобы дите ваше на фортепианах играло. На велосипедах ездите в дырявых штанах, Вы же без водки даже поговорить не можете без уважения, каждый о своем талдычит. Разве за это умирают? Эх вы, братья наши бывшие...

- Рассыпались — рывкнул Хикс. Дитрих, Веж, налево только импульсники. Дитрих, попробуй подойди

ближе, проверить ее из огнемета. Если не пойдет — сразу отходи. Я и Дрейк направо. Дрейк, никакого фугаса из «ротора», разлом еще шире станет, тогда она целиком вылезет. Только баротермическе, и только когда Дит отойдет, чтобы ее не зацепило.

- Огонь! - грохот заложил уши, Матушка наклонила защитный кокошник - часть пуль рикошетила, часть пробивала его насквозь, часть застревала в плотной массе. Хикс поднял кулак, огонь прекратился. Уебище подняло голову и хохотнуло:

- Надо же, был простой кокошник, а стал кружевной вологодский!

- Давайте бронбойные, с обеденкой Рипли!.. Черт, где Рипли???

Сзади что-то мощно взревело. Группа невольно обернулась и офонарела. Наглухо мертвый и перевернутый броневик вдруг зашевелился, как восставший зомби, и поднял бронированную задницу над мокрой землей. Сложенная за кормой оружейная башенка — для удобства перемещения по коридорам станции, чтобы не цепляться за коммуникации - вдруг перевелась в боевое положение торчком на крышу и приподняла заднюю часть бронетранспортера над землей.

- Ты какого хера там делаешь, черт тебя подери? - потрясенно спросил Хикс.

- Спасая ваши задницы. - глухо отозвалась из нутра танка Рипли. И не задрачивай меня, Чемно ви-бачаюсь, пане корпорале. Я тут сижу вверх ногами, боюсь испачкаться в дерьме и у меня нет консоли управления оружейной башенкой. Мне надо, чтобы вы повернули машину хотя бы на метр влево, потом я доведу прицел механикой турели, а вы проверите внешним лазером наведение

-Соорок тонн? Вчетвером? Ты рыбы несвежей не ела сегодня? -спросил Дрейк.

- Машина стоит на двух точках. Земля мокрая и скользкая. Машина наполовину выпотрошена. Если постараетесь — получится. Ее реально повернуть, хотя и непросто. Интересно, на этой LV426, кроме меня и Ньют кто-то еще хочет выжить?

-Взялись, ребята, - сказал Дрейк, подтягивая тактические перчатки, - Скажешь, Элен, когда будет достаточно.

* * *

Ну вот и ладушки, вот и угомонились. А то набросились на бедную вдову, как Америка на Украину, - ласково пропела Матушка, выдергивая последние сегменты сарафана из пролома. По сарафану были тут и там наварены металлические заплатки, и бедность вдовы, судя по всему, не сильно преувеличивалась. - К тому же все на мясы не пойдут. Девоч ваших красных я горным трутням отдам, уж они мне мяс от них нарожают поболее. А то от моих то кривое родится, то косое, а все водка. Да как же не пить? Жизнь такая.

Дитрих на всякий случай запылила пространство между транспортером и порталом эмульсией — для проявления лазерного луча прицеливания, на быструю руку смонтированного и откалиброванного Хиксом между стволами турели луча. Хотя, возможно зря зря, дождь и так прекрасно проявлял лазерную нить, упирающуюся румяной бабе в голову. Идею Дрейка с дымовой шашкой отбросили сразу — из-за чертова дыма не было не видно ни бабы, ни транспортер.

Рипли еще раз проверила подачу энергии на турели от запасного генератора, помолилась про себя, чтобы система боеподачи, перевернутая вверх ногами, вела себя хорошо, откинула большими пальцами предохранители и утопила гашетки турелей. Стволы мгновенно пришли в движение.

Восемьсот выстрелов в секунду «сороковками», уложенными уставными боепакетами — экспансивная, бронбойная, кумулятивная, разрывная, трассер, превратили бредущих по площади к броневнику лопатоносов в газ, свет и излучение. Кокошник разлетелся вздрезбегу, за ним раскололась нарумяненная добродушная фарфоровая морда, обнажив поблескивающую сталью лысью металлическую голову с челюстью, удерживаемой на заклепках.

От работы турелей машину, стоящую буквально на соплях, немного повело. Рипли немного отюстировала прицел и снова утопила триггеры, целясь в металлический ебальник. От ебальника полетели осколки, череп лопнул, и уебище повалилось внутрь портала, от которого остались только дверные петли.

Рипли еще раз подняла и опустила предохранители, активируя тактические ракеты, таящиеся в сотах под турелями. Две из них, отскочив от транспортера, просчитали дистанцию подрыва, наверное удивились своими электронными мозгами, запустили маршевые двигатели и исчезли в глубине портала. Затем оттуда

вырвался Везувий и драконье пламя. Каменная надстройка над входом в портал с грохотом обрушилась, погребая выход.

- С ебаным тебя Восьмым марта, сука, - сквозь зубы сказала Рипли, сидя в ложементе стрелка вверх ногами.

1.18. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт восемнадцать, строго 18+)

24 Апреля 2017

id:lj:149873

- Куда же вы их друг напротив друга лепите, под встречные директрисы? Они же друг друга перемолотят, - с раздражением сказал Хикс бойцам, монтирующих автоматические турели возле заваленного битым камнем входа в портал колонии. Колониальные морпехи, элита, мать вашу, детский сад для детей с альтернативным уровнем развития. - Под углом разводите, под сорок пять градусов. Тридцать метров от входа, не дальше, чтобы автомат зря хоботом по широкой амплитуде не махал.

- Ты извини, капрал, - виновато сказал Дрейк. - Сам чувствую как тупею. Жива эта Матушка, излучает. А у меня с «мобой» сам знаешь, важко. Вторую пару «хоботов» ставим напротив, под броневик?

- Точняк, бро. И по три кассеты соберите на каждый автомат в блоки, это шесть тысяч «конгревов». Дит, успеешь набить блоки подачи, пока твари н свет божий полезут? Мелкие россоморфы завал быстро разберут, они на копанках наловчились, а потом уже Матушка сама наружу выберется.

- Успею, - пропыхла Дитрих, вытряя запястьем пот, катящийся из-под налобной повязки. Я в учебке на всю роту картошку чистила.

Рипли все так же, вверх ногами, в кресле оператора броневика потрескивала микропаяльником, пытаюсь заменить выдранныю консоль связи примитивным устройством, способным установить элементарную связь-морзянку с электронной начинкой мистера Бибса. На видеопоток с «Кроу» самодельная игрушка не тянула никак.

-Эллен, - крикнул Вержбовский.- Там еще по семь ракет в каждой соте осталось. Можно синхронизировать их запуск с работой автоматических турелей? Только с задержкой секунд на десять?

- Як два пальці об асфальт - ответила Рипли, удерживая в зубах какой-то провод..

- Что для этого нужно?

- Два мабільних тіліхвони та ізоленга.

- Сколько у нас времени? - спросила Дитрих у Хикса.

- Думаю, минут сорок. Лопатоносы уже скребутся изнутри. Потом пойдут шахтероиды и кредитники. Турели их вынесут, я поставил их на одиночный огонь, пока локатор не засечет более крупную цель, тогда уже играем на все деньги и отстреливаем ворхеды броневика. Сколько контейнеров заполнено «конгревами» для смартов турелей?

-Пять добиваю.

- Ну и хватит. Нижние турели, которые под броневиком, комплектуй полностью по три бокса патронов, верхней левой и тысячи зарядов хватит, все равно они ее раньше стопчут. Нам время выиграть надо, пока будем к шатлу прорываться. Рипли! Ты нашла место высадки? Слинковалась с панцершвайном?

- Нью, не можу. Далеченько вже наша свинюга для конекту. Але я голову Бішопа зловила. Не спить падлюка в своїй банці, підключився до «Кроу», але відео розширити не може — канал завузький. Як той собака — все розуміє, але сказати не може, тіко скавчить. Бібікає, що шатл на ріпному полі. То вмикайте автоматичні машингвери, та киваємо звідсіля п“ятами. Веж, як пузяка? Бічь зможеш?

- Ну если ты будешь бежать впереди и вилять попкой... - Ухмыльнулся Вержбовски.

- Разговорчики. - рявкнул Хикс. - Активируйте сторожевые автоматы и галопом на репное поле. Стойте, еще одно дело осталось. Дитрих, дай-ка огнемет.

Капрал перехватил у Дит флеймтрувер, воспламенил подствольный поджигатель и подошел к изрезанному Бишопом и обглоданному россоморфами телу Картера Берка, бывшего сотрудника компании «Вейланд- Ютани». Затем струей напалма превратил его в кусок угля размером не больше силикатного кирпича.

- Вот это правильно! - сказала Дитрих, принимая огнемёт обратно. - На кой черт нам эти отчеты компании писать? Был Берк, вышел в одночку со станции поссать до ветру, хотя его предупреждали, да весь и выссался. Видео я потом смонтирую и верифицирую.

- Гоу-гоу-гоу! - скомандовал Хикс. - Выручайте, ноги, свою голову.

* * *

На поле для игры для репу было тихо и пустынно. Дождь притих, ветер подсушил грунт, и ветер крутил смерчки из пыли.

- Не поняв, - ошеломленно сказал Вержбовски. - А де усї? Шо за тішина на івановськом кладбіще?

- Свінюку свою запитай, - отозвался Дрейк. - В нього ключі від тачіли були. Ріплі, а ну погукай цю голову прахвесора Доуеля. Мо він знає де човен?

-Гукала. Тихо, хоч голки збирай, - вяло ответила Рипли, явно путая две песни из иммунной программы «у-мобы». Може це не тее поле? Хіксе, в тебе на унтерському шоломі геолокація, перевір, друже.

Хикс вывел на лицевую пластину шлема координатную сеть и сверил ее с трассировкой группы. Поле было тем же самым, даже с выжженным пятном от посадки шаттла Си Ферро и Спанкмайера. Капрал повел визором вдоль некрашеного забора, окружавшего поле, и тут же резко вернул фокус на пропаленное пятно посадки разбитого шаттла с бортовым номером 01. Затем удвоил приближение. Затем учетверил. Затем поставил на максимум.

- Мать моя женщина! - потрясенно сказал Хикс.

- Это вопрос или утверждение? - вяло осведомился Дрейк.

- Это пилот Си Ферро. Она стоит посреди посадочного пятна. На своих ногах.

Вся группа опустила лицевые маски и молча обозревала одинокую фигурку, стоящую среди поля спекшейся пыли. Затем десантура, не сговариваясь, ринулась вперед по полю для гры в репу.

* * *

Одна линза стрекозиных пилотских очков Ферро была выбита полностью из оправы, вторая была покрыта сетью трещин. Энергозапас оливкового летного костюма, перетянутого противоперегрузочными шнурами, был разряжен настолько, что офицерские «Пара-600» даже не удерживались магнитами в предплечных ложементх и висели на силовых проводах вдоль тела, как детские варежки на резиночках. Вокруг пилота все было усыпано гильзами от штатного короткоствольного M41Amini с пороховым патронами. Тел вокруг почти не было, за исключением четырех монстров необычного вида, разделанных на мясо штатным «страйдер-ковальски». Сам нож торчал в глазнице пятого, самого дальнего от Ферро.

Ферро бессмысленно смотрела в небо и мычала себе под нос песенку о том, как на радио жил цыпленок.

Первой успела Дитрих. Она осторожно обошла пилота по кругу, проверяя ее медсканером, затем профессиональной подсечкой свалила ее наземь, и пока Дрейк осторожно прижимал Си к грунту, откатила ткань с шеи летчицы и инжектором ввела коктейль из совместимых седатива и стимулятора. Затем осторожно сняла с лица Ферро разбитые очки, подумала, и аккуратно сложив их, положила очки Си в ее нагрудный карман с нашлепкой из велькро «Согр. С.Ferro»

- Говорить можешь? - спросил Хикс. - Где Спанкмайер? Что вообще случилось? И снимите с нее этот чертов тактик-блок.

- Могу, - тихо ответила Ферро. - Спанки в говно. Не пристегнулся. В кабине стало вонять прокисшим оливье. Он отстегнулся и полез проверять - не лопнул ли какой-то из просроченных концентратов. Потом заорал, я обернулась, и тут мне что-то ебнулось на лицо. Спанк через лобовое стекло, небось, до самой Канады долетел, а я только ребра ремнями перехуярила. Выбралась из шаттла, доползла до места посадки, попыталась активировать аварийный маяк, но его тут же спиздили откуда-то из-за под земли.

-Да снимите же с нее тактик — прорычал Дрейк. - иначе мы так и будем разговаривать: «ебнулась», «перехуярила», «спиздили».

Дитрих поспешно, стараясь не задеть кожу, перерезала ремешок тактик-блока Ферро. Пилот тяжело вздохнула, свернулась клубком, рефлекторно прижав локти к поломанным ребрам.

-Я их тут штук четыреста положила. Все лезут и лезут. Одни друг друга жрут прямо на месте, других затаскивают в ямы,и чавкают оттуда.

- Кто? - внимательно спросил Хикс. - Кто вылезит и чавкает? Сосредоточься Си. Это важно.

- Да эти, «репы». Россоморфы. Они сами себя «шахтеррористами» называют.

- Вот такие? - Хикс пошевелил стволом импульсной винтовки дохлую десятпальцевую тварь размером с кошку, бессильно вытянувшую длинный мускулистый хвост. - Это ты его убила?

- Нет, он сразу дохлый валялся. Этого конкретно я не помню. Но вообще, это «беженец». Промежуточная форма. Репы крупнее. Да вон,очередная репа лезет. Ребята,отсыпьте патронов и батарей. Не хочу так умрать.

Хикс вопросительно посмотрел на Дитрих. Та пожала плечами.

- Два правых ребра сломано — пятое и шестое. И вывих правой лодыжки. В конъюнктиве глаза стекло. Дайтеей что-то импульсное и без отдачи, и ремень через шею, а то она после первого же выстрела свалится в обморок. Си Ферро — капрал колониальной морской пехоты, и умереть с оружием в руках — святое и неотъемлемое право, даже если ему обе руки оторвет, он может потребовать нож в зубы. На, держи огнемёт, он без отдачи. А ты мне, Дрейк, запасной импульсник и бэкап с автоподачей припаса. И не жадничай. Бо кобзона задом наперед тебе включу.

Репа просунула из земли, голову в каске, во лбу которой зачем-то светился фонарик. С хрустом выдернула из земли одну руку, затем вторую.

- Вы с какого раена, аще, пацаны? — хрипло спросила репа, густо откашлявшись цементной слюной, и сплюнув на землю куском антрацита. Это наша земля, Расеюшка. Я сам с «Рязани-Пять»,там родился и путягу закончил, а потом сюда по контракту с «Вейландом» переехал. Но Ахерон наша земля, сакральная, потому что происходит от «А хера он?» Понаехало вас тут, жидов всяких, хохлов и пиндосов. А хера? Щас мы вам искандерами веселить будем, европидоры ебаные!

Ферро, сцепив зубы и приподнявшись на локте залила «шахтеррориста» струей жидкого ада. Репа дико заорала, и начала с необычайной скоростью закапываться обратно в землю, но не успела, и окунулась мордой в грунт, гадко воняя расплавленной пластмассовой каской.

-По фонарику старайтесь бить, - сказала Ферро, валясь обратно на землю. - Там у них что-то вроде нервного ганглия. Держитесь, сейчас полезут. И дайте мне сектор,чтобы я вас под френдлифайр не подставила.

- Занимай с трех до пяти часов, - ответил Хикс. - отключи подствольный воспламенитель и непрерывную подачу смеси. Переведи сектор воспламенения с помощью «бенгалки» на дистанцию тридцать метров. Тогда система «свой-чужой»не даст сработать по своим. Держись, Ферро. Рипли, в центр периметра. Вызывай говорящуюголову или свиноту, она должна быть где-то рядом!

- Я бы попросил повежливее насчет «свиноты», - очень вежливо ответил Вержбовски. Мистер Бибс — нечеловеческая личность, зу-корпорал группы «Ка-элевен», имеет правительственные награды и личную благодарность командира корпуса колониальной морской пехоты. И если он «где-то рядом», то очень скоро он будет совсем здесь.

Почти одновременно вокруг морпехов проклюнулось еще несколько десятков «реп».

- Какой день в жизни колониального морпеха самый лучший?- куда-то в пространство спросил капрал Хикс.

- Последний - хором рявкнули десантники, разбирая цели.



149873.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт восемнадцать, строго 18+)

1.19. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт девятнадцать, предпоследняя 18+)

28 Апреля 2017

id:lj:149885

- Клип! - рявкнула Дитрих, и в ее сторону, через шлемы товарищей, полетел магазин от M41A. Капрал ловко выхватила его из воздуха, отщелкнула расстрелянный блок, воткнула новый, и протолкнула первую «десятку» в патронник. На счетчике импульсника опять ровно загорелось алым «99».

- Предпоследний, - предупредил ее Дрейк. Ты ближе подпускай и двочками сади, не чаще. Видишь, какой репокос пошел. Рекордный выдался урожай в этом году.

Из-под земли репного поля лезло уже совсем что-то невероятное. Первая волна шахтерров уже иссякла, создав вокруг морпехов своеобразный вал из тел.

По ним упорно карабкались какие-то косоглазые тонтон-якуты с ручными таксипаратистами, упитанные россоморфы в рваных полосатых бело-синих майках, которые приводили себя в боевое неистовство тем, что били сами себя пустыми пивными бутылками по головам, точь-в-точь как берсерки мечом об щит. После чего с ревом «завэдэвэ» бросался то на десантников, то на друг друга, то на первого попавшегося монстра из улья.

Краснодевицы занимали удобные для обстрела позиции между трупов и плевались в десантников жуткой смесью испанского гриппа и рязанского сифилиса, сжимая в курную гузку губной силикон и предлагая взамен вечное удовольствие. Практически аналогичная морфема краснодевиц, только бородатая и в платьях подлиннее, наоборот, требовала покаяться, отдать все деньги, а вместо удовольствия предлагала вечные муки. По ним с особым удовольствием стрелял Вержбовски, поминая каждый раз «Матку Боску Ченстоховску».

Си Ферро уменьшила объем термобарического заряда до минимума, и уже не выжигала по площадям, а создавала аккуратные одуванчики рыжего огня в нужных местах. Однако на дне баллона в конце концов тоже все иссякло, и последний дистанционный поджигатель щелкнул сиреновой искрой по покатоному лбу какого-то гигантского монстра в боксерских трусах и депутатском галстуке.

Ферро посмотрела на индикатор — в кассете оставалось еще четыре поджигателя и объем газа 0.00%. Си нехорошо улыбнулась, тщательно прицелилась и двумя выстрелами вынесла оба глаза неандертальцу.

Тот с ревом развернулся к Ферро спиной, продемонстрировав надпись сзади на резинке трусов «Никола», получил в обе булки два последних воспламенителя, и дымя «никомой» с хрустом вломился в толпу соплеменников. Ферро отбросила бесполезный огнемет, затем, сцепив зубы, потуже затянула противоперегрузочный корсет — чтобы не так болели от отдачи поломанные ребра, и выкатила из предплечников в ладони переснаряженные и воскресшие от резервных батарей «Пара-600».

Внезапно все прекратилось. Краснодевицы обеих полов скрылись с позиций, как сдутые с панели мадридской полицией, полосатые черти с бутылками и тонтон-якуты, удерживающие на цепях сепаратаксеров обгоняя друг друга перевалили через бруствер и залегли по ту сторону Адрианова вала, и только ослепший боксер-депутат продолжал беспомощно бродить в отдалении, дымя задницей и поворачивая на слух арбузную голову с надбровными дугам австралопитека.

- Ох, не к добру это, - сказал Хикс. - Вообще мне твое не нравится. Дрейк, у нас что-то на десерт осталось?

- Бум-бум-пудинг. Почти два кило ультрапласта. Я им живым не дам. И вас не отдам.

- Так никто и не собирается. Доставка угощение сейчас, чтобы потом не суетиться. Ставь на радиокоманду.

- Давайте мне,- сказала Ферро, подтягиваясь на локте к десантникам. - Я сама хочу, своими руками. Скажете мне, когда надо будет.

Земля внезапно вздрогнула, и внутри круга из тел ксеноморфов, осыпая с себя щебень, из грунта поползли знакомые рога шипастого кокошника.

- Вот блять, - с тоской сказал Дрейк. - как же она быстро регенерирует в говне и оливье. У них там под землей целые каверны, небось, этого говноливье заготовлены.

- А ты думал, — отозвалась Дитрих. - Они, может, семьдесят лет этого дня ждали. Силы копили. Я, конечно, не спец по геноконструкции, а простой капрал медицинской службы, но вот этих, резких как понос, в красных мокалинах и солнечных очках, быстрее чем за пятнадцать лет не создать. А эти, «питерская интеллигенция» и «московский гламур»? Я даже не знаю сколько поколений надо форсировать даже на Земле, в лабораторных условиях, чтобы такую мерзость создать.

- Я очень благодарен вам, мисс Дитрих, - вежливо ответил капрал Хикс, - за то что вы настолько расширили скромный круг моих знаний. Жаль, что это случилось так непозволительно поздно.

Кокошник с треском разорвал поверхность поля, и над ним появились подведенные черной и фиолетовой тушью глаза. Глаза проморгались от песка, еще одно усилие бронехитинового тела, и над полем показался рот. Рот растянулся в улыбке, демонстрируя гниловатые зубы.

- Все, - сказал Вержбовски. - Вий пришел. Потому и черти помельче разбежались. Поднимите ей кто-нибудь веки.

- Что?

- Да так. Сказка одна. Бабушка рассказывала. Давно.

- Хорошо хоть сказка закончилась?

- Да как тебе сказать. В общем, все умерли.

- Но кто-то же выжил, чтобы эту сказку рассказать?

- Два обкуренных студента.

- Сказка ложь, да в ней намек. Совет да любовь, - сказал рот. - Иван да Марья. Спартак да чемпион. Кнут да пряник. Мал золотник, да вонюч. - При каждой прибавке тварь выдергивала из земли сегмент за сегментом своего сарафана.

Я чувю, - тихо сказала Рипли, сидящая в центре сжавшегося круга десантников в позе лотоса и запрокинув голову к небу. Глаза ее были закрыты.

- Да все это слышат, - с досадой ответил Дрейк. - Оливье да говно. Рипли, ты ничего несвежего сегодня не ела? Головой без каски в косяк не попадала?

- Заткнись, Дрейк, - оборвал его Хикс. - Ріплі, любонько, що саме ти чуєш?

- Пана Бішопа. Він тут. - Рипли открыла глаза и посмотрела между рогов чудовищного кокошника. Вся команда одновременно повернула головы в ту же сторону. Промеж рогов Блядь-Матушки, как солнце над

Иерусалимом, раскинув по бокам боевые пилоны, из-за трибун репного поля поднимался второй шаттл с «Сулако».

Панцершвайн мистер Бибс, оскалив двойные мандибулы, сидел на месте оператора огня и методично долбил по затылку Матушки нурсами, контейнер за контейнером, поскольку наводить было не на что - с точки зрения систем наводки ракет Матушка Россия представляла собой исключительно пространство, не заполненное никакой материей. Один из рогов кокошника отвалился в пыль и гравий. Царица улья, издав тяжелый рев, начала стремительно ввинчиваться обратно под землю.

В центральном кресле пилота, пристегнувшись, расположилась пленная русская буренка, судя по лихорадочному мельтешению копыт над навигационной консолью, удерживавшая шаттл "02" от порывов бокового ветра. Слева от нее сквозь лобовое стекло шаттла виднелась банка с головой синтетического андроида Бишоп, уже опутанная какими-то проводами. Судя по логике изяществу и аккуратности укладки проводов, исполненной в лучших традициях офисного дебилмодерна начала нулевых XX века, коннектила Бишоп с системами шаттла какая-то свинья. Андроид, закатив глаза до белков, синхронизировал движение «Сулако» по орбите для оптимальной стыковки.

- Хотя какие-то нормальные люди на этой планете появились, - с чувством сказал Дрейк.

- Корова в моем пилотском ложементе, - простонала Си Ферро, прижимая к животу ультрапластовую бомбу. - Лучший день в моей жизни. Нет, вы как хотите, а я подрываюсь к ебаной матери.

- Успокойтесь, мисс Ферро. - прошелестел в наушниках тихий голос Бишоп, - Читайте Буренку, то есть мисс Брауни волонтером и временной заменой второго пилота Спанкмайера. Заметьте, корова, в отличие от Спанка, первым делом пристегнулась. Вы не против, если мы не будем полностью приземляться? Мисс Брауни еще неопытна в качестве второго пилота, а боковые порывы ветра довольно сильны, и если мы повредим посадочные опоры, то третьего шаттла у нас нет. Достаточно ли для эвакуации будет зависнуть в трех метрах от поверхности и опустить пандус до одного метра восьмидесяти сантиметров?

- Да я на километр запрыгну, только чтобы свалить отсюда, - ответил Дрейк. - Надо только Ферро поднять. Уходим, ребята. Я первый, передаете мне Ферро, потом запрыгивают остальные.

- Где ребенок? - спросила у Бишоп Рипли.

- Спит в клетке у Бибса. Ей там сразу понравилось. Я дал ей немного мягкого седатива и горячего шоколада.

Шаттл немного покрутил хвостом, уравнивая беснование воздушного потока, припустился и открыл пасть пандуса. Дрейк, забросив за плечо импульсную винтовку, подпрыгнул, уцепился руками в тактических перчатках за край платформы, рывком сделал выход на обе руки и утвердился ботинками на пандусе.

- Давайте сюда Си.

Хикс и Дитрих осторожно подобрали с земли Ферро, поддерживая ее под бедра и плечи, и подняли к Дрейку. Дрейк тут же ухватил ее под мышки и потянул вверх. Ферро взвыла так, что наушники в шлемах команды зафонили.

- Да что ж ты делаешь, мать твою еб, у меня два ребра сломаны! Под жопу бери!

- Брал я раз тебя под жопу. Потом две недели бодягу к глазу прикладывал. Ну извини, не подумал. Тебя к корове нести, или в койку? В смысле в медицинскую.

- В койку. На автопилоте и корова в ангар «Сулако» попадет. Потренируется хоть вместо Спанкмайера.

Дитрих и Рипли, помогая друг другу, тоже вскарабкались на рифленую платформу. Хикс, как и положено командиру группы, осмотрел напоследок место побоища, и последним забрался в шаттл. Пандус медленно закрылся. Ахерон закончился. Шаттл плавно двинулся вперед и вверх, через метров шесть подъема его резко качнуло влево. Мисс Брауни тут же копытом стабилизировала челнок.

- Ох и дует же здесь. Ветер и пыль. Оливье и говно, - прокомментировала с медицинского амортизирующего лежбища Ферро. Больше во время полета никто ничего не говорил, глядя то то в пол между ботинок, то в иллюминатор на проклятую планету.

«Ноль-второй» быстро карабкался на орбиту, к месту randevu с «Сулако». После того, как шаттл пробил слой практически непроницаемых ватных туч, небо налилось лиловым, потом почернело и засияло звездами. На дистанции контакта тяжелая туша крейсера зажгла для морпехов навигационные огни став

похожей на прогулочный лайнер, а центральный компьютер боевого судна перехватил управление челноком для точной парковки без включенных маршевых двигателей.

Корова устало откинулась в пилотском ложементе и вытерла копытом пот, стекающий между рогов. Бибс одобрительно хрюкнул и потрепал ратицей свою парнокопытную коллегу по загровку.

Шаттл вошел в шлюз, затем в ангар, опустился в док и замер.

- Все, приехали, - сказал Хикс.- Конечная станция. Спасибо, что воспользовались услугами нашей бла-бла-бла... Всех пассажиров прошу на выход. Кроме капрала Ферро. За ней сейчас медицинская тележка приедет.



149885.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт девятнадцать, предпоследняя 18+)

1.20. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт цвайнцихь, почти последняя 18+)

1 Мая 2017

id:lj:149890

- Нет уж, - сказал Хикс, удобно устраиваясь в анатомическом кресле капитанского мостика «Сулако» и кладя ноги в мокрых после душа шлепанцах на пульт. - Вертел я на трембите такую работу. Дослуживаю свой месяц до контракта, и все, дембель. Бизнес открою, каким-нибудь живым делом займусь.

- Пасеку заведи, - угрюмо посоветовал Вержбовски. - Матка, пчелки... У тебя опыта вон сколько за два дня набралось. Мы с Бибсом будем на медок заезжать. Ты знаешь, кстати, что мед - это говно и оливье для пчел?

- Я тоже валю из колониалки, - сказала Дитрих, вытирая коротко стриженные волосы полотенцем. - Тридцать два года, а я все идиотам головы бинтую. Идиотам голову надо таблетками лечить, а не бинтами. Армия по контракту грант дает на образование, пойду в универ, займусь кристалловirusами. Или психоэмоциональным компонентом искусственных людей в стрессовой ситуации. Бишопа починю, он мне ассистентом будет.

- А я продлю контракт, - буркнул Дрейк. - Один хер больше ничего не умею, кроме как стрелять. Может быть однажды даже до капрала дослужусь. Конечно, без Васкес уже не тот компот, но...

При упоминании Васкес все замолчали.

- Ладно, - после паузы решительно сказал Хикс, - поплакали и будет. Давайте смотреть, что у нас из посуды целого осталось.

Капрал пощелкал по консоли, выводя на монитор список и статусы членов экипажа. Простая и пробиная учетная программа линковалась не с наручными тактик-блоками, а с вживленными чипами и могла достать информацию о носителе хоть с обратной стороны планеты.

cmb list

2LT Gorman KIA SFC Apone KIA CPL Hicks OK CPLHM Dietrich OK CPL Ferro WIA PFS Wierzbowski OK PFS Vasquez KIA PFS Drake OK PVT Spunkmeyer KIFA PVT Hudson DOW PVT Frost POW PVT Crowe K12 Bibs OK

n-cmb list

REP Burke MIA SPT Ripley OK XO(s)Byshop KIA

psgr list

??? Rebecca Jordan OK ??? Brownie OK

- Эй, эй!- возмущенно сказала Дитрих, - Что значит Бишоп «киллед ин экшн»? Вон же он, из банки глазами лупает. Это специально, чтобы ему по возвращении премиальные не платить?

- У синтетиков датчики биологической активности в грудной клетке, а мы его бебехи на Ахероне оставили, только голову забрали. Его там небось уже доели... Ах ты черт! - Хикс грохнул по столу кулаками.

- Фрост и Кроу! "Призонер оф уор" Мать же ж твою! Они еще живы! Уволокли их таки говноливьеды в свой актовый зал! Мы бросили своих в плену, ребята!

- Считай их мертвыми, - тихо сказала Рипли, садясь на краешек стола. - Я уже видела такое на «Ностромо». Им не помочь. Их больше нет с нами. Статус просто показывает физиологическую активность организма. Сейчас он поменяется, но ситуации это не изменит.

- Хорошо, - почти ласково ответил Хикс. - Не изменит. Но мы сейчас кое-кому статус изменим радикально. Нэн!

- Да, господин капрал. - мягким женским альтом отозвался центральный компьютер «Сулако».

- Приготовь восемь десятимегатонных термоядерных бомб. На следующем витке отправляй их вниз по одной с интервалом в две минуты. Цель — терраформирующий комплекс «Надежда Хадли». Я хочу, чтобы там была яма, но не просто яма, а такая злоебучая мать его яма, праматерь всех ям, на дно которой надо падать минимум две недели бкз парашюта. Еще две бомбы по пятнадцать через половину витка положи по скоплениям атмосферных регенераторов на противоположном полушарии. И будь добра, пока игрушки будут лететь, вниз поставь «Танец рыцарей», балет «Ромео и Джульетта», композитор Прокофьев. Да так поставь, чтобы «Сулако» затрясло.

- Принято, господин капрал, - ответила Нэн. - До начала бомбардировки двадцать четыре минуты. Прошу одновременно подтвердить приказ начать орбитальную бомбардировку двоих старших по званию членов экипажа со статусом от ОК до WIA второго уровня, в сознании.

- Подождите, ребята, - все так же тихо сказала Рипли. Не торопитесь. Там не только активы «Вейланд-Ютани», это солидарная собственность всех людей. Только на сегодняшний день общая стоимость проекта LV-426 около двух триллионов, и еще втрое больше будет вложено. Эта земля должна была стать лет через триста настоящим раем. Новым домом для Человечества. И сейчас мы расколем этот дом до фундамента, только потому что в нем завелись тараканы?

Весь экипаж потрясенно воззрился на Рипли, как мордва на цветной телевизор.

- Тебя Берк не покусал, случайно, Элен? - осторожно поинтересовалась Дитрих.

* * *

- Я потеряла всю команду на «Ностромо». Одного за одним. И смогла вытащить только кота. Между прочим, я спала с капитаном Далласом. Просто на нашей смене поломался губернатор, мы награлись в «Марио» и в покер до рвоты, и делать больше было нечего. А с Кейном я не спала. Но даже если бы я его любила «как сорок тысяч братьев любить не могут», я бы все равно не пустила бы его с кацапом на корабль. Шлюз открыл вейланд-ютановский киборг Эш. И пришлось разнести «Ностромо» вдребезги,

а самой бежать на шаттле, чтобы избавиться от от одного-единственного россоморфа. Сильно нам это помогло? Сколько вы их сегодня видели, этих морфов?

- Но ты же сама говорила, что эти существа не должны попасть на Землю! Устроила истерику на комиссии по крушению «Ностромо», блажила всю дорогу...

- Я ошибалась. Везде, где появляется кацап, мы ведем себя одинаково. Или уступаем ему то место, на которое он поставил свой сапог, или уничтожаем его вместе с кацапом. А я хочу, чтобы место оставалось, а кацап — нет. Так никаких мест не напасешься.

- Вселенная не настолько велика, чтобы ей разбрасываться. У этого подвида гоминидов когда-то была в распоряжении одна шестая часть суши, при том, что их численность составляла два процента от общечеловеческой. Но им все равно было мало. Восстановление территорий и экосистем после буйства этих обезьян длилось почти сто пятьдесят лет — не считая морского дна арктической зоны, которое чистят до сих пор.

- И потом, как ты думаешь, они здесь самозародились? Остатки «великороссов» принудительно вывезли на Рязань-5 и Великую Вятку. Это тех, кого смогли отловить, и кто не успел внезапно стать евреем или эстонцем по паспорту. А уже российских обитателей планет-колоний «Вейланд-Ютани» в целях экономии и на вербовала на терраморфинг Ахерона. Да их по Земле бродит больше, чем на всей этой несчастной «Надежде Хадли»! Готова спорить — из двенадцати членов комиссии, принимавших решение по крушению «Ностромо» двое были кацапами. Я их чую, как ван Хельсинг вампиров.

- Откуда ты знаешь? - поинтересовался Дрейк.

- Книжки читала, - мрачно ответила Рипли. - Пока грузчиком на верфи работала, после лишения пилотской лицензии.

- Хорошо, - сказал Хикс, скрестив руки на груди. - И какую альтернативу предлагает нам младший специалист и грузчик Рипли?

- Летим на Землю. Сдаем трансляцию и отчет. Через два месяца сюда подойдет орбитальный порт, десяток-полтора новых десантных «Бугенвиллей» и ударных «Конестог», типа нашей старушки «Сулако». Они рассаживают по периметру «Надежды Хадли» автоматически разворачивающиеся базы и сотен пять «гладиаторов» на каждую со штатными комплектами хэллхаундов, по двенадцать на одного, которые пройдут по тем коммуникациям, куда «гладиатор» не пролезет. В еще более мелкие — рои шершней-дронов. Потом станцию продувают несколько раз нервно-паралитическим газом, затем инертным. И моя Ньют сможет вернуться домой. Или, хотя бы, ее внуки.

Рипли закурила и пустила дым в потолок.

- Вы отличные ребята. Может быть лучшие из лучших. Но вы колониальные морпехи, легкая кавалерия, разведка. Компания опять сэкономила, послав спецназ туда, где нужны линейные костоломы, тяжелая техника и дорогая нанотроника.

- Браво, - ответил Хикс. - Впечатляющая речь. Я так не плакал с четырех лет, прощаясь с горшком. А теперь заткнись, запришь в своей каюте, и не отсвечивай до самой криокамеры. Надеюсь, ты не собираешься поднимать бунт на корабле? Иначе сойдя с корабля ты пойдешь прямо под суд. А ты лично мне очень симпатична. И, признаюсь, даже более того. Я бы скучал, пока бы ты отбывала срок, посещал бы каждую неделю. Дитрих, подтверди коды запуска ядерных зарядов.

- Проблема военных и долбоебов в том, что они, когда подписывают контракты, никогда не читают то, что написано мелким шрифтом, - помолчав и покусав губу ответила Рипли. - Иначе бы ты знал, что одним из условий моего полета на этот сраный Ахерон стало возвращение пилотской лицензии и восстановление в прежнем звании уоррент-офицера. Нэн, выведи контракт на монитор и пересчитай статусы экипажа. Я подтверждаю своим ключом и папилятором. А Хикс моет проверить, если захочет.

Рипли воткнула свой мем-кард в щель консоли и приложила палец к сканеру. Сканер прогнал туда-сюда зеленую полоску считывателя, по экрану быстро пробежал текст контракта, свернулся в иконку, и машина выстроила из имен и званий выживших с необходимым доступом новую иерархию, где Ripley занимала вторую сверху строчку, сменив уровень военного специалиста SPT на уоррент-офицера четвертого класса WO4

- Видишь, я теперь по званию всего на одну строчку ниже тебя. Так что тебе надо не у Дитрих согла-

сование на бомбардировку спрашивать, а у меня.

Хикс переводил взгляд с Рипли на монитор, затем посмотрел наверх, откуда доносился голос копыютера Нэн, словно ожидая от Бога разъяснений статей Завета.

- Но это еще не все хорошие для тебя новости, Хикс. Корпус колониальной пехоты отвечает исключительно за наземную часть операции. Которая, как ты видишь, блистательно закончилась. А я единственный офицер флота и представитель компании, поэтому отвечаю за судьбу имущества внизу и корабля наверху. А ты для меня сейчас сраный пассажир, ничуть не значительнее той коровы, которая сейчас моется в душе. Так что убери свои копыта с моего пульта, свою сраку из моего капитанского кресла, а свое все остальное из моей капитанской рубки моего корабля. Потому что иначе мятежник именно ты, причем поднявшим мятеж во время боевой операции. И прямо с корабля ты пойдешь не под суд а под трибунал. И... как там у вас в уставе КМП записано?.. «будет повешен за шею до тех пор, пока не наступит смерть»? - достоверно я уже не помню, только общий смысл. Знаешь я тоже отношусь к тебе с симпатией, даже более того. И тоже буду скучать всю жизнь. Но посещать не смогу.

На мостике воцарилась тишина, наиболее точно характеризующая россоморфским словом «охуение».

- Нэн, деактивировать ядерные заряды, закрыть порты. Расставить над планетой радиобуи — четыре над экватором, по одному геостационарному над полюсами. Пусть постоянно транслируют на всех частотах и языках — планета заражена, высадка запрещена, смертельная опасность. Поставь мою цифровую подпись. Веди постоянную запись всего, происходящего на корабле. В случае изменения моего статуса в сторону, отличную от ОК - отправляй всю информацию одним пакетом на Землю. Знаю я этих шутников.

- Принято, госпожа капитан Рипли. - альтом ответила Нэн.

- Вот, блядь, - сказал Дрейк, смачно харкнул на пол и растер слюну баннным шлепанцем. - надо было ее внизу удавить, пока она еще в специалистах ходила. - Эй! Эй! Это не для записи! Оффрекорд! Я тут без адвоката слова больше не скажу.

* * *

Все сидели и друг с другом не разговаривали. Особенно не разговаривали с Рипли. Причем не просто молчали, а осуществляли неразговаривание как активное действие. Даже мистер Бибс отказывался ментально коммуницировать с Вержбовски без адвоката. Первым не выдержал Хикс

- Пойду, посру, - демонстративно сообщил капрал, поднимаясь из кресла. - Надеюсь, запись ведется, и в случае чего, тоже будет отправлена на Землю одним пакетом.

Рипли хотела что-то ответить, но только безнадежно махнула рукой и продолжила злобно щелкать по консоли, ориентируя сигнальные буи над экватором. Хикс подошел к двери, протянул руку к активатору, и еле успел от нее отскочить. Дверь сотрясло мощным ударом снаружи, на ней образовались две вмятины.

- Это что такое? Русская корова Брауни впервые в жизни помылась и сошла с ума от шампуня? Или у нее водобоязнь? - недоуменно спросил Дрейк, выбираясь из ложементта штурмана. - Дитрих, снимай халат, сейчас коррида будет. Снимай быстрее, пока запись ведется, я давно хотел посмотреть на твои...

Второй удар пробил дверь капитанской рубки насквозь и рог вошел в правое легкое Хикса. Рог был не коровий, а хитиновый, шипастый и зазубренный. Хикс с хрипом повалился на пол, и пополз от двери подальше, размазывая по полу широкий кровавый след.

К нему тут же метнулась Дитрих, подхватила под мышки и потащила вглубь рубки, где начала тампонировать рану.

- Как же ты меня заебала, - с тоской сказал Дрейк. - А из оружия только тапочки. Ну вот хули ты до нас доебалась, а? Отъебись уже! Оставили тебя в покое, улетели, даже бомбить передумали — нет, оно снова тут! За посадочную опору, небось, уцепилась — то-то нас так трянуло на взлете. Тебе тут что, оливье с говном намазано?

- Да куда же я денусь от вас? - донесся с той стороны переборки голос Матушки. - Мы же один народ. Поссоримся — помиримся. Чего только между родными не бывает. Только я вас поглотить сперва должна. Нет братства крепче поглощения. Тогда на любые случаи жизни заговоры есть. От феминизма до домостроя, смотря что надо. В своем доме как хочешь так и ворочу. Только для этого свой дом надо сначала, а

строить я не умею, да и не хочу. Мне бы у братиков, у младшеньких пожить да подхарчеваться. Харчи у них есть, а духовности мало. Вот и поменяемся.

- Рипли, на этом сраном капитанском мостике хотя бы пожарный багор есть? - сквозь зубы спросил Вержбовски. - Ну, по инструкции должен же быть в каждом помещении? Постарайся вспомнить, такой красный щит, к нему приколочен багор, топор, огнетушитель углекислотный и коническое ведро, чтобы не спиздили. А внизу ящик с песком. Я сейчас, слово гонору, эту курву голыми руками разделаю и в песке закопаю.

- Это не казарма, а звездолет. Здесь газотушение, - механически ответила Рипли. - А ну дайте я с ней поговорю сама. Только надо на ее языке, чтобы она понимала.

Рипли подошла к двери и постучала кулаком по косяку.

- Слыш ты, манда сарафанная, рога из дверей вытащи. Здесь переборка раздвижная из двух створок, ты в каждую по рогу загнала, как я тебе их открою? Рога пилить что ли?

- Выйдем, поговорим? - с надеждой спросила Матушка-Россия снаружи. - На калидор? Один на один? По-пацански?

- На калидор, на калидор. Папацанске. Зуб даю, бля буду, на вафла отвечаю и все такое.

- Смотри, обещанулась.

Матушка уперлась лапами с той стороны и со скрежетом вытащила рога из раздвижных дверей. Рипли с трудом откатила одну из искореженных створок в сторону и пролезла через узкую щель в базовый отсек. В щели тут же образовался голый Дрейк, который безуспешно пытался протиснуться вслед за Эллен. Не пролазила даже голова.

Тварь стояла и щерилась, глядя на Рипли, почти упиравшись рогами кокошника в потолок ангара.

- Ну вот и свиделись, - сказала Матушка, распахнула клыкастую пасть, вытянула внутреннюю челюсть и облизнулась. - Вертай свой самолет назад, а сами на мясы да на краснодевок пойдете.

- Ну вот и довыбывались, - устало ответила Рипли. - Не, ты чо, реально думала, что пока вы лапти плели, «ладу-калину» собирали и молебнами пожары тушили, весь мир по телевизору про ваши достижения смотрел и завидовал? То есть, в твоем понимании, я сейчас, как в кино 1986 года, залезу в древний погрузчик «Катерпиллер»-5000, в облезлой желтой краске, включу две дурацкие оранжевые мигалки на голове, и медленно переставляя квадратные ноги пойду толкаться с тобой гидравликой? У меня для тебя есть новость, хуевая как российский футбол, автопром и бытовая техника вместе взятые.

Рипли встала на подсвеченный участок платформы и подняла руки вверх. Охватывая ее, откуда-то сверху, одно на другое, поочередно упало четыре широких металлических кольца и закрутились в противоположных направлениях. Через несколько секунд кольца убрались обратно наверх, а на месте Рипли стояла словно облитая, а точнее — плотно обвитая тончайшей металлической нитью фигура, высотой около трех метров и похожая на приподнявшегося на задние лапы муравья. По внешней стороне лап тянулись звенья тяговых усилителей, похожие на змеиные позвончики. Передняя пара лап управлялась мимическими мышцами оператора. Лицевая панель карикатурно напоминала лицо самой Рипли. Зрительный канал тлел от уха до уха темно-красным разрезом на маске.

- Погрузчик «Дайхацу-Вестингауз», морда рязанская. У нас диглаторами даже в горных аулах не пользуются. Покорители космоса, ебаные. Изобретатели первой лампочки, первого паровоза, первого самолета, первого радио и первого напитка из жидкости для чистки ванн.

Рипли одним прыжком оказалась у стены ангара, быстро и ловко пробежалась по стене, перебралась на потолок и по потолку двинулась в сторону матки. Та, отвесив от удивления внешнюю челюсть, смотрела на приближающегося к ней стального муравья. Затем подпрыгнула, пытаясь ухватить погрузчик с Рипли выдвигающейся внутренней челюстью, да так и осталась висеть в воздухе, перехваченная за челюсть, как за галстук, передней псевдоподией погрузчика и болтая ногами в валенках и яйцекладом, торчащими из-под сарафана. Несколько раз она пыталась хлестнуть Рипли косой с заточенным ядовитым наконечником - от синталлевой навивки только отлетали искры.

Затем Рипли, не сбавляя хода, все так же легко пронеслась по потолку в сторону опустевшего дока первого, погибшего шатла, разжала над ним псевдоподию и с жестяным грохотом обрушила королеву чужих на дно дока. После этого, сделав грациозное сальто, сама спрыгнула в углубление на полу ангара.

Дрейк наконец-то доломал дверь, протиснулся, ухватил первый попавшийся под руку кусок арматуры и подбежал к краю дока. Рядом с ним тут же нарисовался Вержбовски. Они оба заворожено смотрели на происходящее на дне бойцовской ямы. Усевшийся на армированную жопу возле Вержбовски мистер Бибс поднял морду к потолку и как-то тоскливо, по-собачьи завыл.

- Ебать-колотить! - потрясенно сказал Вержбовски. Это что, тоже все пишется? Надо копию снять. Дрейк, бро, мы станем миллионерами!

- Отойдите от края дока, - донесся со дна парковочной ямы искаженный синтезатором голос Рипли, - и дождитесь сигнала об окончании шлюзования.

Морпехи послушно отступили за желтую линию, верхняя панель дока поползла, герметизируя шлюз для запуска предполагаемого шаттла в вакуум, по краю дока побежали предупреждающие красные огни, внутри шлюза что-то заревело-загудело, затем огни стали зелеными, панель поползла обратно, и из дока одним прыжком вылетела Рипли в доспехе погрузчика «Вестингауз».

- Вот и все. Идем к нашим. Сейчас только переоденусь. И не пяльтесь, а принесите халат. Это вы, вояки, привыкли всем скопом в одной бане мыться, а мне как-то не по себе голяком перед мужиками ходить.

Рипли встала в круг с подсветкой, четыре кольца навивки проделали обратную операцию, снимая погружной силовой костюм услужливый Бибс притащил махровый халат, Рипли завернулась в него и двинулась в рубку.

- Что? - спросила она первым делом у Дитрих, склонившейся над лежащим Хиксом.

- Норм. Почти по касательной прошло. Сейчас продезинфицируем в медблоке — и в криокроватку до самой Земли. Как новенький будет.

Рипли присела рядом с Хиксом и убрала мокрые волосы со своего лица.

- Понимаешь теперь, Дуэйн, - Рипли первый раз назвала Хикса по имени, - почему я так поступила? Или выкинуть эту блядь с нашего корабля, или разнести ее вместе с нами. Но мы имеем право на жизнь, а они нет. Мы имеем право на землю, воду и воздух, а они - нет. На пространство, материю и время, а они нет. Потому что всем было изначально выдано поровну, а им даже больше других. Испортив свою игрушку, надо ее чинить, а не отнимать у соседа новую.

- И каждый раз, уничтожая все, к чему прикоснулся кацап, мы косвенно признаем их право владения на все. Прости, что не было времени сказать тебе это раньше. Да я и сейчас не знаю, кто из нас прав, если честно. Но я хочу, чтобы вместо Ахерона был Парадайз, на котором будет море Васкез, каньон Хадсона и гора Эйпона. И, может даже, диснейденд имени Спанкмайера. А не выжженная и спекшаяся в стекло пустыня.

- Гора Эйпона стопудово будет вулканом — отозвался Вержбовски. - Старый курыка и после смерти дымить не бросит.

- Веж, ты не умничай, а лучше скажи, ты автопоилку для Брауни сделал? Нам четырнадцать дней лететь, и это на форсаже. А корова ни в одну морозилку не поместится.

- Я ей пятипальцевые манипуляторы на передние копыта присобачил. Она теперь кока-колу из автомата таскает.

- Ну тогда последняя проверка, по губернаторам и спать. До хати. Дрейк, помоги Дитрих дотащить Хикса до медотсека. И это... оденься что-ли. Хотя бы трусы. У тебя замечательный инструментарий, но он уже как-то примелькался.

Дрейк внезапно засмутился и прикрыл одной рукой свой замечательный инструментарий.

* * *

Не обойдется без маленького эпилога.



149890.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (парт цвайнцихь, почти последняя 18+)

1.21. Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (эпилог 18+)

3 Мая 2017

id:lj:149899

При выходе из шлюзового люка кольцевые направляющие развернули Матушку в ту же сторону, куда ушел так и не вернувшийся в док погибший шаттл, а силовые поля оружейного поста направили ее полет, согласно последней введенной программе ядерной бомбардировки, точнехонько в центр колонии «Надежды Хадли».

Впрочем, для самой Королевы Чужих ничего не изменилось — тускло поблескивающий навигационными огнями силуэт «Сулако» истончился, и вообще исчез, уйдя в тень планеты. Вокруг сияли неподвижные крупные звезды, которых Матка Чужих не видела никогда, поскольку родилась и выросла под непробиваемыми тучами LV-426.

- Сколь велика и прекрасна ты, Россиюшка, - прорекла тварь, - и вся моя! Нет у России границ, только горизонты!

Выпустив несколько струй пара Матушка перевернулась в пространстве и ринулась вниз, головой вперед, как пловец в бассейн.

На входе в верхние слои атмосферы стало значительно теплее, и Матушка заснула в тепле, как в бане, стремительно набирая первую космическую скорость. Правда сон чудовища длился недолго недолго, и когда искусственная румяная плоть от жара потекла с металлической морды, Матушка проснулась.

- Ух, упарилась! Да штой-то я? Эдак и ушибиться недолго.

Матушка расправила хитиновые надкрылки, чтобы снизить скорость падения, но жестяные, медные и алюминиевые заплатки сарафана тут же сорвало набегающим потоком и унесло куда-то вверх.

- Врешь, не возьмешь. Русские бесплатно не сдаются. Сам погибай, а меня выручай, - прошипела гадина и разжала сфинктер. Из задницы вырвался уложенный в задницу, как водится в России, тоже через задницу,

вытяжной парашют. Перепутанные стропы не дали ему раскрыться, но чудовищная тяга ветра вытащила белую тряпку наружу, выволакивая за ним уже тормозной купол. Тот, как ни странно, раскрылся и надулся, но оборвал гнилые стропы и тоже улетел вверх, вытащив, в свою очередь из матушкиной жопы большую часть основного парашюта, немедленно вспыхнувшего от раскаленного от трения о воздух корпуса.

С диким воем и пылающим пуканом Россия-Матушка ворвалась в плотный облачный слой. Металл уже потек, но плотный керамохитин еще держался, тлея красным. Огонь, вырывающийся из задницы превратился в дым.

- Есть в нас стержень! - победно заревела Матка, - Есть в нас сила! Ура-а-а!

На последнем «а» тварь слишком широко открыла рот, и давлением потока ей оторвало от башки нижнюю челюсть, так что получилось «Уы-ы-ы!» Облака внезапно кончились, и перед Матушкой, как нарисованный на карте, обозначился комплекс «Надежда Хадли» - скопление квадратиков, прямоугольников и кружочков.

* * *

- Да заебал ты уже ныть! - рывкнул Кроу. - «Убей меня, убей меня!..» Я бы уже с радостью тебя убил, чтобы ты от меня только отъебался. Но как я тебя убью, сука, если я даже пошевелится не могу в этом оливье. Сам меня убей попробуй. Давай, сначала ты меня убей, а потом я тебя. А? Не годится? Тогда сам помирай, сцыкун.

- Я за «сцыкуна» сейчас реально вылезу отсюда, и убить не убью, но по ебальнику отвалою качественно, - ответил висящий на противоположной стенке рядовой Фрост. - Так качественно отвалою, что ты до своей смерти не доживешь.

Оба морпеха были приклеены к противоположным стенам, под каждым из них валялся дохлый лицехват-«беженец».

- Ладно, извини за сцыкуна, «Фрост», - помолчав, сказал Кроу. - Это я так, сам боюсь, а признаться в этом еще страшнее. Не хочется как-то так помирать, в говне и оливье. Не по-людски. Эх, хотя бы одну руку из этого говна вытащить.

- Не дрейфь, братуха. Можно умереть в говне и оливье, но остаться чистым и светлым. Главное — самому говном не стать. О, чувствую, пошло. А ну, давай попробуем так...

Фрост закашлялся, затем по-волчьи завыл, выгнулся в своем коконе и напрягся. Из его груди, брызнув красным и раздвинув нагрудники десантного доспеха, проткнулась круглая голова выползка россоморфа, издала первый родовой визг, и полезла, сокращая тело, наружу. Бледный и трясущийся Фрост, изогнув под невыносимым углом шею, вцепился зубами в голову гаденыша и сжал челюсти. Когда личинка перестала дергаться, рядовой с трудом поднял голову, и посмотрел мутным взглядом на Кроу. Червь с раздавленной головой безвольно свисал из его груди.

- Какой... день?.. - невнятно спросил Фрост ртом, разъеденным до зубов кислотой.

- Четверг, кажется, - ошеломленно ответил Кроу. - А что?

- Для морпеха... самый лучший?..

- Последний, - твердо ответил Кроу. - Спи спокойно, брат. Мне уже не страшно.

Фрост согласно кивнул головой, и больше не поднимал ее. Кроу закрыл глаза и начал ждать. Внезапно внутри него что-то шевельнулось и полезло наружу, раздвигая ребра. Кроу оскалился и попытался дотянуться зубами до груди, но подбородок уперся в бронированный горжет, надетый на шею поверх доспеха.

- Ах тыж блядь! - в отчаянии сказал Кроу, пузырящимся от крови ртом. - Ну что за непруха! Хоть бы плюнуть успеть в тебя, сучонок.

Десантник судорожно забился в коконе выворачивая руки и ноги под неестественными углами, тварь упрямо продралась сквозь грудную клетку, но завизжать не успела. В помещение «актового зала», пробив шесть этажей станции терраморфинга и перекрытие улья, на космической скорости вломила Матушка, и превратила выползка, тела десантников, саму себя и все вокруг в ослепительную плазму. Говно и оливье стало светом, как и завещал рядовой Фрост.

* * *

Где-то в недрах компьютера уходящего от Ахерона «Сулако» неспящая Нэн переписала статусы прайвиров Фроста и Кроу с POW на DOW, но никто из экипажа этого не видел. Все лежали неподвижно в криокамерах, и должны были оставаться в них еще почти две недели — до того момента, когда крейсер войдет в зону слежения станций земного периметра и потребует человеческого контроля.

Последняя из криокамер, желтая, с медицинским контроллером, была занята капралом Си Ферро, совмещавшей сон с заживлением травм. Пилот шаттла обвитая трубками, с безмятежным лицом лежала на спине и спала без сновидений.

Неожиданно между ее сисек третьего размера вздулась еще одна, быстро достигшая четвертого размера. Внутри новой сиськи что-то гибко провернулось и уперлось изнутри, пытаясь прорвать кожу. Лицо Ферро осталось все таким же безмятежным — системы гибернатора полностью подавляли сознание и болевые ощущения. Новая, третья сиська внезапно взорвалась, залив прозрачную крышку криокамеры изнутри красным. Что-то длинное и хвостатое заметалось внутри камеры, в поисках выхода наружу. Затем, видимо нечаянно зацепив сенсор аварийного открытия камеры изнутри, длинное-хвостатое выскользнуло в щель медленно поднимающейся крышки и метнулось в угол, в тень.

Примитивные и незамысловатые логические конуры выползка были не так уж и просты, как казалось на первый взгляд. Много поколений эволюции россоморфа приучили его виртуозно врать, красть, выкручиваться до последнего и мастерски просчитывать западло — правда не больше, чем на два хода вперед — но для простой общинной жизни в улье этого хватало с избытком.

Прямой биологический приказ вида требовал от личинки мутации в Королеву, поскольку последней России-Матушки улья больше не существовало. Да и кто бы отказался? Но врожденный эгоизм и умение считать выгоду взяли свое — времени на полную трансформацию из выползка в Матку до окончания полета «Сулако» не было, во время трансформации ксеноморф был практически беспомощен, а быть Королевой без холопов — не очень интересное занятие. Да и обратно на сраный Ахерон не очень-то хотелось. Выползку хотелось красивых вещей, вкусной еды, оллинклюзива, внимания и поклонения масс и мяс, и если бы червь умел говорить, то сказал бы «всего и побольше».

Так что выход оставался один. Несложным квазилогическим приемом «своя рубашка ближе к телу» выползок быстро наебал сам себя и свой биологический вид, и начал трансформацию в длиннохвостую морфему десятипальцевого лицехвата-«беженца». Закончив перестройку организма, «беженец» вскарабкался по стене на потолок, и начал перебирать варианты.

В сторону Бишопы и Ферро он даже не посмотрел — эти свое уже отработали.

Вержбовски. Тоже нет. Ментально аффилированный с Кей-элевен пехотинец не годился, партнер-панцершвайн мгновенно распознает подмену хозяина, даже молекулярная копия не поможет.

Дрейк. Вариант. Но логические контуры лицехвата рисовали в перспективе звание капрала как максимум, а это не «всего и побольше». И вряд ли оллинклюзив. Кроме того, трансформировать в активную такую массу, как у этого амбала, за оставшееся время будет проблематично.

Взглянув в сторону Рипли, существо содрогнулось, и чуть не свалилось с потолка. Сразу нет. Без комментариев. Лучше обратно в дохлую Ферро и защититься изнутри.

Значит Дитрих. Грант на обучение, карьера, медицина. Вес небольшой, набрать можно вполне успеть. Жаль, конечно, что Дитрих уже не девочка, четко за сорок, наче было бы больше времени на социальную адаптацию и подготовку нового улья, преклонение и поклонение масс, но вполне сгодится. «Беженец» уверенно двинулся по потолку в направлении криокамеры капрала Дитрих, и внезапно замер.

Стоп. Вес небольшой. Девочка. Да вот же оно! - прямо под беженцем в своем хрустальном гробу лежала Бекки Джордан, Ньют-Головастик, прижимая к себе оторванную резиновую голову куклы с покрашенными фломастером губами.

Единственная выжившая на Ахероне. Интервью. Компенсации. Любимица публики. Престижная школа, колледж, университет. Работа на выбор. Государственное обеспечение. Опять интервью. Массу обратить а такую мелочь — двух дней хватит, может трех. Родных нет, молекулярная палитра и ДНК-паттерн погибли по месту рождения — на LV-426, то есть концов никаких. Вообще. Никаких. Правда, придется терпеть некоторое время возле себя эту ужасную тварь Рипли, но проблема решается. Мало ли отчего девочки капризничают.

Если бы тварь умела винить себя хоть в чем-то, то она обозвала бы себя душой — настолько очевидным был выбор. Но «беженец» только порадовался, что так вовремя не оплошал с Дитрих.

Уцепившись хвостом за усилительный элемент конструкции потолка, «беженец» опустил как можно ближе к крышке криокамеры Ньют, и мягко спрыгнул на нее, приземлившись на все десять лап. Затем поудобнее устроился напротив лица будущего носителя, присосался к полимеру крышки яйцекладом и начал медленно плавить его кислотой, чтобы просунуть хоботок в горло спящей девочке. Продолжая при этом складывать простые и незамысловатые детали из набора базовых тактик в конструкцию планируемых действий.

Выспаться, конечно, не получится. Надо форсированно трансформировать массу тела ребенка, чтобы хватило сил перенести опустевший панцирь лицевата поближе к дохлой Ферро, и оставить крышку ее гроба открытой. Пусть думают, что тварь вырвалась из пилота, сбежала, и желаю дуракам удачи в поисках ее по всему кораблю. Потом залечь обратно и активировать гибернатор изнутри. Полимер крышки затянется сам — он так устроен. Значит никаких дырок не останется. Только вскрытая капсула Ферро с дыркой в груди.

Тварь еще раз порадовалась за себя и похвалила себя же, что контрольных образцов ДНК Ньют не существует. Подделка будет неотличимой уже потому, что от оригинала не осталось и следа.

Полимер, наконец, расплавился настолько, что яйцеклад смог проникнуть внутрь криокапсулы. Целиком влезть туда не обязательно. Достаточно хоботка. «Беженец» аккуратно ввел яйцеклад между губ девочки, распластался хвостатой десятипальцевой ладонью на прозрачной крышке камеры и растянул в длину собранные сегменты мышц яйцеклада, пытаясь просунуть его достаточно глубоко для оплодотворения. Затем напрягся и толчками погнал собственный зародыш по яйцекладу. Еще чуть чуть. Еще. Еще.

Горло Ньют вздулось от проходящего по нему яйца, и надо было спешить — не имея возможности полностью контролировать носителя, обвинив его шею хвостом и охватив педипальцами голову, лицеват не мог снабжать носителя необходимым кислородом, и надо было торопиться отложить яйцо в грудную клетку, пока девочка не задохнулась. Еще. Еще совсем немного.

Какая-то сила ухватила за хвост и потащила «беженца» вверх. Лицеват отчаянно заскреб по поверхности криокамеры всеми десятью пальцами, но ухватиться на гладком полимере было не за что. Такая близкая, и такая недоступная голова носителя находилась по ту сторону крышки хрустального гроба спящей принцессы. Яйцеклад с утолщением находящегося в нем эмбриона с чавканьем вылез из горла Ребекки Джордан, и выдернулся наружу через проплавленное в крышке отверстие. Девочка кашлянула во сне, перевернулась на другой бок и засопела дальше.

«Блядь!» - подумала тварь - «Вот же блядь! Надо было целиком внутрь залазить! Поленилась, дура!» - и это была ее последняя квазимысль.

Временно исполняющая должность второго пилота бывшая русская корова Брауни, которой из-за габаритов не досталось места в криокамере, задолбавшаяся играть в видеоигры и совершавшая обход владений, подбросила за хвост лицевата-«беженца» в воздух. Затем, по волчьей клацнув зубами, поймала его за корпус. Тщательно разжевала вместе с эмбрионом в кашу и проглотила, прислушиваясь к ощущениям. Ей на Ахероне еще и не то жрать приходилось, а лицевата, да еще с яйцом, вообще не каждый день поймаешь. Питательные, но прыткие, гады.

Потом корова решила, что русская кухня, все-таки, не для нее, и пошла запивать эту гадость кока-колой из автомата. Впереди предстоял дежурный обход ангара, оружейки, отделения жизнеобеспечения и зоны охладителя реактора. А потом — обратно, за авиасимулятор. Надо закончить еще два уровня за Красного Барона, одну тактическую миссию «Битвы за Англию» и пересаживаться за древний восьмибитный «Реталатор», чтобы отработать посадку в пятипальцевых манипуляторах.

Ведь если российская корова хочет стать полноценным членом современного общества, да еще помощником второго пилота в корпусе колониальной морской пехоты — ей надо постоянно учиться и работать над собой. То, что ты корова, тебе простят и тебя поймут, особенно в корпусе Кей-Элеван. А вот то, что ты больше не российская, придется доказывать себе и другим каждый день и всю жизнь.

И последний экзамен будет в самый лучший для морпеха день — последний.

THE END.



149899.--Проклятое марта, или Один день в тысячу лет (эпilog 18+)

Глава 2

Васино счастье

2.1. Васино счастье (Парт оне строго 18 +++)

16 Апреля 2017

id:lj:149820

Кто тут просил черный-пречерный лонгрид? И пока Рипли лазит в недрах перевернутого и разгромленного посла Восьмого марта броневика, я попугаю вас на ночь. Но тут необходима преамбула.

Когда-то, давным давно, когда Сорокин получал свои первые премии, ко мне обратились с просьбой написать объемный очерк о секстрафике. Я добросовестно взялся за дело, начал говорить с людьми и ворошить документы. Но чем больше я влазил в эту кипящую смолу, тем страшнее мне становилось.

Я не буду говорить о том, что текст основан на реальных событиях - некоторые события могли для меня сочинить, а некоторые были таковы, что их не терпит даже бумага. Я просто попытался передать атмосферу бытия - спрос не с меня. Очерк я не дописал и вернул задаток.

Поэтому уберите от мониторов детей и поростков. И женщин, желательно, тоже.

* * *

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ ВАСЯ ЕДЕТ НА РАБОТУ

За каким чертом надо было ехать в эту Влеру, чтобы тут же поехать обратно, Вася так и не понял. Полторы сотни километров — небольшое расстояние, да здесь больших расстояний и не было. Но жара, пыль, паршивая дорога, медленно ползущие по осевой телеги, которые надо было объезжать по обочинам, превратили поездку в трехчасовой квест.

Вез Васю неопознанного рода шарабан, с явным присутствием крови итальянского автопрома, но еще с чем-то мутным и непонятным в геноме. Такой хитрый шарабан, небось, не у каждого коллекционера найдется.

И на тебе, только приехали — перегрузили Васины чемодан и кофр с камерой в другой шарабан, пересадили самого Васю. Ну как пересадили... сказали — «быртыртырбыр», — и пальцем показали, куда бежать.

Как будто Вася и не Вася вовсе, а какой-то пудель.

Водилы перетерли о чем-то на своем языке, который Вася тут же поставил в личном рейтинге на второе место по мутности, после венгерского, обнялись, похлопали друг друга по спортивным костюмам, и Вася отправился обратно в Тирану. Кажется, даже, по той же самой дороге. Ну а по какой еще? Откуда тут две дороги в одно и то же место? Тут если одна есть — и то радость.

И олбанский язык здесь совсем другой, кстати. Не такой, как дома.

* * *

Утешало только то, что вторая машина была новее, без убудочных примесей к «фиату». Хотя, до уровня почтенного транспорта с кондиционером она не дотягивала, зато был радиоприемник, да не простой, а с кассетным магнитофоном. Вася так давно не видел кассет, что даже немного заностальгировал, как будто в детство попал.

«Может, меня кругами возят?» — подумал Вася: «Так я же знаю — куда еду. Еще бы глаза завязали, «Зетас» хуевы... э, да у них бардак еще похлеще, чем у нас».

Впрочем, скоро машина свернула направо, на восток, и Вася расслабился. Все-таки ехали не обратно в Тирану. Обратно в Тирану ему не хотелось. За два часа, которые он ждал пунктуального встречающего водителя, у него украли телефон, и еле удалось догнать чемодан.

Дорога была загадочной, куда там желтым кирпичам, по которым гуляла Элли с Тотошкой — то сжималась до пыльной узкоколейки, то, перед какими-то глухими усадьбами, раздувалась аневризмой, чуть ли не до размеров посадочной полосы для «Боинга». С какой целью — неизвестно, потому что скорости это не прибавляло ничуть. Все обламывали бесчисленные «лежачие полицейские», выползшие на дорогу как черви после дождя.

Впрочем, по убогости их даже «лежачими полицейскими» назвать было неловко — Вася окрестил их «лежащими мусорами» и каждый раз, завидев впереди, тревожно сжимался и цеплялся за ручку над дверью.

Водитель, усатый шкиптар с раздвоенным подбородком и любитель китайского «Рибока» (Егоров еще перед вылетом предупредил, что «все албанцы — «шкиптары», это только у нас они албанцы») вел машину так, что Вася засомневался — его ли это машина? Идея поспать, откинув сиденье, отпала сразу — картошку, и ту бережнее возят. «Фиат» то разгонялся, то тормозил, как об стену перед очередной лошадиной жопой, ухабом или вылепленными из асфальта «лежащим мусором».

Водитель молчал, шевелил усами, потом полез через Васино колено в бардачок, бросив руль, покопался там и достал кассету. Воткнул ее в прорезь магнитофона. Тот зажужжал и кассету всосал, клацнув крышкой. Вася оживился.

Как оказалось — совершенно зря.

* * *

Местная музыка сокрушила Васю.

Было такое ощущение, что кто хотел играть в этом диком оркестре — тот играл, потом переставал играть, выходил отлить или покурить, возвращался, и начинал опять колотить в бубен с любого места, на свое усмотрение. Кроме, пожалуй, дудочника и гармониста — те ни на секунду не отрывались от своего любимого дела. Вася, неплохо в свое время игравший на бас-гитаре, понял, что не способен даже приблизительно определить размер песни. В каждой песне было минимум сорок куплетов, повторявшихся дважды. Слов, естественно, было не понять, но судя по интонациям, все песни были о чем-то страшном и скорбном. «Свадебные, наверное» — тоскливо подумал Вася.

От печалей Вася достал планшет и потыкал в экран пальцем. Браузер долго крутил «бублик», потом сдался. Джи-пи-эс не смог распознать даже планету местонахождения. Интернет здесь еще не изобрели, а спутники старательно огибали эти скорбные места, панически перепрыгивая в своем вакууме с орбиты на орбиту. Самые неосторожные спутники, наверняка, падали замертво в Адриатическое море.

Через час Вася понял, что сходит с ума.

— Эй, зоти, уважаемый. Русский понимаешь?

Албанец не отреагировал вообще никак.

— Спик ю англиш? Шпрехен зи дойч? Парло итальяно? — водитель снисходительно посмотрел на Васю. — Чо, даже не парло? Музыку сделай тише, пожалуйста, башка раскалывается. — Вася сделал вид, что крутит ручку громкости и постучал себя по голове.

Водитель, не отвечая, перевел взгляд обратно на дорогу и сосредоточенно пошевелил усами.

* * *

Вася с досадой поймал себя на чувстве, которое испытывают почти все пассажиры по отношению к водителям — смесь робости и почтения. Конечно, если это не их личный водитель. «Выдавливает из себя раба надо. По капле», — с мрачной ненавистью подумал Вася: «Как завещал классик. Сука, ну кто он такой? Какого хуя? Приезжаешь в гости, ведешь себя вежливо, как в детстве учили. Вот наше слабое место — национальная вежливость и врожденная застенчивость...»

Вася приготовился выдавливать раба, уперся покрепче ногами под бардачком, уцепился за ручку, вдохнул поглубже и истошно заорал.

— Ста-а-ять, блядь!

Хорошо, что уперся ногами, иначе раба выдавило бы вместе с ливером. Водителя бросило грудью на руль, «Фиат» прошел по пыльной дороге юзом и застыл чуть ли не поперек дороги. Завоняло женой резиной. Водитель отлип от руля и ошеломленно посмотрел на Васю.

Вася медленно и величественно повернулся к обалдевшему погонщику «фиата».

— Ты чо, животное ебаное? Ты кем себя мнишь, а? Ты хули мне тут усами крутишь, мудрый сверчок? Ты знаешь кого, а главное — к кому везешь?

— Знаю, — по-русски ответил водитель.

— Мне ходжа Хаши что говорил? Чего обещал? Приезжай, дорогим гостем будешь. Сам увидишь, как у нас живут-встречают. Твоя помощь, говорил, очень нужна, ждем тебя, Вася, дни считаем. Хорошо. Я приеду, скажу, что все уже увидел, говна поел, что вертел я на хую такое гостеприимство, когда каждая мартышка за рулем из себя падишаха строит. Плюну и уеду. Только меня в аэропорт уже другой отвезет. На этой машине. Веришь?

— Верю, — сказал албанец.

— Тебя как зовут?

— Лека. Алик тоже можно.

— Музыку нахуй выключил, Алик. Свое окно закрыл. Едем быстро и гладко, перед спидбрейкерами притормаживаем. Не сразу перед ними, за два метра, чтобы зубами на торпеду бросало, а заранее плавно сбрасываем скорость.

— Перед кем?... — водитель растерялся.

— Перед «лежачими мусорами». Которые поперек дороги из говна и асфальта сделаны. Понял?

— Понял.

— Тогда трогай.

Вася открыл окно со своей стороны, откинул сиденье до упора назад и вытянулся на нем, радуясь тишине и ветерку. Машина плавно тронулась и почти сразу остановилась.

— Приехали, — сказал усатый водитель.

— Бля, — сказал Вася.

* * *

Дом отличался от семейных фортеций, на которые Вася уже насмотрелся. Собственно, это был не дом — Васе, почему-то, вспомнился въезд на металлобазу, память детства. Распахнутые ворота, шлагбаум поперек них, будочка с охранником внутри, второй сачкует снаружи.

Вася вылез из машины, потягиваясь в суставах. Наклонился, разогнулся. Алик потрусил к будке охранника и принялся там что-то втолковывать, оборачиваясь и показывая на Васю. Затем кивнул охраннику, дал ему прикурить от китайской «Зиппо», и потрусил обратно.

— Заехать нельзя. Ждут тебя. Не пускают. Сейчас Беким будет из-за тебя, — сообщил водитель сразу все новости, озадачив Васю.

— Как это — ждут и не пускают? За что нам будет беким? — поинтересовался Вася, предполагая в «бекиме» местную разновидность неприятностей.

— Тебя ждут, меня не пускают, — уточнил Алик, доставая из багажника Васин чемодан на колесиках и кофр с камерой. — А Беким к нам сейчас придет. Позовут его. Давай, пошли, я понесу.

— Э, нет, — сказал Вася, отнимая кофр у водителя. — Это я сам понесу. А ты чемодан неси, только не кати, днище протрешь по этому гравию. Вещь дорогая, ей сразу беким будет, если ее по вашему наждаку тащить. Дороги надо нормальные делать.

Подшли к шлагбауму и остановились. Второй охранник выполз из будки, и хранители врат вдвоем с любопытством уставились на Васю, переговариваясь на своем таинственном языке. Вася тоже уставился на охранников. Натовский камуфляж, стрекозиные очки, радиостанции на ширинках, кобуры на жопе. И в шлепанцах. «Тонтон-макуты ебаные, медельинский картель самодельный, сука, «Зетас» доморощенные»

— со злобой подумал Вася, умирая на жаре. Затем достал из нагрудного кармана и напялил круглые очки слепого кота Базилио, сразу обозначая — кто здесь на службе, а кому похуй на все ваши порядки. Алик стоял смиренно и покорно, как бедный жених перед алтарем.

— Курить есть? — нагло спросил Вася, устанавливая первичную иерархию в стае приматов.

Охранники с готовностью полезли в карманы. Достали пачки «Мальборо», протянули. Вася полез выбирать, но охранники, внезапно, так же синхронно и спешно попрытали коробки, первый забился обратно в будку, а второй выбросил свою сигарету и принял воинственный и надменный вид. Вася с недоумением посмотрел на него.

* * *

— Василий Иванович? — донеслось из-за шлагбаума на хорошем русском языке. Вася поднял голову. Среднего роста, крепко сбитый человек в белой рубашке с детским шрамом от заячьей губы. За ним маячил какой-то гаваец в одноименной рубашке и еще один тонтон-макут, хорошо хоть в кроссовках, а не в шлепанцах.

Гвардеец, наверное.

— Давайте без Иваныча, — сказал Вася. — В школе еще заебали этим Иванычем.

Человек в белой рубашке понимающе улыбнулся, дескать, знаем-знаем мы ваш русский фольклор, что-то каркнул на тайном албанском языке, тонтон-макут побежал забирать чемодан у Алика, а человек в рубашке поднырнул под шлагбаум и подал Васе руку.

— Беким, заместитель начальника охраны. Это, — кивнул на «гавайца» — Костадин, переводчик. («можно Костик» — перевел тут же Костадин и кивнул головой. Тонтон-макут остался безымянным). Извините, не встретили. Начальник охраны в отъезде, тут с ног сбиться можно. Идемте.

Беким нырнул под шлагбаум в обратном направлении, Вася последовал за ним. Тонтон-макут с чемоданом прошел через будку охранника. Алик остался по ту сторону реальности. Кажется, церемониального въезда в город не предусматривалось.

— Османа сейчас нет, — пояснял Беким на ходу — В командировке. Он должен был встречать. Но сам ходжа уже ждет вас. Велел сообщить, как только приедете, чтобы успели на стол собрать, пока поселитесь. Пока что в гостевой блок, а потом решим... — Вася шел, крутя головой по сторонам и разглядывая расположение сквозь круглые спеподырые очки. Изнутри место больше напоминало не металлобазу, а гасиенду, с загонами, складами, службами и хозяйской усадьбой, готовой к вторжению диких гуарани. — ... остальное Костик вам покажет, а мне бежать надо... — сказал Беким, пожал Васе руку еще раз и ушел наводить порядок в других местах

— Ну что, Костик, и вы... э-э-э, гражданин, — обратился Вася к переводчику и безымянному тонтон-макуту с Васиным чемоданом, — Идем поселиться?

— Идем — покладисто согласился гаваец Костик. Вася развернулся на пятке, завернул за угол.

И остановился.

* * *

Здоровенный вертолет стоял посреди хоздвора, под заботливо натянутым брезентом, как деревенский стог сена, укрытый от дождя. По собранным и сваленным «за спину» лопастям, выпяченному из-под брезента носу, и раздвоенному хвостовому оперению Вася заподозрил какой-то морской «Камов». Насмотревшийся на легкую и дорогую стрекозину нечисть мажорных клиентов, Вася присвистнул, глядя на горбатое морское чудище ходжи Хаши.

Тонтон-макут с Васиным чемоданом на плече остановился рядом.

— Чо?

— Летает? — Вася кивнул на вертолет.

— Нет.

— Поломался?

— Нет. Летчика нет. Умеешь? На таком умеешь?

— Что там уметь, — надменно ответил Вася. — Крути педали, да наклоняйся в нужную сторону при повороте.

Тонтон-макут с уважением посмотрел на него и переложил чемодан на другое плечо.

«Хуясе», — подумал Вася, представляя себе деловую или увеселительную поездку на «Камове». Контракт стал наливать неоновыми цветами, как вывески Лас-Вегаса при въезде в город-сказку.

* * *

Через пять минут Вася знал уже почти все — что в столовой можно жрать в любое время суток, но только с шести утра до десяти вечера. Зато можно запастись едой в холодильник. Что Осман в отъезде по конвою, что бусик ходит за харчами в город каждый день, и бухло надо заказывать отдельно, а пиво привезут и так. Что охрана периметра — мудаки, горные шкиптары, а вот ребята со складов нормальные. Что после одиннадцати по территории лучше одному не шаробиться, по крайней мере, пока собаки к тебе не привыкнут, — и еще тысячу важных вещей, без которых жизнь становится сложной.

—... а вот это твоя комната, — сказал Костик, отпирая дверь и отдавая Васе ключ. — Третий номер, угловой. Самый большой.

Вася осмотрелся. Хороший гостиничный номер, две кровати, стол, стул. Шкаф. Даже душ. Вася положил кофр на кровать.

— Здесь кто? — Вася кивнул на вторую кровать. Костик покраснел и смутился.

— Мы кровати сдвинем, а сверху общий матрас положим, чтобы жопа не проваливалась. Нормальный сексодром будет, тебе понравится. А стол вон в тот угол передвинем. Просто негде двуспальную сейчас взять. На первое время пока так. Можешь, хочешь душ сначала принять? Горячая вода есть.

Вася дико посмотрел на Костика и попятился. Костик непонимающе моргал.

— Кровати нам зачем сдвигать? — тревожно спросил Вася.

— Ну, ты же не все время один спать будешь. Может, бабу приведешь. Я в шестом номере живу, номер на телефоне такой же, просто кнопку нажми, когда будешь готов, я зайду. Не тяни, Хаши через час за столом ждет. Ну, все располагайся — Костик потоптался и вышел.

Вася с облегчением выдохнул, на всякий случай тщательно запер за Костиком дверь, стащил с себя шорты и майку и потопал в душ. Смывать пыль дорог.

* * *



149820.--Васино счастье (Парт оне строго 18 +++)

2.2. Васино счастье парт оне-2 (строжайше 18+++)

16 Апреля 2017

id:lj:149823

* * *

— Я не хочу заниматься дорогими шлюхами. — сказал Хаши. — Проблема не в девках. С ними, как раз, проблем нет. Проблема с клиентами. Н-е-ет, ты не понял, клиенты есть. Но! Это они проблемы создают. Требуется дополнительный сервис, а сколько это людей, а сколько хлопот, а сколько времени? А риски? А претензии? Упаковка стоит дороже товара. А у меня интересы уже в другой плоскости лежат, да. Давай рюмку. Хаши налил из графина. Поймал Васин взгляд, улыбнулся.

— Из бутылок крепкое не люблю. Сразу ресторан напоминает. Дома надо из графина. Привык так. Да, вот, переливают.

— Хороший у тебя дом, ходжа, — вежливо сказал Вася. Хаши засмеялся.

— Какой же это дом? Это офис. Дом у меня на побережье. Вот там — да, хороший дом. На выходные слетаем, посмотришь. Ибрагим, кстати, рядом строится. Тебя иногда вспоминает, когда видео со свадьбы смотрим. Жена уже второго ребенка ждет.

— Мальчика, девочку?

— Кого бог пошлет, тому и рады будем. Поздние у меня внуки, ну да женить их еще успею.

Когда Вася два года назад первый раз встретился с ходжой Хаши, он ожидал увидеть, как минимум, бека в феске и расшитом халате. Тогда он ошибся. За прошедшее время Хаши изменился мало — загорелый, красиво стареющий итальянец с аккуратно подстриженными седыми усами. Без обязательного здесь килограмма золота на шее. Только цепочка, даже не чудовищный «бисмарк» в три ряда, на который можно вешать якорь от сухогруза, а тонкий жгут-"змейка». Ну, спортивный костюм и шлепанцы, само собой — это Вася уже воспринимал как национальную одежду.

* * *

— Так вот. Опт. Но! шлюхи — не насыпной груз, поэтому даже при опте отбираются поштучно. Сортировка, драфт, да. Все эти смотрины — хлопотно и опасно, да и стоят дорого. Это только в желтой прессе осталось. Но! Есть такая вещь как мировая сеть. Фотографии — это не то, в женщине главное — поведение, шарм. Поэтому мне нужен не гений, который три недели снимает один шедевр. Но и не ремесленник, который за три часа снимает говно. Мне нужен гений, который за три часа снимает шедевр, и который понимает — на что покупателя потянет, а на что — нет. Чтобы второй сорт стал первым, а первый... — Хаши помахал графином. — И это как раз ты.

Выпили, закусили. В дверь постучали.

— Вот, — сказал Хаши. — Привели. Сейчас сам все поймешь.

Дверь приоткрылась, в нее просунулась усатая голова в камуфляжной кепке, кивнула, затем в дверь протиснулась девчонка в белой мужской рубашке до колен. Голова скрылась, дверь закрылась.

— Что скажешь? — спросил Хаши. — Вот такое я покупаю за одну, продаю за восемь. Но! Если ты сможешь, то будет в два раза больше. Понимаешь? Это если я совсем продаю. Но! Если сразу продавать — быстрее оборот. Мировые сети, медиа, я же не дикий горец. Мне нужна витрина. Я не хочу беспокоиться тем, как их ебут. Пусть об этом беспокоятся другие. Я знаю — где их брать. Что скажешь, Вася?

Вася повертел рюмку, глядя на просвет. Затем осмотрел девчонку. Заинтересованно кивнул.

— Неплохо, ходжа. Если есть еще такой материал, может быть перспектива.

Ох, врал Вася, как последняя сволочь. Как никогда в жизни до этого. Надпочечники выстрелили адреналином, в мозгу пересеклись и наложились какие-то импульсы, пошли круги ряби, и только чудом не отломилась в руках ножка от рюмки.

Украинская бабка Васи по матери назвала бы эту девчонку «хвойдой билиявой», а русская, по отцу, «белобрысой курвой». Хотя ее волосы сходили от светло-русого у корней к снежному постепенно, будто

выгорели. Широко расставленные желто-зеленые глаза и немного приплюснутая между глаз переносица придавали лицу какое-то хищное, рысье выражение. Никогда Васе не нравились тонкие блондинки, любил он темноволосых галь и оксан, мягких и теплых, кареоких и уютных. Но это он любил из обычных женщин. А то, что стояло напротив, не было из обычных женщин. Таких он видел только нарисованных. В комиксах.

* * *

— Подойди ближе, — сказал Хаши. — почему без штанов, зараза сопливая?

— В бассейне купалась. Бежим разрешил. А потом сразу позвали, а Звонимир потащил, не дал в блок зайти, переодеться.

Действительно, сквозь белую рубашку мок голубой купальник. Вася почувствовал жгучее желание угнать морской вертолет со двора. Он лениво допил коньяк из рюмки и брезгливо сморщился. Хаши, уязвленный явным пренебрежением профессионала, засопел.

— Покажись. Вся. Девчонка стащила через голову белую рубашку, поковыряла за спиной застежку купальника, потом, присев, быстро стащила трусики, отбросила их ножкой и уперлась в бедро рукой. Покрутилась, прогнулась, быстро показала Васе острый язык и тут же мило улыбнулась Хаши.

Васе было уже без разницы, потому что если к бесконечности прибавить бесконечность, то будет все равно бесконечность. Почему-то в голове у Васи всплыло слово «облизывать», взятое в виньетку, как в немом кино. От высокой талии у девчонки скатывалась трамплином попка, и Вася, глазами проехавшись по ней, свалился в пропасть в конце трассы. Лыжами кверху.

— Ну что, отлично, — равнодушно сказал Вася, поставив рюмку, изо всех сил стараясь не расколотить ее об стол. — С этим можно работать.

— Вот, ты понимаешь? А на фотографиях — там смотреть не на что. Вообще ничего по фотографии понять нельзя. Иди сюда, — сказал девчонке Хаши. Девчонка быстро подошла, и села к нему на колени. — Нет, не ко мне, к гостю. Налей ему, и с рук дай выпить. Как тебя учили гостей встречать, зараза?

Зараза сноровисто пересела на колени к Васе. Вася, стараясь сильно не дышать, снисходительно потрогал пальцем грудку-яблочко и одобрительно кивнул Хаши с видом знатока. Затем подставил рот под рюмку. Девчонка, неаккуратно залив в него коньяк, сноровисто пихнула ему вдогонку рот кусочек сыра. Вася прожевал и проглотил.

— Спроси — как ее зовут.

— Как тебя зовут, красавица, — послушно спросил Вася.

— Бьют.

— За что? — оторопел Вася.

— Да ни за что. — Вася осторожно скосил глаза на Хаши. — Зовут меня Бьют. Вот так пишется на иностранном, — девушка макнула палец в коньяк и написала на столе. — Это значит «красивая».

— Не-е-ет, — улыбнулся Хаши. — Скажи, как на самом деле тебя зовут.

— Бьют.

— А раньше как звали? И откуда ты? Говори честно, или накажу. Ну?

— Бьют. Только так и зовут — девчонка скривилась. — А откуда — не помню. Забыла.

Хаши рассмеялся, хлопая себя по коленям, и стал совершенно похожим на доброго дядюшку Вито Корлеоне за минуту до инсульта в саду. Только в спортивном костюме. Но все закончилось хорошо, инсульта не случилось, Хаши отсмеялся и посерьезнел.

— Видишь, какое воспитание? Все, беги, девочка. Можешь еще в бассейне поплавать, скажешь Бекиму, я разрешил. Только голая по двору не бегай.

Бьют спорхнула с Васиного колена, подхватила одежду выскочила из комнаты и притворила за собой дверь. Хаши посерьезнел еще больше, и Вася понял — сейчас он что-то скажет. И Хаши сказал.

* * *

— Вот такое я хочу продавать. Конкретно эту заразу звать Саша, сама она из Пятигорска, но купил я ее в другом месте, в интернате. Сразу после выпускного вечера. Ну, не я лично купил, мой агент. Я такое добро могу эшелонами поставлять.

Конечно, в розницу продавать — денег больше. Но! Примерно такая же в эскорте продается за полторы — две тысячи евро выход. А у меня двести, и очередь стоит.

Но! Конкретно эту чаще трех раз в день под клиента ставить нельзя, шкурка протрется. Да и три раза тоже много. Но! Денег на таком товаре выходит столько же, сколько битая шкура по двадцать минетов на обочине в день. Все, интереса нет. Я не хочу с этим возиться. Не хочу заниматься эскортом. Мне вал нужен. Макдональдс хороших тел, а не кутюрный ресторан. Я не хочу открывать курсы изящных манер и походки. Понимаешь?

— Нет, — честно признался Вася. Хаши вздохнул.

— Ладно, потом поймешь. Это уже детали моего бизнеса. От тебя мне надо следующее. Давай рюмку. Порно снимать ты не умеешь. Там надо красиво, а у тебя не так. Но! Мне не нужно видео для дробил, мне нужна визитка в каталог для драфтеров. Ты можешь сделать так, чтобы хуй внезапно дико встал, потому что видно — это все происходит на самом деле. Это ты умеешь. Я же видел твои работы. И эту, кстати, телеведущую, с наградной статуэткой в пизде... — Вася помрачнел, Хаши опять рассмеялся. — Да ладно, чего ты. Отличная работа. Клиент был в восторге. Егоров, небось, про меня ужасов тебе понарасказывал?

Не желая прямо врать, и, в то же время, не догадываясь — что Егоров мог позволить себе понарасказывать, а что нет, Вася дипломатично пожал плечами и зажевал коньяк. Хаши ухмыльнулся.

— Не верь всему. Но учитывай возможность. В любом случае, ужасы происходят не здесь. Здесь, вообще, склад, приспособленный под текущую задачу. Где происходит остальное — узнаешь, если согласишься на вторую часть контракта. — Вася отрицательно покачал головой. — Хорошо, может, потом передумаешь. Торопить не буду. Но просьбы могут быть. Не регулярно. С отдельной оплатой, разумеется.

— Я понял, — неожиданно сказал Вася, меняя тему. — Здесь первое впечатление важно. Даже если девка окажется не совсем такой, заказчик будет все равно искать в ней то, что он увидел раньше. Что его впечатлило. А значит — минимум претензий. И при этом снять правду. Не подрисовывать.

— Сам додумался? — спросил после минутного молчания Хаши. — Молодец. Я тоже такое понимал, только не знал, как сказать. Далеко пойдешь, Вася. Теперь послушай правила. — Хаши закурил. — Выезд в город для всех с разрешения Османа или Бекима. Тебя это не касается, ты свободный человек, езжай куда хочешь — главное, чтобы не в ущерб работе. Но! Ставь в известность начкара и отмечайся на въезде-выезде. Возможно, первое время даже с охраной поездишь, пока не разберешься. Дальше. — Хаши выпустил дым. — Девки будут привозить партиями, один-два раза в неделю. Так удобнее. Жить будут в своем блоке. Охране и персоналу запрещено их даже пальцем трогать, не то что ебать. Тебя это тоже не касается, делай, как считаешь нужным.

Но! Интернет здесь только у тебя, меня и Османа. Связь тоже ограничена. Поэтому, пока бляди у тебя в работе, ты отвечаешь за то, чтобы они не звонили, не писали куда попало. И чтобы на пизду ты не повелся, потому что девки бывают разные, и случаи уже были. Учти это, Вася.

* * *

Подвальная голодная крыса из криворожской трущобы, с детства живущая в Васиной голове, осторожно обнюхала кусочек сыра, почувствовала подозрительный запах, и убрала мордочку.

— Нет, — сказал Вася, — зачем мне такие исключения? Чтобы на меня остальные косо смотрели? Правила для всех — не ебать, так не ебать. Разве что ты сам лично попросишь. Надо мне будет — я в городе проститутку сниму. С этим же проблем нет?

Хаши заржал, давясь дымом, как будто услышал что-то невероятно смешное. Смеялся долго и обстоятельно, тряс головой, затем успокоился, отдышался и одобрительно посмотрел на Васю. Крыса в Васиной голове моргнула, и убралась в норку.

— Нет, с этим именно проблем не будет. Даже в город ездить не надо. Скажешь — привезут. Автобусом. Выберешь. И третье, оно же главное — никогда не пизди мне. Не хочешь правду говорить — так и говори «не хочу отвечать». Но! Это лучше. Все. Если чего надо — говори Осману или Мирче, он здесь вроде завхоза. По-русски не говорит, но при тебе Костик постоянно будет. Ходить можно везде, где совсем нельзя — тебе Осман скажет. Я буду приезжать раз в неделю-две, будут вопросы — еще поговорим.

Давай рюмку.

* * *

А потом пошел Вася к себе домой, то есть на квартиру, выписывая плавную синусоиду, даже от пьяности и сытости. Зашел на хоздвор, посмотреть на вертолет, поднял брезент, заглянул под него. Тут же нарисовался охранник и спросил что-то строго на неправильном олбанском.

— Камов, — ответил Вася. — Пилота у вас нет. Хаши сказал, что подарит, если буду хорошо себя вести. — Вася покачнулся. — У-у-у-у! — сказал Вася, крутя над головой руками — Та-да-да-да! Понимаешь? Торпеда — плюх и пиздец. Понял, креветка? — охранник, услышав про Хаши, закивал головой. Из-за угла уже бежал на помощь Костик.

Вася вломился в номер, как боевой слон царя Ксеркса, чуть не оторвав дверь гардероба, за которую уцепился, чтобы не упасть. Кровати за время его отсутствия все-таки сдвинули вместе, поверх положили общий пухлый матрац и перестелили белье.

Вася полчаса трезвел под душем, вылез, не вытираясь, включил кондиционер, залез с ноутбуком на постель и начал просматривать почту. Затем написал длинное слезливое письмо о своей нелегкой жизни Егорову. Стер его. Что он мог понять о жизни, этот черствый Егоров? Закрыл ноутбук, выключил свет и вытянулся на постели. Лежать на упругом матраце было зверски удобно. Вася потянулся, закрыл глаза, и почти сразу в дверь постучали.

* * *

— Кто там? — спросил Вася.

— Это я. — непонятным голосом ответила дверь. Но уж точно не голосом Костика. Вася со стоном поднялся с лежбища, добрал до двери, повернул ключ. И чуть не сел на задницу.

— Ты чего здесь делаешь? — зашипел Вася. — Хаши с тебя шкуру спустит. И с меня тоже. Зараза. И опять без штанов!

— Не спустит. Он мне сам сказал прийти. А если ты тупить будешь, то велел передать, что по его личной просьбе. Так что, если ты тупишь, то я передаю. Вася на ватных ногах отступил в сторону. Бьют, с гигантским махровым полотенцем на плече, шмыгнула в комнату. Осмотрелась, швырнула свой махровый ковер на Васину постель.

— Ничегошенько так. А помыться у тебя можно? Полотенце у тебя есть?

— А это у тебя что, не полотенце? Этим футболную команду вытереть можно...

— Это мое одеяло, я под ним сплю, чтобы жарко не было. О, я вот это возьму. Можно?

— не дожидаясь ответа, Бьют зацепила полотенце со спинки Васиной кровати, и пошлепала босыми ногами в душ. — Горячая где у тебя? Ага, понятно. У меня в комнате краны другие.

Вася осторожно присел на кровать. Затем прилег, вытянулся в ожидании чего-то ужасного, прислушиваясь к звукам льющейся воды и любительскому исполнению песни Лас Кетчуп «А Серехе» Хотя, это было лучше албанской музыки.

Вася лежал и печально думал — что делать? Как жить? Это ужасно, когда мечты сбываются досрочно, когда мечте всей твоей жизни не исполнилось даже одного дня, и ты к этому совершенно не готов. Васе было страшно. Он слушал доносящиеся из душа вопли про веселого Диего с наркотиками, и ему хотелось порвать москитную сетку, выпрыгнуть в окно, добраться до Ка-29, завести его и улететь. Но потом сделать круг и обязательно вернуться, как волшебник, с ящиком эскимо.

* * *

Из душа донеслось последнее ликующее: «буи-ди-пи-ди!», вода перестала шуметь, и в комнату заглянула голова в намотанном полотенце.

— Вася, я голову тоже помыла. Жарко. Я тебе подушку не намочу волосами? У тебя фен есть?

— Откуда у меня фен? — вяло ответил Вася. — Я даже пока не знаю где здесь шамаль берут.

— Дурак, — фыркнула Бьют из-под сползающего на лоб полотенца. — Я не по наркоте. Я про другой фен, чтобы волосы просушить.

Вася вздохнул, поднялся с постели, стащил полотенце с головы Бьют и прижал к себе прохладное после душа тело, зарылся в мокрые, пахнущие мужским шампунем волосы. «А что тут делать?» — подумал Вася: «Если гол на второй минуте? Надо дальше играть»

— Ты как хочешь сначала? Я — сверху, — похоже, Бьют совершенно не интересовали ответы на вопросы. Она с разбегу шлепнулась задом в постель, тут же подскочила и взвыла.

— Что это?

— Ноутбук, — грустно ответил счастливый Вася. — Был.

* * *

Первое «сверху» Вася почти не запомнил. Ну, сочинение на эту тему написать бы не смог. Бьют легко поегозила над ним, поймала ладошкой член, обнажила головку, направила в себя и задвигалась, ровно дыша и прикрыв глаза. «Ай», — говорила она негромко, «ай... ай... ай...». От этого «ай» Вася чуть не выплеснулся на второй минуте, придержал Бьют за попу, чтобы отдышаться, и постарался думать об албанской музыке. Бьют поняла его движение по-своему, и изменила рисунок, плавно насаживаясь на Васю, упираясь руками ему в плечи, и слегка перегибая лобком Васин член у основания при обратном движении. Вася то и дело притормаживал девушку, потому что размышления об албанской музыке помогали слабо.

Потом Бьют зачастила, «ай» поменяла на «ой», каждый раз беря нотой выше, и внезапно замерла, сжавшись вокруг Васи. Терять уже было нечего, Вася замычал, и резко толкнул девчонку от себя. Она неожиданно уперлась, склещила ноги и уцепилась за его плечи.

— Туда, конечно, — выдохнула. — Ты что, дурак? Контрацепция же у всех, — и тут Вася саданул по Бьют, как линкор «Айова», всем бортом, при каждом залпе сотрясаясь корпусом и проседая в воду на днище выше ватерлинии.

* * *

— Ай...ничегосенько... — сказала Бьют, расслабленно легла сверху на Васю, разбросала руки-ноги и прерывисто вздохнула. — Вот ты выдал, я чуть не лопнула. Ну какой смысл вытаскивать, половину удовольствия терять? А что, ты при свете спишь? Темноты боишься? Или смотреть любишь.

— У меня с глазами проблема, — буркнул Вася из-под ее подмышки. — В темноте плохо вижу.

— Бе-е-едненький, — пропела Бьют и поцеловала Васю сначала в один глаз, потом в другой. Вася тут же поймал рысью мордашку обеими руками и влип в губы. Бьют посопела, затем отстранилась.

— Так не делают, — авторитетно сказала она. — Проститутки на работе не целуются с клиентами в губы. По-моему, это все уже знают, даже дети.

— Во-первых, ты не на работе. Я же тебе не плачу. Во-вторых, меньше надо дурного кино с Джулией Робертс смотреть. В-третьих, если уж ты проститутка на работе, то для тебя желание клиента закон, — ответил Вася, не заботясь о логической связности пунктов. — Ты куда без штанов опять собралась?

— В душ. Сейчас приду. — из душа опять донеслись хиты былых годов, на этот раз Вася прослушал «Бэби, иф ю гив ит ту ми» в исполнении сразу целого дуэта Мерайи Керри и Баста Раймс, на два голоса.

* * *

— Ты что, все песни на иностранных языках знаешь? Да ты полиглотка, — хмыкнул Вася, встречая звезду эстрады, вытирающуюся Васиным полотенцем.

— Какая еще «полуглотка»? — обиделась Бьют, хотела опять плюхнуться в постель с разбегу, но остановилась, и пошарила рукой — не притаились ли там снова коварные ноутбуки? — Вот сейчас ты увидишь, какая я «полу», — и полезла под простыню. Вася хотел остановить ее, но не успел, и вздрогнул. Потом еще раз. Потом содрогнулся.

— Понял, дурак? — сказала Бьют, высунувшись из-под простыни. — Вот так. И я, кстати, побольше твоего видела. Но твой тоже хорошенький. Смотри, а вот такое знаешь? — нырнула обратно, — Только рукой за голову не бери, ты мне мешаешь, — невнятно прозвучало оттуда. — Лучше я сама.

Прозвучало это настолько необходимо, что Вася заулыбался, забросил руки за голову и задышал чаще. — Не-не, стой, не так, — из-под простыни появилась попка-трамплин и двинулась навстречу Васе. Вася приподнялся, выпростался, встал сзади и потянул ее на себя. «Са-а-ашка», — и замер. На него злобно сверкнули рысьи глаза.

— А вот этого не надо, — свирепо сказала Саша из Пятигорска. — Лучше тогда в губы целуй. Хаши тебе сказал, да? Вот, блядь... учти: лично я ничего не говорила, — и полезла с кровати.

Вася подхватил ее под тощий животик и бедро, вернул на место, согнулся, чмокнул гладкую ягодицу, осторожно отвел шелковую на ощупь ляжку в сторону, нашел пальцем жаркую серединку.

— Бьют. Конечно же. Извини, маленькая. Я больше никогда так не буду

* * *

Вася разлепил глаза. Перед его носом лежала розовая пятка, гладкая подошва стопы и пять пальчиков, один другого меньше. Бьют червячком уползла от жары на другую сторону кровати, скомкав и запихав себе под голову свое гигантское махровое полотенце, отобрав у Васи простыню, и сопела по ту сторону, забросив на Васю ноги.

Вася, приподняв простыню, какое-то время, как пионер в бане, рассматривал ее попку, затем осторожно пощекотал белую подошву. Нога раздраженно дернулась. Тогда Вася аккуратно подтянул к себе ножку и несильно прикусил мизинец на ноге. И тут же получил ногой в лоб.

Вася окончательно проснулся, сел на кровати. Бьют тоже завозилась, подняла заспанную мордочку в путанке волос, зевнула на все тридцать два, мелких и белоснежных.

— Сколько время?

— Не «сколько время», а «который час», — наставительно сказал Вася. — Сколько тебе нужно?

— Чем меньше, тем лучше, — сонно ответила Бьют, опять воткнувшись в свое полотенце. — Три часа ночи подходит. В понедельник.

Вася осторожно снял с себя ее ноги, положил рядом на постель, слез с кровати, подошел к столу. Поелозил пальцем по тапчаду, будя чудом выживший ноутбук, затем защелкал по клавиатуре, проверяя почту. Не удержался, обернулся, посмотрел на дрыхнущую Бьют. Трахнуть ее захотелось невероятно. Вася поколебался, присел на кровать и погладил девушку по спине.

— Тебе из столовой что-нибудь принести?

— Угу, — буркнула Бьют, не понимая головы. — Воды. Ведро.

Вася ухмыльнулся, достал из холодильника сразу вспотевшую бутылку «Бон Аквы», зашипевшую свернутой крышкой, поставил ее возле кровати. Натянул на себя шорты и майку.

— Я тебе пожрать принесу. Вода рядом стоит. Полтора литра. В холодильнике еще есть, только не лопни. Я пошел.

Бьют, не поднимая головы, напутственно помахала розовой пяткой из-под простыни, и блаженно засопела в махровое полотенце.

Вася вышел из квадрата гостевого домика, жмурясь под ненормальным олбанским солнцем, и тут административно-хозяйственное цунами в виде завхоза Мирчи с Костиком слизнуло его с блаженной отмени и понесло, завертело по городку, как слабого пловца в океане.

* * *

Когда он перед обедом вернулся с пакетом еды к себе в номер, Бьют уже не было, а на столе лежала записка, написанная на чистейшем олбанском, с феерической грамматикой и пунктуацией. В записке высочайше сообщалось, что Шорты и Майка из Васиного Чимадана временно изъяты, потому что Хаши не разрешает бегать без Штонов по Двару.

Вася сел за стол и горестно задумался



149823.--Васино счастье парт оне-2 (строжайше 18+++)

2.3. Васино счастье (парт тво, исключительно 18+++)

17 Апреля 2017

id:lj:149830

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ ВАСЯ РАБОТАЕТ И КУЛЬТУРНО ОТДЫХАЕТ

Через два месяца Вася совершенно влился в незамысловатый ход жизни «металлобазы». Слава богу, по-русски или по-английски более-менее говорили почти все, кроме угрюмых тонтон-макутов с периметра.

Он прослушал вводный курс лекций от вернувшегося из командировки начальника охраны Османа, который разъяснил ему, что весь постоянный персонал базы вооружен, а пистолет в оперативной кобуре заменяет бейдж. Что в шортах ходят только пиздюки. Что охрана на выезде прекрасно знает, как по-русски пишется слово «хуй», поэтому подписываться в регистрационной книге так больше не надо.

Он посетил оружейку Арвидаса, где презрительно отказался от пластикового «глока», долго копался в железе и с детской радостью выбрал «вальтер» РРК, («как у Джеймса Бонда, уау!»), получил два пустых магазина и коробку патронов, которые в тот же день расстрелял на полигоне за забором. Научился регулярно канючить у Арвидаса еще патроны, показывая ему взамен на ноутбуке, как бы интересуясь его мнением, свои свежие работы с привозными девками, которые суровый литовский католик смотрел одним глазом, старательно делая вид, что ему не интересно.

Проспорил двадцать щелбанов заместителю Османа Бекиму, стреляя по бутылкам на полигоне. После чего, гнусной лестью втерся к Бекиму в доверие, и начал упражняться в стрельбе вместе с ним. Беким стрелял как биоробот, и Вася тешил себя коварными планами, представляя, как утрет в тире нос злобному Егорову.

Используя язык жестов и алкоголь, свел короткое знакомство с завхозом Мирчей, который дал ему посидеть в кабине «Камова», предназначенному на продажу в такие далекие и маленькие страны, которые Вася не нашел бы на карте даже с помощью лупы, а потом расщедрился для Васи на мотоцикл со склада.

Наловчился ездить на этом мотоцикле в ближайший поселок с блэкджеком и шлюхами, находящийся в семи километрах от базы. Несколько раз сгонял во Влеру, поваляться на пляже, потолкаться в клубах, а один раз даже в Дуррес, где качественно подрался с толстыми немецкими туристами и отсидел ночь в участке, пока утром за ним не приехал похмельный и злой Беким.

Совершил визит к почтеннейшему ходже Хаши, пил на веранде, обдуваемой бризом, вино какого-то мохнатейшего года, обсуждал со старшим сыном Хаши, Ибрагимом, турнирную таблицу английского футбола, и качал на ноге первенца Ибрагима — Хаши-Бэххема.

Сам Хаши наезжал раз в неделю, просматривал отобранные материалы, одобрительно хмыкал и говорил, что Вася талант и далеко пойдет. Вася млел от комплиментов, а Хаши горько жаловался на жизнь. Чертов бизнес, говорил Хаши, как можно так работать? Вот, сейчас есть спрос на беременных малолеток. Для, него, Хаши, это не проблема, он готов поставлять их батальонами, да хоть на месте производить. Но товар-то скоропортящийся! Они же, сучки такие, рожают в итоге! И куда это все потом девать? Хорошо, говорил Хаши, работать со слонихами, они два года беременные ходят. Но на слоних спроса нет. Вася соглашался и сочувственно качал головой.

И даже очаровал повара и официантку местной столовой, после чего мощная румынка Стэлла перестала сыпать «маленькому Василэ» лошадиные дозы местных адских приправ в еду. А один раз даже сварила для него в отдельной маленькой кастрюльке пельмени.

* * *

А вот счастья в жизни не было.

Девочек на базу привозили и увозили автобусом примерно раз в неделю, постоянно здесь жили только три девицы. Серебристая Кэрри из Луганска, восточная красавица Зулейка из Таллина и Бьют. Чем занимались первые две, Вася догадывался смутно, хотя особо и не интересовался.

Бьют же жила, как домашняя кошка, валандаясь где угодно. Хаши, когда приезжал, рассеянно чесал ее за ухом, Мирча и Беким откровенно подкармливали, Осман старался не наступить ей на хвост, поскольку Бьют была из тех кошек, которые постоянно стараются заснуть именно в том кресле, в которое ты соби-рался сесть. Большую часть дня она мокла в бассейне, во дворе офиса Хаши, или курила с кладовщиками, откуда то и дело доносились раскаты громового хохота. Потом приезжали фуры «не-пойми-с-чем», кладовщики расползались по местам, а Бьют снова шла киснуть в бассейне или дрыхнуть в шезлонге.

Зная со слов Егорова о крайнем прагматизме Хаши, который не допустит, чтобы покупная шлюха в хозяйстве без дела простаивала, Вася немало дивился этому факту, но потом решил воспринимать жизнь такой, как она есть.

После той ночи Бьют заходила еще четыре раза, устраивая Васе выбросы адреналина, а один раз устроила двойной выброс, припершись пьяной вдрызг. Закатила Васе истерику, облевала пол и уснула, пока он ползал с тряпкой. Утром проснулась злобная с похмелья и выебала Васю со страшной силой, показав такой уровень техники и артистичности, что Вася долго тряс головой в задумчивости, и всерьез решил скачать из интернета инструкцию по управлению вертолетом Ка-29.

Злопамятный Вася отомстил за ночную уборку тем, что включил камеру на запись, зафиксировав это утреннее рысье беснование на видео, и потом часто пересматривал его тоскливыми вечерами, разминая член.

Затем ему в голову пришла хорошая идея, он сделал из этого безумного гонзо видеонарезку, закольцевав и ускорив самые шикарные моменты, и наложив поверх музыка «Арам-Зам-Зам». Получился психоделический порношедевр. Вася с гордостью показал его Бьют, а потом долго убежал от нее по территории «металлобазы», петляя между блоками, и отсиживался в оружейке у Арвидаса, выслушивая от него нравочительные проповеди.

* * *

Перекосилось все после приват-пати в клубе, где-то недели две назад.

Вася уже дважды выезжал на такую сверхурочную работу, которая неплохо оплачивалась. Как рассказывал Егоров, Хаши часто устраивал подобные вечеринки. То есть, не сам лично — по таким местам он не ходил. Занимался всем Осман, иногда другие люди, не знакомые Васе. Наслушавшись страшноватых рассказов Егорова, Вася сначала напрягался, но все оказалось обыкновенными оргиями с адалт-шоу, наркотиками, беспорядочной еблей и скаканием из одной приватной комнаты в другую, а иногда и банальным групповым поревом, не отходя от барной стойки. Диковинного в этом не было ничего.

Существовало нерушимое правило — гости могут делать все, что угодно, но не снимать. Мало ли что они там наснимают. А, поскольку деньги уплачены, и все, что мы унесем с собой в могилу — это

воспоминания, снимал за всех Вася. Потом гость мог забрать файл, как есть, или же попросить забить его лицо пикселями. Или вообще вместо забивания пикселей забить на это хуй — как и происходило в большинстве случаев. После чего Вася исходник уничтожал. Это было железное правило, вернее второй подпункт Правила Номер Три — не наебывать Хаши. Клиентов, которые гости Хаши, тоже нельзя было наебывать. По крайней мере, без разрешения самого ходжи.

В загородный клуб возле Преспанского озера Васю отвез старый знакомый Алик, сделавший стремительную карьеру от погонщика «фиата» до почтенного управляющего бусиком «Транспортер» с правом проезда за шлагбаум. Васе он искренне обрадовался, но несколько раз по дороге тянулся к магнитоле, намереваясь включить свою албанскую музыкальную инквизицию, напарывался на стальной взгляд Васи и отдергивал руку. Затем, все-таки не выдержал дорожной тоски, и сам тихонько завыл под усы что-то свадебно-погребальное, тревожно поглядывая на Васю. Вася обреченно вздохнул и уткнулся лицом в ладонь. Посидел так минуту, вытянулся на сидении, и сам стал подвывать вторым голосом. Чего уж там.

* * *

Приехали. Вася вытащил камеру, двинулся в центральный зал клуба, взглядом наследного принца отогнав охранника. Осмотрел зал и приват-румы, проверил аккумуляторы, поставил запасные на подзарядку, и двинулся в бар, кормить себя и Алика. В баре на плохом английском сообщили, что кухня только разогревается, предложили яичницу с беконом, оливки и коньяк. Вася покрутил носом, поменял в заказе коньяк на водку и запретил сыпать в яичницу что либо, кроме соли. Затем они уселись за стойку и начали поедать яичницу.

Вскоре приехал автобус с артистками. Девки всыпались в зал — почти все незнакомые. Из них Вася знал только знойную дочь Востока таллиннскую Зулейку, двух близняшек из Влеры (то есть, не из Влеры, конечно, из влерского борделя — а так, вообще-то, из самой Москвы), и... из-за спин высунулась Бьют, невинно хлопая глазами.

— Вот бля, — сказал черным голосом Вася, и повернулся к яичнице. Мир как-то сузился и потемнел. Хотя, собственно, что тут такого? — спросила мудрая крыса у Васи в голове, впервые заговорив человеческим голосом. — А что ты думал? Все работают, Вася. И тебе надо работать. Какого хуя ты решил, что в сказку попал?

— Какого хуя? — громко спросил Вася и грохнул по стойке кулаком. Все обернулись к нему. — Я же просил ничего в яичницу, кроме соли, не сыпать. Вот это — это что за хуйня такая? Вот эта, красная? Вы чо, блядь, до язвы меня довести хотите? — в баре виновато пожали плечами, что-то ответили на секретном албанском, цапнули тарелку и утащили. Вася вздохнул и пошел смотреть свои аккумуляторы.

* * *

Вечеринка удалась на славу, то есть, как обычно, через жопу. Во всех смыслах. Какая-то новенькая, с серебряным париком на голове и выкрашенным в серебро лобком, затискивала в таллиннскую Зулейку искусственный член, размерами напоминающий о транзите газа в Европу. Зулейка при этом закатывала глаза и фальшиво хрипела «дипер, дипер... блядь, Танька, осторожнее, не дергай так». Близняшки из Влеры устроились задницами друг к другу на барной стойке, с двусторонним силиконовым дилдо, и играли в «зеркало». Вокруг них собралась компания, свистом и аплодисментами поддерживающие старания. Затем визжащих близняшек стащили со стойки, попутно обливая алкоголем, подтянули столик, положили одну на другую, и заменили синтетику между ног на натуральный продукт. Опять раздались аплодисменты. Несомненно, «блонди твинз» пользовались сегодня успехом. Остальных шлюх почти всех поразбирали по приватам, нескольких мяли за угловыми столиками.

Вася бродил по залу с камерой, позыркивая на балкончик, где Бьют расположилась на коленях у чернокожего турецкого офицера, что-то рассказывая ему на ухо и размахивая руками. Время от времени офицер светил в улыбке белыми зубами на черной морде. Что она могла рассказывать, с ее языковыми способностями, для Васи оставалось тайной. Затем Бьют скользнула вниз, к ногам офицера, и завозилась с его ширинкой.

«Вообще охуели», — мрачно подумал Вася: «Они уже прямо в форме на блядки приезжают, культуртрегеры ебаные. Или это понт специальный такой — показать, как они всех на хую вертели?»

Вася вскинул камеру, навел ее на Бьют и надавил на кнопку зума. Бьют с негром прыжком приблизились к нему и размазались по кадру, а когда они собрались в кучу и обрели резкость, Вася увидел тот самый, бесподобный минет, после которого грустил длинными одинокими вечерами, наминая член возле ноутбука.

Русо-снежная головка Бьют качалась над спущенными штанами, плотно охватив черный ствол губами, запуская его по самое... — Тихо, Вася, сказала крыса, успокойся, Вася. Делай свое дело, или бери билет обратно в Кривой Рог. Я тоже хочу домой, не ты один такой.

Вася влип глазом в видеоискатель. Бьют время от времени выпускала черный хуй изо рта, смотрела на негра снизу вверх и что-то, льстиво улыбаясь, говорила ему. Негр в звании полковника тоже лыбился в ответ. Вот, сука, а мне она в глаза никогда не смотрит, когда сосет, сказал Вася своей криворожской крысе. Та не ответила. Убежала в свою норку, наверное.

* * *

Кто-то тяжело положил Васе руку на плечо. Вася от неожиданности вздрогнул и опустил камеру. Перед ним стоял голландец, один из двух в штатском, сидевших за боковым столиком и тянувших бесконечное пиво, которых Вася сразу окрестил «сержантами». Потому что сержантские морды Вася распознавал как Ломброзо преступника по черепу — хоть в Санта-Клауса его переодень. Блядями они не интересовались. Или пидоры, как заведено в Стране Тюльпанов, или сержантам в присутствии полковника не положено блядями интересоваться. Инструкторы, или ОБСЕ.

— Прекратите съемку и отдайте кассету, — на английском, с акцентом, сказал сержант.

— Что? — спросил обалдевший Вася. — Какую кассету?

— На которую вы ведете съемку. Снимать этого человека запрещено.

— В камере нет кассеты, идиот. Кассеты в твоём детстве остались.

— Тогда я должен изъять камеру.

— Это камера заведения, я здесь работаю, — выразительно сказал Вася сержанту, как слабоумному ребенку. — И стоит она больше, чем твое жалование за пять лет. Тебя же ознакомили с правилами, когда давали приглашение? Или нет?

Сержант напрягся, и положил руку на кобуру, наполовину прикрытую рубашкой навывпуск. «Простите, сэр. Это не обсуждается»

— Ага, — сказал Вася. — Понятно. Хорошо. Только не здесь. Скандал будет. Ты же понимаешь, где мы находимся? Ты понимаешь, что ты за границей? Идем, выйдем, просмотришь, что там снято, и я отдам тебе камеру, если что-то не так. Только комнаты все до одной сейчас заняты, там ебутся. Идем на улицу.

Сержант кивнул сначала Васе, потом своему напарнику, протянул руку, словно у себя дома, приглашая пройти вперед. «Ах ты, пидор» — подумал Вася, и покорно зашагал на выход. Выйдя на крыльцо заведения, Вася спустился по ступенькам и двинулся вдоль стены за угол. «Сэр?» — позвал его сержант.

— Здесь слишком светло, — Вася показал на освещение над входом. — Экран маленький и жидкокристаллический. Он будет бликовать, мы ничего не увидим. Надо отойти в тень. — Голландский сержант кивнул и двинулся за Васей. «Непуганая сволочь», — подумал Вася: «Царь природы».

Он поставил камеру на землю и нагнулся над ней, откидывая панель монитора и нажимая на сенсоры. Сержант подошел и тоже заинтересованно наклонился. Вася резко разогнулся всем телом, раскручивая корпус, и, как катапульта, зарядил тупому сержанту кулаком снизу в челюсть.

* * *

Получилось не по-егоровски, конечно, тут талант от бога нужен, чтобы бить как Егоров, но тоже неплохо. Сержант откинул голову, сделал два шага назад, и сел на жопу. Вася потряс отбитой рукой, затем примерился, и крепко пробил ногой по голландской голове, как Марк ван Бастен по футбольному мячу.

Хозяин головы лег на бок, завозился, но крепкая голландская голова выдержала и это, сержант полез рукой нашаривать пистолет. Вася спокойно отвел руку голландца, положил ее на дорожку водослива, ведущую вокруг здания, и впечатал ее каблуком в бетон, кроша хрупкие кости пясти. На этот раз дошло, сержант взвыл.

Вася вытащил у него из кобуры пистолет, сунул себе за ремень. Обыскал карманы, достал оттуда пластиковую карточку, оборвал цепочку, тоже забрал. Затем, подтягивая за шиворот, помог голландцу подняться на ноги.

— Ты, мать твою, знаешь куда пришел? Это что тебе, амстердамский гей-клуб? Какого хуя ты незнакомых мужиков лапаешь, пидор? Дружка своего лапай, — в Васиной крови бушевала ненависть чистой воды, высочайшей пробы, хоть кольцо всевластия из нее отливай. Проклятая Турция уже аннексировала его Бьют, установила у нее во рту диктатуру «черных полковников» а Голландия пыталась теперь отнять последнее святое, что у Васи оставалось — его камеру.

— Ты, дерьма кусок, ты знаешь, что в этой стране есть места, из которых можно не вернуться? — Сержант мутно смотрел на Васю, судя по всему, привыкая к новому формату головы

— Ты что, воин ебанный, решил, что тут, как у себя на базе? Ты пересек границу, приперся незванным гостем к бандитам, и решил порядки наводить? Говорить — куда кому идти, и забирать что угодно? Ты, мать твою, кто такой? Спорим, что ты сержант? А я прапорщик, фендрик по-вашему. Тебя учили на твоих трехдневных курсах, мать его, нструкторов, честь старшим по званию отдавать?

Воин бессмысленно водил глазами, потом решил на финальную битву и открыл рот, чтобы заорать. Вася плотно зажал его нос между ключами от своей комнаты и металлический биркой с номером, качнулся назад, и мощно врезал лбом в переносицу, отрывая хрящ носа от основания. Сержант глухо тукнул затылком об стену и уютно лег в водосток.

Вася наклонился, проверил работу, затем встал, достал из-за пояса конфискованный пистолет, рассмотрел. «ЗИГ-Зауэр», ай-яй-яй, с работы, небось, прихватил в личных целях. Снял его с предохранителя и два раза выстрелил в воздух. Потом подумал, и выстрелил еще два раза.

* * *

Первый охранник выломился из дверей, выдергивая «глок» из кобуры. Еще двое бежали от беседки возле въезда в комплекс. Добежали и застыли, с ужасом глядя на Васю с пистолетом, и на лежащее под стеной тело в рубашке, обильно залитой спереди кровью.

— Живой, живой, не ссыте. — Вася успокаивающе помахал «зауэром». — Ты, быстро Османа сюда. Если на бабе — с бабы снимай. Хватит ебаться, работать надо. Вы — посмотрите, чтобы не уполз. Хотя это вряд ли, но головы у них крепкие, блядь, кто их знает. — Вася облизал разбитые костяшки пальцев.

* * *

— Вася, ты уже совсем берега теряешь, — сказал Осман, сидя за столом в комнате администратора клуба. Из-за стены, из зала глухо доносилась музыка. — Это гости и клиенты Хаши.

— Нет, это ты нюх теряешь, Осман. Гость Хаши только один — полковник Рушди. Я проверил по списку. А эти двое — не гости Хаши. Это хуй знает кто, которых твой полковник сюда привел. Почему он весь свой полк сюда не привел?

— Это не твое дело, Вася, — ровно ответил Осман.

— Конечно, это твое дело, которое ты проебал. Потому что даже я здесь без оружия. Я его сдал. Как положено. Мое дело кино снимать, а не думать — почему двое вооруженных ходят по залу, как полицаи, и наводят свои порядки. Кстати, как они сюда попали? У тебя что, личный проход через границу в мандатные зоны, или они на дельтапланах прилетают?

— Это не твое дело, — так же ровно повторил Осман. Вася вздохнул.

— Хорошо, — он выщелкнул из камеры карту памяти, подошел ко второму, относительно целому сержанту, сидящему рядом на стуле, с руками в наручниках за спиной, и опустил карточку ему в нагрудный карман. Сержант вздрогнул, и сжался.

— Хорошо, — устало повторил Вася. — Значит так. Непонятно кто, непонятно как попавший в закрытый клуб Хаши, угрожая мне оружием, пытается отобрать камеру с видеоматериалами, которые я готовлю для того же Хаши. Что там может быть — предлагаю тебе пофантазировать самому. Уверяю тебя, там очень разное, в том числе. В это время, начальник охраны яростно ебет потомственную негритянку Томку из Рязани в приват-руме, забив хуй на свои прямые обязанности. А после того, как я, голыми руками, защищаю хозяйское добро от вооруженного «не пойми кого», начальник охраны, застегнув штаны, сообщает, что это не мое дело. Я тебя понял, Осман. Я поехал на базу. Карточку, считай, ты передал по адресу. Не буду же я с вами драться, вас много, а я один. Бывай здоров, Осман. Боюсь только, что ненадолго.

Осман изменился в лице. Рывком поднялся, уцепил зажмурившегося сержанта за ворот, подтащил к себе, выудил карту памяти у него из кармана. И положил на стол.

— Вася, не гони. Забери карточку. Просто накладка вышла.

— Накладка вышла у тебя. А берега, значит, потерял я. Осман, ты никакого противоречия в этом не видишь? — крыса в голове Васи выглянула из норки и согласно покивала головой. — Я ждал, как минимум, благодарности, за то, что выполняю твою работу. Ладно, напиши Хаши докладную, чтобы я написал объяснительную. Все, я устал. На сегодня съемка закончена. Алик меня отвезет.

Осман молча стоял, мрачно глядя в стол. Вася стоял у дверей, мрачно глядя в пол. Сержант панически переводил взгляд с одного на другого, не понимая ничего — ни разговора, ни почему так страшно перекопился простой и понятный до этого мир, и что вообще происходит в этой комнате. Затем Осман вздохнул, подошел к Васе и дружески взял его за плечо.

— Ладно, Вася, проехали. Вечеринку, вообще-то, готовил филиал из Корчи, так что я тут тоже, по большому счету, гость. Хотя с себя вины не снимаю. Все, кому положено, пиздюлей получают. Кому надо — спасибо скажут. Забери карточку и камеру, пожалуйста. Давай не будем разгонять ситуацию. Насчет благодарности — будет. Все, забыли. Ладно?

— Карточку я заберу, а камеру в бусик пусть отнесут. Я поссать схожу — капризно буркнул Вася и двинулся в коридор. Крыса высунула нос и скептически покачала головой — нет, не забудет ничего Осман. Не такой он человек.

* * *

Вася прошел к туалетам, подергал одну дверь — закрыто. Дернул вторую, и дверь открылась.

Черный полковник Рушди спустив штаны до щиколоток, сидел на унитазе, и с усилием натягивал на член задницу Бьют. Девушка, закатив до белков глаза, сидела верхом на полковнике, лицом к двери, хрипела, и яростно натирала себе пальцами клитор под белобрысым пушком на лобке, мотая русо-снежными волосами и приподнимаясь на цыпочки босых ног, когда уж совсем приходилось в попу не по размеру. Туфли лежали возле унитаза, кружевные трусики висели на одной ножке. Полковник, казалось, спал, только сжимал руки на боках Бьют, плавно двигал тазом навстречу девушке и иногда говорил: «м-м-м». Затем открыл глаза и посмотрел на Васю.

— Чего вылупился, еб твою мать? Видишь, занято. Вон пошел.

Карьеру свою полковник явно начинал с самых низов.

— Ебаться в приватах надо. А в туалете надо ссать, — сумрачно сказал Вася. Картинка была настолько впечатляющей, что ничего умнее Вася придумать не смог. — Вот сейчас поспею прямо на вас. В Турци что, не учат, зачем сортир нужен? А еще Европа, называется.

— На улице посышь, мудака. Давай, вали отсюда. Или я сейчас с ней закончу и тебе тоже жопу порву. Пробовал когда-нибудь толстый черный член?

Вася сокрушенно покачал головой, вытащил из-за спины конфискованный у недотепы-сержанта «зауэр» и направил его в лоб турецкому. Полковник широко раскрыл глаза, белые на черном, и замер.

— Ай... — сказала знакомым голосом Бьют. — Ай... ай... ай... Вася тщательно прицелился в белый глаз, и спустил курок. Пистолет звонко лязгнул.

Полковник рванулся назад, чуть не расколотив локтем сливной бачок, и заорал как резаный. Судя по всему, эрекция у янычара пропала, потому что Бьют сползла с него на пол уборной, кое как встала, цепляясь за стену и Васю, и, заплетаясь в трусах, пошатываясь, пошла в коридор. Пьяна она была феерически. Вася

притормозил девушку, окончательно стащил с нее трусики, зачихал их к себе в карман, одернул платье на ягодицах и отправил восвояси. Первый этаж, не убьется. Затем вернулся к господину Рушди.

* * *

— Лови, — сказал Вася, кинул пистолет полковнику, тот не успел свести колени, и пистолет булькнул в унитаз. — Доставай, давай, обезьяна черножопая. Это же казенное имуществоголландской королевы. Полковник смотрел на Васю сметанными глазами, как на всадника Апокалипсиса. Вася опять сокрушенно покачал головой и вытащил свой «вальтер» РРК.

— Смотри. Вот это — мой. Он заряжен. Вон тот, что в очке лежит — это твоего холуя, которого ты привел вооруженным в закрытый клуб. Нелегально перейдя границу, кстати. Доставай, пистолет, доставай... Ты понимаешь — что произошло? Холуй, которого ты привел без приглашения, устроил дебош в очень непростом заведении. Угрожал сотрудникам тем самым пистолетом, который ты сейчас ловишь в унитазе. Холуя твоего уже увезли в госпиталь. А вот куда увезут тебя? — Вася почесал стволом «вальтера» переносицу. — Ты же понимаешь, что здесь не пидорский голландский клуб, куда пускают любых обезьян, и они там творят что хотят? Понимаешь ведь, что это маленькая консервативная страна, в которой традиции ценятся, а уважение к правилам обязательно? — полковник кивнул головой

— Ты чего мне киваешь, обезьяна ебаная. Сказать словами можешь?

— Понимаю, — сказал полковник.

— Что ты понимаешь?

— Что ценятся традиции и обязательно уважение к правилам.

— Хорошо, — обстоятельно сказал Вася. — Это хорошо. Кстати, ты не обижаешься на неполиткорректность, и все такое? — Вася покрутил пистолетом в воздухе. Полковник отрицательно помахал головой. — Хули ты опять мне головой машешь? Тебя же в твоём питомнике учили разговаривать по-человечески?

— Не обижаюсь на неполиткорректность. — хрипло сказал полковник Рушди.

— И это тоже хорошо. Потому что лично я не против турков. Я против таких мудаков как ты, которые постоянно поминают вслух свой «толстый черный член». Я разве спрашивал — какого у тебя цвета член? Кстати, ты с девушкой рассчитался? — уже не черный, а серый полковник, сидя на унитазе с мокрым пистолетом в руках отрицательно покачал головой, и тут же опомнился: «Нет, не рассчитался». — Сколько ты должен?

— Триста евро за всех, — полковник полез за бумажником в карман спущенных штанов, долго копался, наконец, достал его, раскрыл. Вася кое-что пометил у себя в голове, а крыса шевельнула хвостом.

— Дай сюда. Триста — это классика. В жопу — двойная цена. — Вася отсчитал деньги, затем бумажник тоже булькнул в унитаз между коленей офицера. — Кстати, покажи хуй, пожалуйста.

Полковник ошеломленно посмотрел на Васю, тот повторил вежливую просьбу, подняв пистолет. Полковник неуклюже приподнялся над унитазом. Вася подвигал черный сморщенный член стволом «вальтера» туда-сюда, хмыкнул.

— А рассказов-то! Прощайте, хер. Желаю вам благополучно добраться до дома.

Вася вышел в коридор, затем внезапно остановился, вернулся в туалет, офицер снова вжался в сливной бачок. Вася подобрал с пола туфли Бьют. Улыбнулся, подмигнул полковнику.

— Золушка на этот раз обе потеряла.

* * *

Ехали молча. Бьют храпела сзади на сидении, Вася смотрел на сереющее рассветное небо, затем тихонько завел «Чому розплетена коса». Допел, начал «Ой, чий то кинь стоить», потом «Ой, у гаю при Дунаю».

— Хорошие у русских песни, — вздохнул Алик. — Только грустные

— Это потому что бабы у нас бляди, Алик. Ну, не все, конечно. В, основном красивые и хорошие. Просто жизнь у них такая.



149830.--Васино счастье (парт тво, исключительно 18+++)

2.4. Васино счастье (парт три, совершенно 21+)

17 Апреля 2017

id:lj:149832

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ ВАСЯ ЛЕТАЕТ НА ВЕРТОЛЕТЕ

Осман вернулся на «металлобазу» к обеду, привез сонную Зулейку и похмельных близняшек из Влеры, сдал близняшек в блок, назначив им день и время съемки у Васи. Судя по всему, шли они комплектом, одним лотом. А напоролся Вася на Османа в столовой, где тот хлебал харчо из тарелки.

Вася матюкнулся про себя, попытался проскользнуть незаметно, но Осман заметил его и приветственно помахал рукой — садись, мол, рядом. Вася показал на окошко раздачи, заставил поднос тарелками и сел напротив Османа.

— Как доехал? — миролюбиво поинтересовался Осман, дуя на ложку.

— Нормально, — мрачно ответил Вася. — Пробок не было.

— Ты, если баб увозишь, сообщай мне хотя бы. Мы ее обыскались. Надо же, приехало по списку пятнадцать, а уехало четырнадцать. — Осман ухмыльнулся и отправил ложку в рот. — Мы чуть ли не по кустам ее искали, после того как все кровати и сортиры проверили. Одной не хватает, хоть тресни.

Коварная Васина крыса подозрительно сощурилась и нервно дернула хвостом.

— Я на нее наступил нечаянно, когда выходил, — с честным лицом сказал Вася. — Бухая в дрова лежала. Обрыгалась вся. Я и подобрал, чтобы зря не валялась.

— Не надо было подбирать. Она на работе. Может, кому-то такая бухая и нужна. Может кто-то из гостей любит бесчувственные тела ебать, удовольствие от этого получает. Он ей жопу рвет, а она только глаза таращит и мычит. — Осман выжидательно посмотрел на Васю. — Гости разное любят. И странное тоже. Если бы мы подумали, что она сбежала — подняли бы тревогу по всей стране. Нехорошо людей зря беспокоить. Больше так не делай. Если не знаешь, можно или нет — лучше спрашивай. Где она сейчас?

Вася пожал плечами: «Дрыхнет, наверное».

— Хорошо. — Осман облизал ложку и встал из-за стола, подобрав пустую тарелку. — Мы поняли друг друга? — Вася кивнул. Осман двинулся к столику с грязной посудой, потом на выход.

— Ага, список, как же... — пробурчал Вася. — Когда они были, эти списки? — Крыса согласно кивнула. Брехал Осман, ох брехал. И про работу, и про списки. Не послал бы Хаши Бьют в этот бедлам. И Зулейку тоже. Второе правило Хаши Вася хорошо помнил. Охрана девок не трогает.

Вася задумчиво побрел к гостевому блоку, гоня в голове подозрительную крысу. Зашел в прохладу холла гостевого домика, подошел к своей двери, повернул ключ, и...

— Ты как сюда попала, зараза? — спросил Вася. Посмотрел на разодранную противомоскитную сетку на окне. — Ага. Казенное имущество портим. Мирча узнает, по жопе тебе надает.

— Ты, тварь ебаная... — зарычала желтоглазая рысь с пеной на клыках. — Ты какого хуя в мою жизнь лезешь? Дутэ ын пула, ты мне что, папочка, швуль развальцованный?... Может, ты у моей пизды учетчиком встанешь с карандашом своим обгрызенным, каццо висячий...

Вася устало прикрыл глаза. Ругань была бесподобной, а языков Вася насчитал как минимум четыре — общение с кладовщиками явно пошло на пользу Бьют. Потом Васе надоело пятиться по комнате, он приоткрыл один глаз, прикидывая место приложения оплеухи, но передумал — девочку и так часто в жизни били ни за что. Хватит с нее. Сейчас за ухо — и на выход.

Рысь, видимо, о чем-то догадалась, и прыгнула вперед, целясь Васе в глаза. Вася перехватил ей руку, заломил, другой рукой запрокинул за волосы голову назад и бодрым поджопником обозначил направление движения в душ. Там отпустил волосы Бьют, продолжая фиксировать ее руку за спиной, и открутил кран с холодной водой. Приятный в жару дождик полился на головы неразлучных друзей. Не разлей, так сказать, вода.

Рысь взвыла, и Вася мог поклясться, что он нее пошел пар, как от раскаленной плиты. Свободной рукой она пыталась достать Васю через спину, а ногами лягалась, не как кошачье, а как непарнокопытное. Рука — ладно, а вот лягания начали Васю утомлять, и он свободной рукой спустил с Бьют шорты в трусы чуть ниже колен, ограничив подвижность ног («мои же шорты» — с обидой подумал Вася).

Затем добавил напор холодной водички, взял с полочки кусок мыла, покрутил его в ладони под струей, положил обратно и намылил Бьют задницу.

— После негра тебе совсем будет просто. — Ввел палец девушке в зад, подвигал. Получилось не то чтобы и просто, но орать Бьют не стала, а зашипела, и заскребла по кафелю ногтями. — А если два? — Бьют заколотила по кафелю кулаком. Вася улыбнулся. Из школьных иллюзий он вышел давно, и хорошо знал, что изнасиловать женщину стоя, в одиночку, да еще в жопу, можно только в двух случаях. Или избив ее до полусмерти и подавив сопротивление, или... «да уж, оригинальный способ мириться», — подумал Вася: «ох ты и артистка, драмы и комедии...»

Он наступил на спущенные шорты ногой, выдернул из них Бьют и развернул ее к себе лицом, прижав спиной к кафельной стенке. Девчонка скалилась, моргала, сдувала мокрые волосы с глаз и отплевывалась водой.

— Бьютик, ну хватит, — примирительно сказал Вася. — Видишь, мы оба мокнем, но я же все равно тебя не отпущу, пока ты не угомонишься. Будем так до вечера стоять, простудимся и умрем. Похоронят нас рядом, на полигоне, и мы будем перестукиваться через стенку.

Бьют презрительно плюнула Васе в лицо струйкой воды, затем забросила голую ногу ему на поясницу. Вася отпустил руку Бьют, которая тут же начала нашаривать шнурок его спортивных штанов. Затем девушка запрыгнула на Васю уже обеими ногами, подтянувшись его шею и начиная моститься на дикий Васин член. Потом остановилась, тревожно спросила: «Попой?» Вася отрицательно покачал головой: «Пипой». Бьют кивнула мокрой головой, подтянулась немного выше и гладко уселась.

Пристроилась, покрутилась, откинулась на стенку, потянула вверх тазом, изгибая Васин член.

— Теплой воды добавь... Ай... ай... ай... Ой, нет, убавь, это уже горячая! Ой... ой...

* * *

— Мне же деньги нужны, — плаксиво пояснила Бьют, вытирая голову полотенцем. Васиным, естественно. — На обеспечении быть это одно, а деньги это другое. В борделе хоть немного давали, а тут прямо бери пой со шляпой возле КПП.

— Вот твои деньги. — Вася бросил на стол скомканные шестьсот евро. — Первый раз в жизни сутенером поработал. Ради тебя. И в последний, надеюсь.

Бьют цапнула купюры, пересчитала и явно удивилась. Выкатила на Васю рысьи глаза.

— Ого. Здесь на двоих с Зулейкой?

— Нет, все твои. — Вася внимательно следил за поведением Бьют.

— Ничегосеько. Что же я там исполняла? — Бьют виновато улыбнулась. — Понятно, чего ты взъелся. Что-то вообще такое «о-го-го», да? Хорошо хоть я не все помню. А половину кому отдавать? Тебе или Осману?

Есть! Крыса в Васиной голове сторожко встала на задние лапки и повела носом. А ну-ка, еще чуть-чуть...

— Ты, мелкая жадная зараза, — сказал Вася. — Ничего бы ты не получила. Опытном она своим меня удивить решила. Ты раньше в апартаментах через себя пропускала, и там с клиента одерживала фиксировано. А здесь предоплаченная вечеринка для гостей Хаши. А может, и вообще бесплатная. Осман наебал тебя. Это я деньги с негра вытряс. Личным обаянием. А иначе ты бы только даром хуев насосалась.

— Раньше он не наебывал, — обидчиво потянула носом Бьют.

Вот теперь все встало на свои места. И появление левых пассажиров на вечеринке, и странное поведение черного полковника, полезшего без удивления за деньгами. И какого черта Бьют приперлась туда, куда ее не звали. И Осман... ай, да Осман! А ведь молодец, Хаши по таким шалманам не таскается, и это не частная вечеринка, а клубная, гости часто друг друга не знают, а заплатить за одну и ебать всех, приводи друзей в бонус — отличное предложение! «Черные полковники» ведь тоже люди, амстердамские шлюхи все в профсоюзах, попробуй им нагруби. Без презерватива присунь — будешь на адвокатов тратиться. А тут девке хоть жопу со свистом порви.

— Слушай, Бьют, — Вася вздохнул. — Ты доиграешься. Осман не такой человек, чтобы за собой не убрать. И Хаши тебе не поможет. Ты вместе с Османом его наебываешь. Осман выкрутится. Всегда. Если надо — через твой труп. Ты ссыкуха еще с ним в такие игры играть. Третье Правило Хаши знаешь? Самое главное?

— Какое из них? У Хаши много правил, и все главные... а если Осман опять скажет ехать, так что, не ехать?

Вася понял — это бесполезно. Прав был злобный Егоров, каждый идет к своему личному концу. Красивая и блядовитая телеведущая, тупые и жадные братья Тырбу, седой и уставший Каштылян. Злобный и непредсказуемый Егоров. Наглая, хищная и бестолковая рысь с желто-зелеными глазами. И он, Вася, тоже идет к своему концу. Разница только в длине траектории, а больше ни в чем.

— Бьютик, — Вася притянул ее к себе и обнял. — Держись ко мне ближе. Не хочешь со мной ебаться и не надо. Не надо мне одолжение делать. Просто будь рядом. Вообще, перебирайся ко мне. Полотенце свое гулливерское бери. Тогда Осман точно отвянет. Если хочешь, я Костику скажу, он кровати раздвинет.

Осторожная крыса заверещала от ужаса в Васиной голове, и метнулась в угол.

— Зачем тогда перебираться, если он кровати раздвинет? — спросила Бьют, забросила Васе руки за шею, и, закрыв глаза, потянулась к нему губами. Вася потянулся навстречу, и замер, вспомнив черный хуй в этих губах. — Что? — удивилась Бьют, открыв глаза. Вася содрогнулся от отвращения. К самому себе. Мудрая крыса села на хвост, прикрыла лапкой глаза и покачала головой. Блядь, подумал Вася, блядь. До чего же ты, Вася, докатился. Ты что, сразу ничего не знал? Америку открыл? Эх, Вася, Вася... Крыса в отчаянии махнула лапкой, и убралась к себе в норку, закрывшись изнутри на замок.

— Ничего, — ответил Вася, — Все хорошо, Бьютик, — и втянул в себя влажный язык девчонки.

* * *

— Ничего не получится, — задумчиво сказала Бьют, валяясь на кровати и теребя Васин усталый член. — («Еще как получится», — проворчал Вася: «Дай ему отдохнуть немного») — Ой, да я не про это... Перебраться к тебе — это Хаши надо спрашивать. А он не разрешит.

«А он, как раз, разрешит», — подумал Вася: «И тогда мне пиздец. Крючок в губе. Егоров предупредил. И крыса догадалась».

— Ну чего ты его дергаешь? Сама же говорила, что больше, чем мой, видела.

— Видела, — Бьют хихикнула. — Ну и что? Я и слона в зоопарке видела, так это же не мой слон был.

— А это что, уже твой слон?

— Ну... не совсем чужой. Допустим, знакомый слон. Мы с ним дружим... О, вот это другое дело... — Бьют засопела и полезла сверху на Васю. — Нет, спиной к тебе. Ты меня за талию держи, а я на тебя ноги поставлю. И руки. И вот это тоже. — Бьют опять хихикнула, и начала ставить «это тоже» на «слона». Начала двигаться, скользко удерживаясь ступнями на Васиных бедрах, потом ей эта эквилибристика надоела,

она уперлась ногами в постель по обе стороны от Васи, выпятила попку и начала водить ею вверх-вниз, щекоча Васины ноги свесившимися на лицо мокрыми волосами.

Вася лежал, закинув руки за голову, и думал, что в мире есть три вещи, на которые можно смотреть бесконечно — как горит огонь, как бежит вода, и как скользит натянутая его стволем плотная пипка Бьют, при каждом спуске-подъеме оставляя за собой блестящую пленку свежего девчачьего сока.

* * *

В дверь постучали. Вася осторожно, чтобы не разбудить Бьют, поднялся, сняв с себя ее ногу, как обычно заброшенную поверх. Подошел к двери. Спросил тихо: «Кто там?»

— Это Бежим. Вася, собирайся. Выезд есть. Только быстро.

Вася повернул ключ и открыл дверь, стараясь не шуметь. Бежим стоял, согнанный и компактный, как разборной финский домик перед продажей, и в упор смотрел на Васю. Ох, совсем нехороший был Бежим.

— Одевайся. Хаши сейчас тебе перезвонит, сам все объяснит. — Бежим заглянул через Васино плечо на махровую кучу на постели. Спросил подозрительно. — Кто это у тебя?

— Костик, — брякнул Вася. Бежим хмыкнул и покрутил головой. Из-за его плеча тут же выглянул сам Костик в любимой гавайской рубашке, и тоже воткнул любопытный нос в темную комнату.

— Не тяни. Камеру бери, аккумуляторы запасные. Я на улице жду. — Бежим повернулся и пошел по коридору на выход. Костик, оглядываясь, потрусил за ним. «Вот, блядь!» — с досадой сказал Вася и начал искать штаны. Тут же зазвонил телефон на столе. Вася метнулся, чуть не опрокинув стул, цапнул трубку, быстро нажал кнопку, приложив к уху и, опасливо поглядывая на спящую Бьют, попятился в коридор.

— Але. Добрый вечер, ходжа, — тихо сказал Вася — Все нормально у меня с голосом, — вышел в коридор, притворил ногой дверь, чтобы не было слышно в номере. — Да. Да. Конечно, понимаю. Хорошо, — сбросил звонок, и уже совсем по-другому сказал: — Блядь! Вот блядь!

* * *

На улице было темно, хорошо и свежо. Вася вышел, поеживаясь, с кофром через плечо и двинулся к Бежиму с Костиком, светящим в потемках огоньками сигарет.

— На чем поедем? — зевая, спросил Вася.

— Не поедем. Полетим. На вертолете. — Вася захлопнул рот. — Двигай за мной. — Бежим зашагал через двор, Вася догнал его, пошел рядом. Костик остался курить возле входа в гостевой блок. Дойдя до конца площадки, Вася привычно свернул в сторону хоздвора, к любимому Ка-29.

— Ты куда собрался? — спросил в спину Бежим?

— Так вертолет же... — Вася недоуменно посмотрел на Бежима. — Там?.. — Вася, — нетерпеливо сказал Бежим. — Просыпайся уже давай. Вертолет на полигоне ждет.

На полигоне раскручивал тощие лопасти легкий черный «Робинсон» R44, поблескивая прострелами габаритных огней. Вася разочарованно вздохнул.

— Лезь внутрь. На месте тебя встретит человек, зовут Марек. Рыжий такой. По-русски говорит хорошо. Он за тебя отвечает, от, и до, и за возвращение тоже. Что снимать, он тоже покажет.

— А ты?... — Вася растерялся.

— Я не лечу. Вот, держи. — Бежим вытряхнул на ладонь белую таблетку. В вертушке найдешь, чем запить.

— Что это?

— Таблетка. Тебе ночь не спать. — Бежим подумал немного, затем вытряхнул еще две штуки. — Это если совсем... устанешь. Давай, залезай. Да, телефон выключи. Вообще. До возвращения. Или дай его сюда, получишь потом обратно.

Вася пожал плечами, кинул одну таблетку в рот, две в карман, скривился, и полез в стекляшку «Робинсона».

* * *

Вернулся Вася на другой день, вечером, бледный и неразговорчивый. Поставил камеру на подзарядку и закурил прямо в номере, чего обычно не делал, выпуская дым в разорванную вчера Бьют противомоскитную сетку.

Бьют пыталась разговорить его, но обычно веселый Вася отмалчивался, отвечал односложно, а затем и вовсе завалился на постель. Изображая заботливую подругу, Бьют смоталась в столовку, где толстая Стэлла натолкала для маленького Василэ полный пакет еды, но когда девушка притащила пакет, Вася уже спал, лежа одетый с головой прямо поверх покрывала.

Бьют сразу надулась, обидевшись на неблагодарную скотину, которая не ценит заботу такой замечательной девушки, как Бьют, запихнула пакет в холодильник и ушла шляться по базе, поклявшись никогда больше обратно не возвращаться к этому бессовестному Васе. Но через два часа, когда стемнело, накурившись и нахохотавшись с кладовщиками, сменила гнев на милость, и вернулась к неблагодарной скотине дарить свое бесценное прощение. Скотина спала вниз лицом, свесив руку на пол. Бьют покачала головой, стащила с Васи носки и штаны, взялась за рубашку, но обломалась вытаскивать руки из рукавов, решила оставить так, забила под стенку, уткнулась Васе под мышку, закинула не него ногу и уснула.

* * *

ГЛАВА В ГЛАВЕ, В КОТОРОЙ ВАСЯ РАССКАЗЫВАЕТ, ГДЕ ОН БЫЛ

Точно не в Албании, Егоров.

Больше двух часов летели, а это километров пятьсот для «вертушки», в этой стране таких расстояний нет. Куда летели — тоже хуй его знает. Темно, ничего не видно. Сели где-то в сраном поле, потом куда-то ехали на машине. Марек этот рыжий больше по-русски молчал, чем говорил.

На месте тоже ничего не понятно, двор какого-то дохлого завода. Ни души. Прошли во что-то типа конторы. Там музыка, лампочки, небольшой бар с эстрадой, девки танцуют голые, в туфлях и с номерами на запястьях. Я за камеру, Марек говорит — не надо. Потом каждая отдельно тебе покажется. Ну, не надо, так не надо

Людей было мало, человек десять — двенадцать. Стоят, разговаривают, в девок пальцами тычут, вроде как поебать выбирают. К столикам отходят, что-то пишут, передают друг другу. Марек сразу предупредил — гостей не снимать. Говорит, Хаши высоко вас рекомендовал по этому профилю как профессионала, а его слово — банковский слиток, очень надеюсь. Я только важно кивал.

Посмотрели на пляски, потом отвели меня в комнату типа шоу-рума. Девки по одной заводят, ставят, они крутятся передо мной, выгибаются, лыбятся, представляются. Я, мол, Китти из Лондон-Сити, а я Санни из Рязани, мне восемнадцать лет, ай лайк скейтинг энд свимминг... ну вся эта визитка, как обычно. Девки разные, но все примерно одной комплекции.

Отснял всех — восемь штук. Закончил, отправили меня обратно в бар, показали столик, накормили, бухло поставили — и все. Ничего не происходит час за часом, только мужики эти по залу снуют. И так до утра. Если бы не бекимова пилюля — я точно бы уснул за столом.

Утром выходит какой-то гражданин и говорит по-английски — готово, можно начинать. Мужики гуськом за ним, я за мужиками, перешли через заводской двор двинулись в какой-то цех. Я смотрю, а мужики все на головы балаклавы натягивают. И тут мне нехорошее вспомнилось, да, Егоров.

Цех, пустой, но чистый. Ринг за сеткой, одна секция — оргстекло. На ринг свет выставлен. Барные стулья вокруг. Марек говорит — выбирай место, чтобы сетка снимать не мешала. Выбрал себе место, еще запасную точку, чтобы ракурс сменить, сел, жду.

Выводят двух девок, из тех, что я снимал. Голых, только на спине и на бедре спереди номер нарисован. На шеях — ошейники. Девки уже не лыбятся, видно с ними воспитательную работу до утра провели, или

упоролы чем-то. Поставили рядом, мужик в свисток свистнул — девки стоят. Он еще раз свистнул — все равно стоят, какие-то пластмасски небольшие в руках держат. Потом что-то треснуло негромко, девки попадали на пол.

Все, Егоров, дальше коротко. Не хочу подробно. Сначала их электроошейниками вразумляли, пока до них не дошло, потом они друг друга этими пластмассками полосовать стали, бокскадтерами — это ножи канцелярские были, только обломанные до половины лезвия. Таким сразу не убьешь, а кровящи — море. Дрались они как дети, видно, что нухуя, кроме как в рот брать, не умеют. Махнет — отскочит. Потом одна нечаянно другую по мясу зацепит, потом другая ее в ответ, звереть обе начинают: «ах, вот ты как!» Девки же свое тело ценят... Ну и дальше чисто бабская драка с дикой лютостью, пока одна встать уже не сможет. А вторая все полосует ее этим бокскадтером по лицу, и визжит как бешеная.

Егоров, я такого отродясь не видел. Знаю, что мы с тобой творили, не белоснежка... но это... через оргстекло я скоро снимать уже не мог — его кровью изнутри забрызгало, пересел с камерой повыше. Бекимова пилуля непростая, я как деревянный был, почти ничего не чувствовал, пока первую пару снимал.

Растащили их, победительницу увели под руки, проигравшую двое за руки взяли, на колени примостили, вышел третий, башку ей запрокинул и отрезал. Как? Ножом, блядь, Егоров! Туда-сюда и между позвонками. Башку унесли, тело оставили. Наверное, чтобы следующих спортсменов правильно мотивировать. Аудитория похлопала, и тут я вторую таблетку Бекима сожрал. Понял, что он имел в виду, когда на «вертушку» меня сажал — «если совсем устанешь».

Так три пары. Из шланга пол водой продуют, чтобы на крови не поскользнулись, и поехали дальше. Третьей паре кроме бокскадтеров еще что-то вроде короткого шила выдали. Четвертой пары не было, видно не сложилось с ними, не договорились. Хорошо, что я снимал, а не смотрел глазами. Через видеоискатель во всей красоте не увидишь, а то бы я тронулся там головой.

Потом вывели счастливых победительниц, одна стоять не может, две от кровящи аж лоснятся, как свежесыкрашенные скамейки. Им вежливо похлопали, — вообще, Егоров, я тебе скажу, какие-то ненормально спокойные все болельщики там были, — и увели. Не думаю что наградить. Там от баб почти ничего не осталось. Знаешь, на что похожа резаная рана, когда края расходятся? Глубже жировой прослойки? А на лице? А на груди? Короче увели их. Я думал — все уже. Опустил камеру.

Хуй там. Марек машет — снимай. Вывели четвертую пару и затравили собаками. Рыжая с кудряшками и черная, коротко стриженная. Да не собаки рыжая и черная, блядь, а девки! Собаки разные были, ротвейлеры, доберманы в основном. Но мне уже похуй вообще все было. Визг и рычание стояли на весь цех, собаки от крови как взбесились. А я словно сквозь вату все слышу.

Закончилось и это, зрители столпились вокруг столика, Марек машет — не снимай. И тут нарушил я Третье Правило Хаши. Сделал вид, что в камере копаюсь, а сам карточку вытащил и в накопитель воткнул. Перегнал, вернул на место. Сам не знаю зачем. Крыса подсказала, которая у меня в голове живет.

Вышел мужик, который за главного, поздравил победителей, а проигравшим — утешительные сувениры на память. Вынесли три коробочки, вручили. Даже знать не хочу что там. Что можно с мертвой головы снять?

Все. Я Мареку карточку отдал, он поблагодарил, довез до вертолета, тем же путем назад. Уже вечер. Беким встречает, смотрит внимательно, молчит. Помог камеру донести до блока. И говорит — забудь. И никому не говори. Никогда. На завтра и послезавтра съемки отменяются. Зашел я к себе, зараза моя маленькая крутится вокруг, прыгает — что, да как, да где ты был? За едой побежала. И тут меня бекимовы пилули попустили, и я вырубился. Нахуй. Потому что есть вещь, которых нет.

Так я же и не говорю никому. Нет, ну тебе, Егоров, можно. Ты же мне снишься.

* * *

Вася встал после обеда, вялый и потный. Через час позвонил Хаши, сухо поблагодарил, извинился за причиненные хлопоты. Объяснил, что основной оператор подвел, а отменить мероприятие было никак невозможно. Двойная премия перечислена, два, нет, три дня отпуска. Потом голос ходжи потеплел и сообщил, что случай был, действительно, исключительным, он уважает принципы Васи, и постарается на будущее не злоупотреблять. Если, конечно, Вася не решит подписать вторую часть контракта. Просто форс-мажор. Пока, Вася, отдыхай. Можешь во Влеру съездить, если хочешь, возьми с собой кого-нибудь. Кого хочешь. Если что — моя это личная просьба. Отбой.

Вот так.

Вася во время разговора смотрел как Бьют гоняет на его ноутбуке какой-то «арканоид», и понимал — это вилы. Или Бьют и каторга у Хаши, или... вполне возможно... Вася вздрогнул.

— Бьют, — сказал Вася. Бьют, не оборачиваясь, досадливо дернула плечом, потом взвизгнула, подпрыгнула на стуле, рассерженно развернулась.

— Последняя жизнь у меня была! Из-за тебя шарик потеряла. Ну, что еще?

— Собирайся, во Влеру поедем. На мотоцикле. На пляже загорать. На два дня. Я номер сниму. Купим тебе что-нибудь. — Бьют взвизгнула еще раз и кинулась Васе на шею.

Васина крыса выразительно покрутила пальцем у виска.



149832.--Васино счастье (парт три, совершенно 21+)

2.5. Васино счастье (парт фо 18++)

17 Апреля 2017

id:lj:149834

ГЛАВА ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ ВАСЕ ПЛОХО

— Ну вот что ты сейчас делаешь? — спросил Вася, отрываясь от камеры, у золотистой шатеночки с овальным личиком, обрамленным каре.

— А чо я делаю? — шатеночка удивилась.

Вася вздохнул, выключил камеру и почесал переносицу в поисках доступного для нее ответа.

— Полную хуйню ты делаешь. Как тебя зовут?

— Мисси Хот. И еще Лана Стайл, если волосы белые.

— Это понятно. А имя твоё какое? — переспросил Вася. Шатеночка прижмурила карие глаза.

— Мисси Хот. — А в карцер на сутки, а, блядь? — миролюбиво поинтересовался Вася. — Пятки к затылку? Османа позвать? Тебе что, не разъяснили — кто я такой? Тратишь мое драгоценное время, пока я изо всех сил пытаюсь тебя сделать чуточку дороже. Сколько у тебя час стоит? Тебе сказать — сколько у меня час стоит? Я с тобой своей стоимостью делюсь, а ты дурочку валяешь. Понятно, нет?

— Марика.

— Хорошо. Откуда сама?

— Бэльц, — помявшись, ответила Марика.

— О-о-о! Бельцы! — Вася расцвел. — Молодого знаешь? — шатеночка кивнула. — Штефан-чел-Маре? Мы там так чудили с пацанами, что небо чуть с гвоздей не сорвалось. У вас же лютые бабы! Марика, имей совесть! Я реально думал там жениться и остаться на всю жизнь. А ты что делаешь? Ты же родину свою позоришь!

— А чо я делаю? — опять повторила шатеночка. Вася опять погрузнел.

— А ты жрешь резину, делаешь вид, что тебе вкусно, и лыбишься. Ты хоть отдаленно себе представляешь — на что похожа девушка, которая обсасывает резиновый хуй и при этом улыбается? Иди сюда. Иди, иди, не бойся, я тебя на мониторе покажу. Шатеночка прошлепала босыми ногами по полу, виляя компактной попкой, и встала у Васи за спиной.

— На, смотри. Вот. Хорошо? Нравится? Ты зубы видишь? Вон, по краям рта вокруг самотыка. Красиво, а? Возбуждает? Если бы это был мой хуй, я бы уже убежал с визгом. А вот это — красиво?

— Нет, не красиво.

— Ну, а я тебе о чем! Ты можешь просто плотно обхватить этот елдак губами, засунуть его поглубже, как ты умеешь, и выпустить обратно со слюной? С пискочкой у тебя все хорошо получилось, просто супер. А тут ты начинаешь актрису изображать. Не надо актерства, покажи что умеешь, просто технику, и все. Не смотри в камеру постоянно, смотри внутрь себя. Ну, разок глазками стрельни, типа ты опомнилась, и понимаешь, что все это просто шутка. Но в реале будет о-го-го! Заказчику тоже будет все понятно. Все же нормальные люди, Марика...

* * *

— Давай я лучше у тебя отсосу, — жалобно сказала Марика, сзади обнимая Васю за талию. — Ты же не из охраны, тебе можно. Я сама не знаю, чего я все время ржу. Смешно, и все. Как на тебя посмотрю, так смешно.

— Отлично, — обиженно сказал Вася. — Я, значит, клоун. А снимать кто станет, пока ты будешь мне строчить? Давай, не выделывайся, Марика. Еще десять минут и готово. Забудем, как страшный сон. Отлично же все у тебя получается, кроме этого момента.

Марика вздохнула и побрела обратно на диван. Легла, поворочалась на дерматине, тихо матерясь, разбросала ноги, выпятив к объективу аккуратную полосочку ворса на лобке, подняла с ненавистью искусственный хуй, покрутила головой, примеряясь, и решительно засунула себе его в рот.

Вася с удовольствием смотрел на нее. Маленькая, ладненькая, стройненькая, собранная из кружочков и овалчиков, Марика вызывала желание немедленно схватить ее, вылизать, вытереть насухо, положить в карман и постоянно носить с собой вместо брелка, поглаживая в кармане. Или за щекой, вместо карамельки. Нет, это обязательно надо хорошо снять. Это грех такое запороть.

— Отлично. Носочки вытяни, чтобы ножки напряглись. В ниточку. Пальчики на ногах... Плотнее губы сожми. В камеру не смотри, перед собой и вверх. Вообще закрой глаза. Отлично. Ну вот, вот, ты же умница... глубже... еще... о, вот, это оно! Марика внезапно поперхнулась, закашлялась, выдернула член изо рта и пустила на диван струйку слюны. Затем ее чуть не вырвало. Девушка рывком села на диван и заревела, вытирая глаза.

* * *

— Испортила, да? — спросила, чуть позже, шмыгая носом. — Так и сиди, — страшным голосом сказал Вася, снимая камеру со штатива и подходя вплотную.

— Не вздумай встать. Смотри в объектив. Вытри глаза рукой. Плачь, не улыбайся.

Марика, естественно, тут же улыбнулась сквозь слезы.

— Опять испортила?

Вася еще постоял с камерой, затем выключил ее, опустил, и тоже улыбнулся, доставая влажную салфетку.

— Нет. Идем, я тебе рот вытру, заяц. Все супер получилось. Даже лучше, чем я думал. В каталоге твою страничку закупают до подвисания.

— Так я же опять улыбалась, — всхлипывая, сказала Марика, подставляя замурзанную мордашку под салфетку. — А ты говорил нельзя улыбаться.

— А ты вовремя улыбнулась. Так бывает. Погоди, я смонтирую, сама увидишь, — ответил Вася, вытирая рот и щеки девушке. — Там хуй даже у башенного крана встанет. Отлично картинку поймал. Все, одевайся. Слушай, мой тебе совет — стрижку не меняй, ну ее нахуй эту Лану, как ее там, которая у тебя с белыми волосами. Так тебе отлично. И улыбайся почаще. У тебя такие ямочки на щечках, что между них хочется вставить язык немедленно. Не теряя ни минуты. Карамелька такая. Скажи пусть следующая заходит.

Марика оглянулась на дверь, в которую входит без стука было запрещено даже Осману. Затем, прищурившись, посмотрела на Васю. Вася отрицательно покачал головой.

— Не. У меня еще две сессии. И монтаж. Потом как-нибудь. Одевайся, заяц, мне работать надо. Ну, чего ты скуксилась? Иди сюда, цемочки. Умничка. Я тебе на выходные в Дуррес свожу, хочешь? Хаши разрешит. Как ты говоришь, Лана Хот?

— Мисси Хот. Лана — это Стайл. — Марика чмокнула Васю под ухом и вышла из студии. Вместо нее заглянул встревоженный Костя.

— Чего так долго? Три часа почти...

— Костя, я всегда все успеваю. Я свое дело всегда делаю вовремя. Что не так? Иди, сам посмотришь, как получилось...

Костя моргнул, сказал: «Извини, некогда. Следующая...» и скрылся за дверью. Затем дверь опять открылась-закрылась и вошла девушка в камуфляже.

* * *

— Здравия желаю, товарищ полковник, — растерянно сказал Вася. — Это что за маскарад? Одежда в доме закончилась?

Девушка деревянно смотрела мимо него. «Первый день на полигоне, что ли?» — подумал Вася: «Таких на каталог не приводят». Вася хмыкнул, и привычно почесал переносицу.

— Раздевайся. Диван вон, в углу. Коньячок, если надо, на столе. Много не пей, только для естественности. На твой вес грамм сто будет нормально, угощайся. Запить кола есть. Девушка бесцветно смотрела на него. «Язык не понимает» — догадался Вася и повторил по-английски. Реакции не последовало. Вася показал руками.

Девушка покорно потащила с себя наговскую пятнистую куртку, затем спустила с себя штаны и присела на корточки. Под камуфляжом ничего не было.

Вася замер. Такого на его участке деятельности еще не встречалось. Это же не казарма, в конце концов, и не «быстрые загары».

— А ну-ка, встань. А ну-ка, повернись. Еще. Наклонись. Ага. Как зовут? Имя? Нейм?

— Хельга Суит.

— Понятно. Иди, коньяк пей. Коньяк вон там. — Вася показал на бутылку и, на глазок, показал пальцами — сколько выпить.

Затем открыл дверь и выглянул в коридор. Было пусто. «Ко-о-остя» — добрым голосом позвал Вася и прислушался. Ничего. Вася вернулся в студию, взял телефон и набрал номер Османа.

Послушал длинные гудки. Затем набрал Бекима. Тот взял почти сразу. — Э?

— Это Вася, — ласково сказал Вася. — Зайди на студию, пожалуйста.

— Зачем?

— Попиздеть надо.

— Некогда, Вася. С Османом попизди.

— Ну и ладно. — Вася нажал отбой и положил трубку на стол. Почесал переносицу, посмотрел на голую Хельгу, свернувшуюся в клубок на диване. «Один...» — сказал про себя Вася, выдергивая провода и втыкая их в новой последовательности: «Два, три, четыре, пять...»

* * *

На «сто два» дверь открылась, и зашел Осман. Широко улыбнулся, потом развернулся, вышел обратно за порог, постучал в дверь и зашел опять.

— Так нормально, Вася? Ну и что за хуйня у нас опять случилась?

— Иди сюда. Вася подвел Османа к дивану. Перевернул девушку лицом вниз.

— Что это, Осман?

— Шлюха.

— А вот это конкретно у нее что?

— Жопа. — Осман просто грел дружелюбием.

— Хорошо. Ответ засчитан. А на ней что?

— А на ней дырка от жопы, Вася. Что ты спрашиваешь? Что еще на жопе может быть, кроме дырки?

— А по обе стороны от дырки от жопы что? Вот это, синее и черное, а? — Вася тоже начал лучиться симпатией и дружелюбием от таких прямых и честных ответов. — На правой и левой полужопке — это что такое? Я, например, как бывший санинструктор, считаю, что это синяки, научно именуемые гематомами. Судя по форме, нанесенные прутом или чем-то подобным. А ты как считаешь, Осман? И как мне ее снимать теперь? Так и снимать, да?

— Возьми да замажь. — Осман умерил накал любезности. — Гримом.

— Так же, как бывший санинструктор, — продолжал Вася, — Могу сказать, что это вчерашние синяки. А телка, которая лежит перед тобой дыркой от жопы сверху, здесь четвертый день, позже их не подвозили, можем по записям проверить. А что это значит? А это значит, что твоя охрана хуй забила на правила, с твоего позволения. А, может и с твоим участием. А, может, Хаши правила изменил, а меня в курс дела не ввел? Хорошо, я сейчас сниму ее, только вот грима у меня нет. И потом пойду к Хаши с этим кино и спрошу его об изменении правил. Осман внимательно смотрел на доброго доктора Васю.

— Только ведь это не охрана, верно? Выебать-то они могут, с них станется. Но калечить бы не стали. Не дураки. И что это значит? Ты понимаешь, чем бизнес отличается от бессмысленного садизма, и с такими людям бизнес иметь нельзя, только садизм? Что пока Хаши нет, ты его шлюхами втихаря торгуешь. Чужую собственность в аренду сдаешь. И если твоих людей поспрашивать, то они это подтвердят, примерно на тридцатой минуте дружеского разговора. Шлюхи — те уже на первой минуте подтвердят. А вот это, Осман, со-о-овсем другое дело. Потому что для Хаши шлюхи — это шлюхи, а деньги — это деньги. А за деньги свои Хаши...

Осман непроизвольно потянулся к «глоку» в кобуре.

— Давай, давай, — одобряюще сказал Вася. — Идея правильная. Только посмотри вон туда. Видишь, на камере огонек мигает. Но ломать нее не надо, камера дорогая. Тем более что смысла нет. Вон, рядом с камерой еще одна коробка подмигивает. Трансляция идет на удаленный сервер, в «облако». Где-то через час файл автоматически сформируется и отправится к Хаши на почту. — Вася вздохнул.

— Осман. Ты человек важный. Первый на объекте, считай. Только на твое место очередь стоит, как на распродажу. А я вот простой, но незаменимый. Ты карьеру сам делал, прогрызался, в доверие входил. А меня пригласили, и я еще ломался при этом. Ну, так что, здесь будешь расстреливать, или во двор выведешь? Последнюю сигарету можно выкурить?

Осман молча повернулся и пошел к двери.

* * *

И вот тут, глядя на каменный затылок Османа, Вася понял, что перегнул палку. Все, осознал он, это пиздец. Только с отсрочкой. Не в этот раз, так в другой, рано или поздно. Криворожская подвальная крыса заметалась в его голове в поисках выхода из смертельной ловушки, лихорадочно пихая нос во все извилины мозга и, поднимаясь на задние лапы, обнюхивая щели между кирпичами.

— Стой, — негромко сказал Вася. Осман шел дальше. — Три тысячи евро. — Осман остановился.

— На счет, который я скажу. Максимум до послезавтра. И тогда забыли. Но на будущее... Осман остановился, повернулся, по его лицу прошла неуверенная трещина, и Вася понял что угадал. Это было бинго, блядь! Это был гол, флэш-рояль и три семерки в одном флаконе. Загнанная крыса в Васином мозгу с торжествующим визгом протиснулась в щель почти наполовину и чутко замерла. Нет уж, если голова пролезла, то и остальное пролезет, и крыса опять заскребла лапками. Вот теперь он стал Осману понятен, а, значит, и не опасен. Нет, конечно, еще опасен — но уже не смертельно.

— Две.

— Хорошо. Две. Только еще девятьсот девяносто девять евро сверху. И не еби мне голову, Осман, мы не на базаре. Если кто-то еще будет мешать мне деньги зарабатывать, цены сильно вырастут. Я многое могу простить, но только не деньги. У меня детство бедное было. Я тебе зарабатывать не мешаю. Но почему ты решил зарабатывать, вылезая на мой участок? Или я тоже похож на дырку от жопы?

Начальник охраны внимательно посмотрел на Васю, затем коротко кивнул в сторону дивана.

— С этой что будем делать?

— Отведи в изолятор, только врача не зови. Не надо звенеть на всю округу. Я потом сам ей синяки обработаю. Подержи ее там неделку. Будут вопросы — я скажу, что сыпь на жопе выскочила, снимать нельзя. Русский она не понимает, так что с этой стороны все чисто.

— Непростой ты, Вася, оказывается, — криво улыбнулся Осман. — Ну, хорошо, что разобрались. Начальник охраны подошел к дивану, помог Хельге встать, на ходу подцепил с пола ее камуфляж и вывел голую девушку с исполосованной задницей в коридор, притворив за собой дверь.

* * *

Вася выключил камеру и наклонился над столом, упершись в него кулаками. Васе было плохо от полученного адреналина и от осознания собственной бестолковости. Так глупо подставиться! Нихуя это не было решением! Осман прочно поставил его в ряд фигур по ту сторону доски. Васе было грустно. Вася хотел домой, к злобному Егорову, мутному Азоту, тупому Башкиру. Обрато, к своим простым и незамысловатым злодействам и таким же простым удовольствиям. Еще немножко хотелось водки.

Вася сходил к холодильнику, вытащил бутылку и начал скручивать крышку. Крыса в голове недоуменно смотрела на Васю. — Да знаю я. Глупо, конечно, прыгать на Османа, — печально согласился Вася с крысой — Просто я не хочу однажды еще одну попу в синяках увидеть. Ты знаешь, чью попу, крыса. Что остается мне делать? Я же такой, как и ты, я прыгаю и скалюсь, чтобы напугать, только вот убежать мне некуда.

В дверь постучали.

— Нахуй-нахуй, — не оборачиваясь, крикнул Вася. — Творческий перерыв один час.

Дверь открылась, и нахальный гость зашел в студию. Вася покачал головой — его «нахуй» понимали даже дикие шкиптары из охраны периметра. Он сделал длинный глоток ледяной «Финляндии», повернулся и чуть не поперхнулся. На пороге стояла Бьют.

— Ты чо пришла сюда? — отдышавшись, спросил Вася.

— Сниматься.

— Снима-а-аться... — передразнил ее Вася. — Тут что тебе, ателье свадебной фотографии? — они уже две недели не разговаривали, потому что Вася «целыми днями пропадает хуй знает где», хотя где Вася пропадает, на базе знали все, включая собак охраны.

— Хаши сказал. Прийти вне очереди. Мы с ним на топ-шоу улетаем. Так что ты уж расстарайся на глянец.

Васе стало совсем плохо. «Ну, вот и все» — подумал он: «Вот и все».



149834.--Васино счастье (парт фо 18++)

2.6. Васино счастье (парт фо 18++)

17 Апреля 2017

id:lj:149836

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ ВАСЯ ТО ТЕРЯЕТ, ТО НАХОДИТ

— Василэ, — сказала толстая Стэлла, высунув голову из окошка раздачи и убедившись, что в столовой никого нет. — Одна девушка хочет с тобой поговорить. Понимаешь?

— Понимаю, — ухмыльнулся Вася. — Пусть приходит и говорит. Только через дверь пусть приходит, как все нормальные люди, а не через окно. А то Мирча из-за москитных сеток ругается. Говорит — больше не даст. Пусть меня комары едят.

— Она не может к тебе прийти.

— Почему? — опешил Вася.

— Потому что все спросят — а почему она к тебе пошла? А как же ее девичья скромность? Сегодня вечером она поможет мне кухню прибрать, а ты сюда подойди после одиннадцати, и поговори с ней. Она специально попросилась помочь мне, чтобы тебя увидеть. Хочет сказать тебе что-то важное. Но обязательно сегодня, а не потом. Потом поздно будет.

Картина, в которой Бьют добровольно хоботилась по уборке столовой, чтобы поговорить с Васей, оберегая свою девичью скромность, была настолько невообразимой, что Вася открыл рот, сказал нечто среднее между «а» и «э», потом закрыл рот, кивнул и пошел из столовой, забыв пакет с перекусом на столе.

* * *

День тянулся бесконечно. Сначала были две незнакомые девицы, имен которых Вася не запомнил. У Васи вообще было подозрение, что имена им генерирует специальная программа из таблицы-словаря два-

дцать на двадцать слов, потому все варианты и комбинации Хани, Шайн, Лайт, Шугар и Суит он выучил наизусть чуть ли не на первой неделе работы.

Первая девица была мертвой красавицей с изумительными по форме деревянными сиськами. Вторая отметилась поразительным умением засовывать в довольно скромную на вид попку любые предметы. По крайней мере на студии, ничего такого, что не помещалось бы туда, Вася не нашел.

Затем он намаялся с московскими близняшками из Влеры — Люси и Лэйси Блонд, отличавшихся невероятной тупизной. Делать они умели так, только так, и никак иначе. Вася в отчаянии чуть сам не начал становиться перед камерой раком, выпячивать жопу и облизывать искусственный член, показывая — что ему нужно от девчонок. Таких Вася называл «переебанными». Не в том смысле, что их чем-то переебали, а в том, что уж слишком их переебли.

Но закончилось и это. Вася дождался одиннадцати вечера, набулькал во фляжку коньяк для «чаши мира» и пошел на кухню, прячась в тени за строениями от лишних глаз и отгоняя собак, которые, виляя хвостами и крупами, брели за Васей. Васю они обожали — в основном из-за веселого и шумного мотоцикла, за которым можно было гоняться и ловить зубами за колеса на хоздворе и полигоне.

Стэлла стояла возле освещенного служебного входа в пищеблок, заметила Васю, выключила свет на крыльце и вошла внутрь, оставив дверь приоткрытой. Вася отогнал собак и, чувствуя себя деревенским ухажером — только гармошки, фуражки с гвоздикой и букета ромашек не хватает — шмыгнул внутрь.

* * *

— Идем, — сказала Стэлла. Провела его изломанным коридором на продуктовый склад, открыла дверь. — Вот. Я своими делами займусь пока.

Вася откашлялся и зашел. И остановился в недоумении. Навстречу ему поднялась восточная заря Прибалтики Зулейка.

— А... — сказал Вася, — Э... Очень приятно, чем обязан в столь, э...

— Вася, у меня мало времени, — оборвала его Зулейка, она же Вилма, выговаривая слова с легким балтийским акцентом. — Если кто-то узнает, мне пиздец. Тебе — не знаю, но мне точно. Бьют хорошая девчонка, пускай и глупенькая. Она мне половину денег отдала за клуб, хотя работала с клиентом сама. Я скажу, а ты себе решай.

— Половину? — изумился Вася. Бьют, добровольно отдающая триста евро, была еще невероятней, чем Бьют, добровольно, моющая пол в столовой. У Васи появилось ощущение, что его разводят. Сейчас выскочат из-под стола и закричат «Поздравляем! Вас снимала скрытая камера!»

— Ну да. Сто пятьдесят евро. Она сказала, что половину Осману уже занесла. — Вася выдохнул с облегчением. Все было в порядке. Половина от шестисот — сто пятьдесят, конечно же. Моя маленькая жадная зараза. Узнаю по любимому почерку.

— А вот что будешь делать ты, Вася — это уж твое дело. Тем более что и ты тут при делах.

— Что случилось? — напрягся Вася.

— Осман завтра Бьют увозит.

* * *

— Куда? — Вася с размаху сел на алюминиевый складной стул. — Зачем? На чем?

— Не знаю. Из страны. На вертолете. Работа у нее будет за границей. Вроде бы, не вернется уже сюда, там останется.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вася пересохшим ртом.

— Подслушала. Осман с Хаши разговаривал по телефону. Хаши, понятно я не слышала. Но у Османа привычка есть военная, повторять за начальником, так что, в общем...

— Вилма, что? Прошу тебя, все, до слова. — Вася старался вести себя спокойно. — Просто расскажи.

— Что-то у них там не сложилось в отношении тебя. Хаши чего-то ждал от Бьют, но Осман сказал что дело мертвое, ничего не выйдет, что Бьют вообще охуела, ведет себя как королева, что ты на нее забил хуй давно. Что по каталогу ее вообще не берут. Что есть шоу для нее хорошее, с файтингом, партнершу

подобрали, нормальные деньги — он сам ее отвезет. Хаши дал добро. Еще Осман сказал, что неплохо бы близняшек друг против друга поставить, но Хаши, вроде, не согласился. Не знаю — что это такое, тебе виднее. Вася сломал в мокрых от пота пальцах сигарету

— Вот и все, что я знаю. Я так поняла, Осман хочет сплавить отсюда Бьют, а Хаши все похуй, но он уже принял решение.

Вася вспомнил ночной стук в дверь, и Бекима: «Собирайся, быстро». Его замутило.

— Вертолет сюда прилетит? На полигон? Они ничего про это не говорили? Когда поедут? — это был вопрос отчаяния. Ну, конечно, не станет же Осман обсуждать с самим Хаши детали транспортировки, громко повторяя вслух...

— Нет, они в Влеру сначала поедут, мне девчонки... ой! — Вилма замолчала. Вася смотрел на нее, как беженец на вокзальный репродуктор. — Вася, ну ты понимаешь...

— Вилма! — Вася чуть не заорал на весь склад.

Вилма-Зулейка вздохнула, и приподняла майку на животе. За шнурком штанов торчал маленький мобильный телефон.

— Комнату обыскивают. Я с собой ношу, на вибрации. Или на территории прячу. Иногда можно поговорить, а так СМС шлем друг дружке. В общем, девчонки сказали, что у них еще пятерых завтра вечером Осман заберет, а уже оттуда они полетят куда-то. Все. Больше я ничего не знаю.

— Сколько человек ее повезет? — хрипло спросил Вася. Вилма отрицательно покачала головой.

— Откуда мне знать? Осман точно поедет. Может, кому еще во Влеру по делам надо.

Вася поднялся и расцеловал Вилму. — Знаешь, если еще даст бог свидеться, я тебя... Я тебе... — Вася хрипло вздохнул и двинулся на выход.

* * *

Медитация в потолок комнаты успокоила Васю.

Решение проблемы сводилось к двум вариантам.

Первый — позвонить Хаши и согласиться на его условия, в обмен на сущую мелочь. Пусть подавится. В памяти тут же всплыл злобный Егоров на платформе электрички: «Если на Хаши работаешь, он все больше требует. Больше года или двух на него работать нельзя, иначе он тебя как мебель начинает воспринимать. Сначала он покупает у тебя услуги, потом пытается купить тебя самого. И вот тут надо рвать когти. Если ты не жадный дурак, конечно».

Смотреть много-много раз по ту сторону забрызганного кровью оргстекла? Или больше не видеть его никогда, но знать, что один раз его забрызгала своей кровью Бьют?

«Иди ты нахуй, Егоров», — мысленно сказал Вася воображаемому Егорову: «Соглашусь, а потом наебу как-нибудь. Не первый день живем». Воображаемый Егоров хмыкнул и исчез. Вася решил, и взял в руки телефон. И положил его обратно

Нет, это был не вариант. Во-первых, поздно звонить. Ночь, и Хаши уже решил. А если он решил — то он решил. Это Хаши. Положит каталог перед носом, скажет — выбери себе другую. Подрежет ей нос, подтянет сиськи, вычтет из твоих денег, и зайдет новая бьют в белой рубашке, бьют, которая не знает, как ее звали раньше. «Вася», — сказала крыса в голове: «не торгуйся. Аукцион закончился».

Вариант найти Бьют прямо сейчас и смыться вариантом даже не считался. Потому что чертова дура и мелкая зараза. Она же реально думает, что ее деньги зарабатывать везут. А Васю, значит, жаба давит и ревность ест. Вариант скис прямо на глазах, и не получил даже порядкового номера.

Второй вариант заключался в чем-то невнятном и мрачном. Вася вздохнул, посмотрел на часы. Затем вытряхнул камеру из кофра на кровать, и начал набивать его вещами. Плотно, потому что кроме кофра можно было взять только пляжный рюкзак, который Вася купил в Дурресе, а в него много не положишь — с горбом на спине и неудобно, и подозрительно. Закончив с рюкзаком, включил ноутбук. Попытался зайти на страничку управления счетом.

Интернета не было. Вася чуть не заорал. Попробовал еще раз. Глухо. Вот и все, Вася. Вот и нажился ты на тяжелой работе, тратя здоровье и веру в человечество. Ноутбук с учеткой к счету стоял на столе и лыбился заставкой: «А помните, как вы по мне жопами прыгали?»

— Ну, уж нет, — сказал сквозь зубы Вася. — Тебя, сука, я точно заберу. Ты мне слишком дорого достался. Я тебя кулаками в багаж забью, если надо. Мне, собственно, кроме винта ничего не надо.

Вася открыл кофр, и начал выбрасывать из него вещи.

* * *

Затолкав с трудом такой дорогой винт в кофр, и чуть не выдрвав застёжку, закрывая его, Вася вскинул пузатый куб на плечо. Осмотрел былой приют любви. Камера сиротливо лежала на кровати. "И кормила я тебя, и поила я тебя... а взял-то ты с собой только ноутбук-бездельник..." Две вещи любил в мире Вася. Одну он сейчас оставлял навсегда на кровати, а вторую надо было еще отыскать и вытащить. Ну, а положить ее потом на кровать — это как бог даст.

Вася погладил камеру и вздохнул. Двинулся к дверям, и вдруг остановился, как ушибленный. Вернулся, сел на стул и поставил кофр на пол. Камера на кровати, ноутбука нет. Половины вещей нет. Только дурак бы не понял — что здесь произошло. А завтра три сессии, первая на одиннадцать утра. Постучат, покричат: «Вася, вставай!» Потом откроют дверь, выбьют, если надо — здесь не пансионат, церемоний нет, и тогда... Вася в отчаянии уткнулся лицом в ладони.

«Не ссы», — сказала крыса: «Уйдем. Мы всегда уходили». Вася поднял голову. Встал. Пересчитал наличку. Мало, но хватит. Наверное, хватит.

Бегство отменялось, оставался только почетный отход с развернутыми знаменами.

* * *

— Костик! Костик, открой! Это я, Вася. — Вася стучал деликатно, как загулявший муж, который не хочет перебудить весь дом. В голову не приходило Васе, что будет он однажды ночью ломиться к Костику с тайной страстью в душе.

Замок щелкнул, показался заспанный Костик, который, проморгавшись, удивленно уставился на Васю. — Вася, ты чего?

— Извини, что разбудил. Слушай, у меня камера накрылась. Я во Влере смотаюсь, выеду пораньше, чтобы день не терять. На рассвете буду там, когда все откроется. Перенеси первую сессию с одиннадцати на после обеда. Если не успею — тогда на вечер. Если во Влере не разберутся, придется в Тирану ехать.

— Что-то серьезное?

— Не думаю, но хуй его знает. Камера пишет, только ни монтажный компьютер, ни ноут файлы не читают. Я бы их тоже забрал, но десктоп на мотоцикле не увезу.

— Так может, вообще отменить съемку? — Костик тер глаза. — Перенести на послезавтра? Или запасной камерой снимать?

— График ломать не хочется, а эту камеру в любом случае чинить придется. Короче, к вечеру вернусь по любому. Если надо — ночью поработаю. Девки наши все равно к ночной жизни привычные.

— Ага, ладно. Ты на мотоцикле не убейся, смотри, в потемках. На КПП отметить. — Костик закрыл дверь.

* * *

Вася с рюкзаком и кофром зашагал в сереющем рассвете к гаражу. Открыл врезную дверь своим ключом, спасибо, Мирче — как-раз в нее мотоцикл выкатывался вплотную, зашел в гараж. Верный «Дукати» спал, направив погасшие глаза в пол. Вася закрепил на нем кофр, подошел к машинам Османа. «Люмина» или «Чероки»? «Чероки» или «Люмина»? Вася в раздумьи почесал переносицу. По здешним дорогам — так, конечно, «Чероки». Но шесть девок? Хотя, может во Влере всех обреченных пересадят в другую машину?

Рисковать было нельзя, и Вася решительно поднял капот «Чероки». Пусть будет «Люмина». Когда Вася катил «Дукати» по двору, его сопровождал почетный караул собак, с надеждой посматривавших на мотоцикл. Гигантский алабай Султан, здешний ходжа среди псов, толкнул Васю своей страшной головой под

колени. «Ну! Поехали, Вася! На этот раз я тебе, все-таки, вырву заднее колесо...» Вася делал вид, что не понимает намеков, и псы опечалено отстали.

— Где начкар? — спросил Вася на проходной. — Зови сюда. Мне во Влеру надо, аппаратуру чинить. Пиздец, завтра весь рабочий день накрывается.

— Пост ходит, — буркнул тонтон-макут. Затем что-то сказал в рацию. Рация каркнула в ответ. Вася терпеливо ждал, посматривая на часы.

— Он что, во сне посты обходит? — раздраженно спросил Вася. Мне до обеда вернуться надо. У меня девки. Понимаешь? — Охранник кивнул, «девок» он очень хорошо понимал — причина уважительная. Сам бы на рассвете поехал, если бы девки... И, видимо, версия с начкаром тоже имела право на существование.

— Иди, пиши, Вася. Я шлакбам подниму.

Вася открыл регистрационную книгу, мстительно подписался: «хуй», прокатил «Дукати» под шлагбаумом, сел, завел мотор. Обманутые псы с обидой отозвались с территории базы. Вася оттолкнулся от гравия ногой и покатил вперед, проклиная свою куриную слепоту и молясь, чтобы доехать до Влеры быстро и желательно, целиком.

* * *

День прошел в хлопотах.

* * *

Как хорошо, радовался Вася, что нет здесь двух дорог в одно и то же место, а если одна есть — и то радость.

Место он выбрал хорошее, «Люмина» должна была неизбежно сбросить скорость перед двумя рядами «лежащих мусоров» — вот и вы пригодились, — а тут и Вася на своем верном мустанге выкатит из-за обломков придорожного сарая: «Привет, Осман! Как дела? О, Бьют, и ты тут?...», а дальше разберемся. Засаду Осман подозревать не должен был, Вася уехал честно и открыто, сообщив об этом Костику, начкару, и расписавшись в книге. Как не встретиться на дороге, если дорога всегда одна? Вася покатил по дороге «Дукати» к сарайчику.

Ну, и как всегда, все пошло через жопу.

* * *

На пылящий вдалеке джип Вася особого внимания не обратил, и только когда тот стал переваливать через спидбрейкеры, узнал спойлеры «Чероки» Османа. Вася упустил мотоцикл себе на ногу, и с ужасом уставился на машину. Крыса взвыла и оскалилась, теребя Васю изнутри.

Джип притормозил перед мотоциклом, бибикнул. «Ебанные рукодельцы из гаража!» — в отчаянии подумал Вася, и, хромя, пошел к водительской двери.

Окно опустилось, оттуда с холодным недоумением воззрился Осман в больших солнечных очках.

— О, Вася. Какими судьбами?

— Во В-в-лере ездил, кам-меру чинить. Н-наебнулся, уже к-километр качу.

Что-то было в Васином паническом лице такое, что Осман поверил. Ухмыльнулся, расслабился.

— Так во Влеру обратно тебе катить ближе. Видишь, как оно без шлема падать? А я говорил, что ты шею себе ломаешь, рано или поздно, на своем драндулете. Кости целы? — Вася кивнул, мимоходом заглянул в машину.

А вот это уже был пиздец полный и окончательный. Возле Османа сидел один из охранников — Звонимир, а сзади, рядом с Бьют, непривычно похожей на школьницу на каникулах, в белом топике и с русо-снежными волосами, собранными в два хвостика над нежными ушками, вечно небритый бошняк — главный в отделении во Влере. Имени его Вася не знал. Трое — это все. Три элитных пса-людоеда против одного Васи. Шах и мат. И доской по голове.

— П-привет, Бьют. — Бьют не снизошла до ответа, отвернувшись в окно. — Осман, дайте р-ремкомплект. — сказал Вася чтобы хоть что-то сказать, удержав «Чероки» подальше от страшного черного вертолета хотя бы на мгновение. — Тут с-связи нет.

— Извини, Вася, спешим. Доедем до Влеры — позвоним Мирче, он эвакуатор прийдет. Через пару часов, думаю, будет. Убери мотоцикл с дороги, пожалуйста.

— К-камеру хотя бы з-заберите, — попросил Вася. — Б-боюсь. Там для Х-хаши ф-файлы. Потом з-завезете. — Осман переглянулся с бошняком, тот согласно кивнул.

— Давай ее сюда.

* * *

Вася, хромая, подошел к поваленному мотоциклу, отстегнул кофр, повозился над ним, бережно прижимая рукой к груди, понес его к «Чероки».

— Куда ты это в окно суешь? — недовольно спросил Осман. На коленях я ее, что ли, повезу? В багажник ставь.

— Ага, — сказал Вася, — Опустил кофр и два раза выстрелил из «вальтера» РРК Осману в лицо. Тот подпрыгнул на сидении, как резиновый, и повалился на Звонимира. Бошняк на заднем сидении молниеносно укрылся за Бьют, выталкивая ее между собой и Васей на директрису огня, и сунул руку под пиджак. Вася пальнул в Звонимира, но каким-то чудом сумел промахнуться с полутора метров, расколотив противоположное окно, и нырнул за капот «Чероки». «Вот и все», — подумал обречено Вася, сжавшись у толстого колеса джипа: «Отвоевались». Крыса в голове у Васи взревела саблезубым тигром. И кинулась из своего угла судьбе в горло.

— Что, пидарасы? Думали Хаши наебать? — сказала крыса страшным Васиным голосом. — Он с вас шкуру спустит. Ремнями. Иуды ебаные. В подвале коптить мясом будете. Чью руку кусать вздумали? Чего вам в жизни не хватало?

* * *

В машине царил тишина. Абсолютно неправильная и невозможная. Долгая. Затем Звонимир что-то сипло сказал на неправильном олбанском. Бошняк помолчал, потом досадливо застонал.

— Вася, — сказал Звонимир. — Послушай. Дай нам уйти, Вася. Дай укрыться. Это все Осман. Мы объясним Хаши, но не сейчас. После всего, он слушать никого не будет. Богом тебе клянусь. Потом мы ему объясним, на колени встанем. Пусть накажет, если захочет. Но не сейчас. Просто пропадем.

— Оружие бросьте, — сказал Вася просто так, на всякий случай, потому что так всегда говорят, в любом кино, и обалдел, когда перед носом у него тут же лязгнула на асфальте «беретта» Звонимира. По другую сторону машины тоже что-то звякнуло на обочине Вася подумал, что он сходит с ума.

— Пусть девушка выйдет.

Открылась дверь, и на дорогу ногой в кроссовке ступила Бьют. Вышла, и застыла как соляной столп возле машины. Вася зашипел, показывая, чтобы она присела за багажник, но Бьют стояла неподвижно, как полярная сова — белобрысая, с хвостиками-хохолками и круглыми глазами. Вася выругался про себя.

* * *

Вася осторожно поднялся, держа окно на прицеле, и встретился взглядом с бошняком. У того в глазах плавал такой животный, непреодолимый ужас, что Васе захотелось оглянуться — не стоит ли за ним, Васей, кто-то еще, большой и страшный? Как только бошняк увидел Васю, тут же поднял руки вверх и показал ладони. Вася приподнялся еще чуть-чуть и перевел взгляд на Звонимира. Тот, щедро раскрашенный кровью, выглядел еще хуже, и Вася чуть не перекрестился пистолетом в руке.

— Вася, дай уйти, — хрипло повторил Звонимир. — Дай мотоцикл. Продай мотоцикл, — он сказал что-то бошняку, и тот сразу полез в карман. Вася тут же перевел пистолет. Движения бошняка стали осторожными, он аккуратно отвел полу пиджака, и двумя пальцами достал бумажник, бережно положил на

сиденье. Рядом лег бумажник Звонимира. Васе показалось, что он участвует в каком-то дурном представлении, смысла которого не понимает совершенно.

— Еще есть деньги. Здесь. — Звонимир показал на бардачок. — Много. Скажи Хаши — мы оправдаемся. Мы за себя скажем. Пусть судит нас. Мы сдадимся. Семьями своими клянемся. Но пусть нам даст сказать слово. Бери машину, езжай к Хаши.

— Вот с этим? — Вася кивнул на мертвого Османа, покоившегося дырявой головой в разбитых очках на коленях у Звонимира.

— Тебе же надо тело показать.

Крыса в голове у Васи предупреждающе цыкнула и пошевелила усами.

— Так заберите, блядь, его отсюда и в багажник затолкайте! — заорал Вася. — Или я так поеду? Через свою сторону доставайте, нехуй мне сидение пачкать!

Бошняк и Звонимир осторожно потащили тело через свою сторону, подхватили за руки, поволокли к багажнику. Вася обошел «Чероки» со своей стороны и устался на погрузочно-такелажные работы. «Ничего не понимаю», — в отчаянии подумал Вася, глядя на два стриженных затылка, склонившихся над телом всемогущего Османа, сворачивая его в багажнике: «Вообще ничего». — «А и не надо ничего понимать» — сказала мудрая и осторожная помочная крыса. Подняла пистолет в Васиной руке и аккуратно выстрелила по разу в каждый затылок.

— Ебануться, — сказал Вася, разглядывая побоище. — Чо это было, вообще? Я сам не понял.

Бьют, стоящая неподвижно, как новогодняя елка, всхлипнула.



149836.--Васино счастье (парт фо 18++)

2.7. Васино счастье (парт файф 18+)

17 Апрель 2017

id:lj:149838

АНТРАКТ

Традиционной истерики, как ни странно, не было. Бьют сидела на заднем сидении, рядом с Васей, опустошенно глядя в никуда.

— Какого хуя, Вася? — устало спросила она. — Чего тебе от меня надо? И что будет дальше? Нет, я все понимаю, но я устала пыхтеть по номерам. Подмываться, раскорячившись над умывальниками в туалетах.

Я жить хочу, Вася. Ты понимаешь, что меня все это просто заебало? Мне обещали участие в нормальном стрип-шоу. За хорошие деньги. Отвезут на вертолете, может быть предложат постоянную работу. Ты понимаешь, что это был шанс для меня? Тебе меня не жалко? Вот что теперь делать, скажи? Куда мы поедем? В Лас-Вегас? Или будем ездить по Албании, как Бонни, и, мать его еб, Клайд? Грабить закусовые? Ты летал на вертолете, Вася? Да? А я вот нет. И не полечу уже, наверное, никогда. — Бьют горько улыбнулась.

— Я летал на вертолете, — Вася вздохнул. — Именно на это твое стрип-шоу и летал. Я даже снимал там. — Вася вытащил из-за отворота мотоциклетной куртки планшет, нажал на кнопку, провел по экрану пальцем, оживив его. — Знаешь, Бьют. Я заебался тебе постоянно доказывать, что одно надо делать, а другое — нет. Ты никогда никого не слушаешь, кроме крысы в своей голове. Как и я, кстати. Но моя крыса — мудрая и осторожная. Она из Кривиго Рого. А твоя дурная и капризная, из тлевезира про краси вую жизнь. Хватит слов. На, посмотри на свое шоу. Я пока стекло протру.

Вася сунул планшет в руки Бьют, открыл дверь и пересел на переднее сидение. Автоматически, на рефлекс включил дворники. Естественно, крови и мозгов Османа изнутри меньше не стало. Вася ругнулся, выключил дворники и полез за тряпкой. Начал возить по стеклу, размазывая брызги в полосы, и стараясь не прислушиваться к искаженным маленьким динамикам планшета диким женским визгам и воплям, аплодисментам публики и объявлениям анноунсера. Бьют сзади не издавала ни звука.

Вытиралось плохо, без моющего средства окно только замутилось жиром и кровью. «Сукин сын», — подумал Вася про Османа: «Чертило ебаное. И тут он подгадил!». Мимо несколько раз проезжали автомобили, но «Дукати» мирно стоял на обочине, незадачливые Звонимир и бошняк тихо лежали в глубоком кювете, не просматриваемом с дороги, а на капот хитрый Вася постелил клеенку и поставил пластмассовую канистру от масла. Да и вообще — здесь было не принято интересоваться делами владельцев «Чероки», если те сами не попросят.

Когда визги сменились собачьим хрипом, Вася решил обернулся. И проклял себя трижды.

И еще трижды.

* * *

На этот раз он не просто перегнул палку. Палка с треском сломалась, раз и навсегда. Бьют сидела как в кататонии, приоткрыв рот и бессмысленно таращась мимо планшета.

Чуть не выломив дверь, с придушенным воплем: «Блядь!», Вася вывалился из машины, рванул на себя заднюю дверь и полез внутрь, выдирая планшет из заостренных пальцев Бьют. Девушку мелко колотило, как в ознобе. Вася осторожно взял ее за плечо: — Бьютик? Бьют подскочила, ударившись головой о потолок салона и заорала как резаная, истошно, с надрывом. Беспорядочно заколотила ногами и руками, забилась, словно в эпилептическом припадке. Вася набросился на нее, прикрываясь от хаотических ударов, прижимая ее своим телом к сидению машины. Бьют билась, как рыба в сетях. Прокусила Васе мякоть под большим пальцем, попала локтем в глаз, ломая ногти, начала драть Васину кожаную мотоциклетную куртку.

Что Вася ей говорил, как держал, и сколько это длилось — он не смог бы вспомнить никогда. Постепенно Бьют выдохлась, и только иногда судорожно вздрагивала, прижатая Васей к сидению. Один раз возле «Чероки» остановилась встречная машина, и водитель спросил что-то на секретном албанском языке. Вася с недовольным лицом поднялся над Бьют, выглянул в окно и махнул — проезжай, давай, хули вылупился? Водитель рассмеялся, показал большой палец, бибикнул, свистнул и поехал дальше.

Когда последние судороги стихли, Вася посадил девчонку, мокрую, вялую и бледную, рядом с собой, полез в карман и достал последнюю, третью таблетку Бекима. Аккуратно положил ее Бьют в рот, отвинтил крышку фляжки с коньяком и поднес ее к губам девушки. Бьют начала жадно хлебать из фляги, разливая коньяк по подбородку и капая на белый топик. Вася отнял фляжку, обнял Бьют и поцеловал ее в жгучие от коньяка губы. — Прости меня, маленькая, — сказал Вася. — И крысу мою прости. Блядь, ну недоглядели. Не знал, что так получится. Веришь, сам в шоке.

ГЛАВА МОРСКАЯ, В КОТОРОЙ ВАСЯ ПОКИДАЕТ ДАЛЕКИЕ БЕРЕГА

Везти Бьют в таком состоянии на мотоцикле было рискованно.

Однако, ехать на джипе с лобовым стеклом, напоминающим мясной витраж, да еще с трупом в багажнике, вообще пахивало каким-то дурным водевилем и фильмами Тарантино. Ага, еще окно со стороны покойного Звонимира, превратившееся в паутинную тряпку. Вася попробовал его опустить, но механизм подавился осколками.

Вася задумался. Полиция здесь, какая-никакая, но существовала, тем более, Влера — не провинциальный поселок, а доебаться до дорогой машины — святое дело для любого городского полицейя. Не будешь же им говорить: «Привет, а вы Хаши знаете? Это я от него мясо везу, извините, где прикопать можно?» Вася поежился.

Затем открыл багажник, посмотрел на прикорнувшего Османа, и с досадой захлопнул багажник обратно. «Вот же, навязался на мою голову», — пробурчал Вася, совершенно не заботясь о справедливости высказывания.

Бросать удобный джип было жалко, но выхода не оставалось. Даже если вытащить бывшего начальника охраны поближе к дружкам, из его головы в багажник натекло столько, что полицейским пришлось бы рассказывать сказку про разбившуюся банку томатного сока, которую неаккуратно положила в багажник любимая бабушка.

— Бьют, ты как? — девушка вяло кивнула. Таблетка, кажется, начала действовать. — Мы на мотоцикле поедem. Медленно. Я тебе свою куртку дам. — Бьют опять кивнула. — Ты держись, пожалуйста. Все скоро кончится.

* * *

Белый топик Бьют, получивший свою порцию брызг из башки Османа, пришлось сменить на майку из Васиных запасов. Вася напялил на подругу свою кожаную куртку, надел ей на плечи пляжный рюкзачок, прикрепил за ней кофр так, чтобы она могла на него опереться, и двинулся к машине. Ножом, подарком Бекима, отхватил ремень безопасности, прикинул длину, захлопнул и заблокировал все двери джипа, вернулся к мотоциклу. Посадил девушку, сел сам, перебросил за спину Бьют ремень и, как смог, привязал ее к себе. Съебываться надо было немедленно, крыса внутри просто визжала от страха. Карманы куртки на Бьют распирала деньги — последний щедрый взнос Звонимира с бошняком в фонд защиты пингвинов, и Вася даже зашипел от досады — вот бы их утром, эти деньги! Теперь времени на покупки уже не оставалось. Деньги себе, и деньги. Может, пригодятся. А, может, и нет. Деньги — всегда хорошо.

— Поехали?

— Куда? — слабым голосом спросила Бьют.

— Сначала во Влеру. Обними меня сзади руками, держись крепче. А ноги вот сюда поставь. Если станет нехорошо — сразу говори, или толкни меня. Я остановлюсь, — «Дукати» рыкнул, и покатил. Не так, чтобы быстро, не так чтобы медленно. Главное, чтобы подальше отсюда.

* * *

— И куда мы поплывем? — спросила Бьют у Васи, спотыкаясь за ним по настилу заброшенного причала.

— В Италию.

— Ты что, дурак? Нас поймают и вернут. Ты думаешь все так просто? Если бы так было просто — здесь уже никто не жил, все бы в Италию уплыли. Вася, давай уже сразу в Африку поплывем.

— Я с тобой в Африку боюсь плыть, там негров много, а ты к ним неровно дышишь. А в Италию можно. У меня чешский паспорт.

— А у меня? У меня не то, что чешского, даже албанского нет. — Бьют уже почти оправилась и обрела способность критически мыслить. — Никакого нет паспорта. И не было никогда.

Вася досадливо цыкнул. Бабла теперь было столько, что еще пару дней, и можно было бы сделать любой паспорт, на выбор, раскрутив глобус. Но вот пары дней, как раз, и не было. Уматывать надо было прямо сейчас.

— Доплывем до берега, поломаем мотор, если что, скажем — потерялись. Ты — моя жена, сестра, да хоть дочка, похуй. Неважно. Откупимся. Положись на меня. Сначала надо свалить отсюда. Доберемся до Италии, Егорову позвоним. Он что-нибудь придумает.

— А кто это — Егоров? — вяло поинтересовалась Бьют.

— Человек один. Злобный. И черствый. Увидишь еще, он тебе понравится. Такая же, как ты... кхм, — Вася откашлялся. — Такой же, как ты, хороший человек. Вы с ним точно поладите. — Вася остановился и кивнул на «зодиак» с подвесным мотором под причалом. — Вот это наш.

— Вася... — Бьют с недоумением смотрела на Васино судно, — Это же резиновая лодка. Надувная. В Италию надо через море плыть. Или ты про какую-то другую «италию» говорил?

— Бьютик, здесь сто километров всего на ту сторону. Три часа дороги. Я столько из Тираны во Влеру ехал. Ну, мы немного крюка дадим, чтобы сразу не вляпаться, пусть пять часов. Просто морская прогулка будет. Позагораешь под луной, лечебным воздухом подышишь. Сомалийские пираты на таких лодках кругосветные путешествия совершают. — Вася внезапно осознал, что шуток Бьют сейчас не понимает.

— Бьютик, не бойся. Это не океан. Это лужа. Здесь нет такого места, где хотя бы один корабль не было видно из лодки. Все будет хорошо.

Вася спустился в «зодиак», пошатнулся, утвердился, затем принял от девушки рюкзачок и кофр, уложил их, подал ей руку. И замер.

Время вокруг Васи остановилось.

* * *

Бьют стояла на помосте, заложив руки за спину, глядя рысьими глазами сверху вниз на Васю. Выбраться обратно по скользким столбам он бы не смог никак.

Побег с «металлобазы», рассветный полет на мотоцикле почти вслепую, с прыжками через «лежащих мусоров». Метания по Влере, три трупа в кювете на дороге, и еще один, безымянный, здесь, неподалеку, под перевернутой лодкой. Любимая камера, затиснутая на третью полку с грязными инструментами в гараже. Брошенный на произвол верный «Дукати». Вечная ненависть Хаши, грустный Егоров, рухнувшие планы.

Счет, наверняка уже заблокированный. Все, все что было, есть и будет — всему пиздец. Все улетело. Сопливая зараза, жадная мелкая дрянь, хищная и наглая тварь, триста евро за все что угодно, черный хуй хоть сосать, хоть в жопу пихать, только Осману занеси половину... сейчас она что-то скажет, повернется и просто уйдет. Ах, Вася ты, Вася... Дурная ты голова...

Шлюха по кличке Бьют стояла и смотрела на Васю рысьими глазами. Совершенно недостижимая для него, как другая галактика. В Васиной мотоциклетной куртке, с карманами, вздувшимися от запрессованных туда рулонов денег Звонимира и бошняка. С ключами от Васиного мотоцикла, да и с самим мотоциклом возле причала. Все ее мечты сбылись. Сразу и одновременно.

Вася стоял, как замороженный, ожидая приговора. Бьют нервно облизнула губы.

«Пристрели ее», — шепнула мудрая крыса: «Или, давай, я пристрелю. Как тех. Только не спугни, просто спроси о чем-нибудь, кинь какой-нибудь упрек. И дождись, пока она начнет речь толкать. Она же без этого не сможет, мелкая сопливая зараза, чтобы не пиздануть что-то на прощание. Начнет вещать. Главное, не дай ей укрыться за настилем, пули мягкие, могут не прошить. Пусть нависает над тобой и изобличает. И тогда мы поедем домой, в Кривой Рог, ты и я».

— Вася, я боюсь. — сказала Бьют. — Здесь высоко. Ты поймаешь меня, если я прыгну?

— Нет, не прыгай, мы лодку перевернем, — ответил Вася ватным языком.

Тогда Бьют просто села попой на настил, и соскользнула вниз, задирая юбку, к Васе на руки. Вместе с курткой, деньгами, мотоциклом, свободой и всеми своими чистыми девчачьими мечтами.

— Вась, ты чего? Отпусти, блин, дурак! Сейчас же! Ты меня сейчас раздавишь, отпусти!... Да что ты делаешь, идиот, мне же больно!

Вася с трудом отпустил Бьют, стараясь не смотреть на нее, отвязал швартов, бросил его в воду и завел мотор.



149838.--Васино счастье (парт файф 18+)

2.8. Васино счастье (парт секс 18++)

18 Апреля 2017

id:lj:149840

Мотор ломать не пришлось. Примерно через полтора часа он поломался сам. Естественно, на ворованные лодки никто гарантию не дает. Вася выругался, снял колпак с движка и озадаченно уставился на месиво трубок–патрубков и круглую блямбу маховика

— Ну что, все? — бледно спросила Бьют. — Приплыли?

— Не ссы, маленькая, — бодро ответил Вася. — Сейчас чинить не получится, темно уже. Да мы же все равно собирались мотор портить. Одной проблемой меньше. Не бойся. Вон, смотри, — Вася ткнул в горизонт пальцем, Бьют повернула голову.

— Видишь огоньки? А вон еще. Здесь движение, как по проспекту. Тут не потеряешься.

— Вася, скажи честно, — спросила с надеждой Бьют, глядя на Васю в упор рысьими глазами. — Пожалуйста. Ты, правда, просто киносъемщик, или тебя кто-то нанял на Османа? Я же видела, как ты всех троих уговорил, глазом не моргнул. Я уже думала — ты и меня свинцовым горохом в голову оформишь, за компанию. Ты что, киллер под прикрытием? Ты крутой? Скажи мне правду.

— Просто киносъемщик, — честно ответил Вася, улыбнулся и подмигнул Бьют, но она почему-то не обрадовалась, а всхлинула, сказала: «Сука, блядь, я так и знала, теперь нам точно пиздец», и заревела, уткнувшись лицом в колени. Вася сел рядом на банку и обнял ее.

— «Не потеряешься...» — всхлинула Бьют. — Хотела бы я здесь потеряться. Ты хоть догадываешься, что с нами будет, когда нас Хаши найдет? Тебе-то ладно, ты заслужил. Мне за что? Что такое «быстрый загар» — знаешь?

— Угу, — буркнул Вася.

— Откуда?

— Егоров рассказывал.

— А он откуда знает? Участвовал?

— Нет, присутствовал. Случайно. Не по своей воле.

— Так я тебе расскажу, что Егоров твой не знает. Сначала на бумажках имена всех девчонок пишутся, а потом одна бумажка достается. Понимаешь? — Вася помолчал и понял.

— На всех бумажках одно и то же имя. Хаши не дурак имуществом рисковать.

— Ага, только ты тогда про это не знаешь. Потом победителю лотереи выливают на голову растопку для дров. Знаешь, такая, в пластиковых флакончиках? Чтобы на пикники возить? — Вася кивнул. — И поджигают. Человек-спичка. И за одну ногу к потолку подвешивают. Только не веревкой, а наручниками, за ногу. Девчонки бились так, что кровь от содранной кожи в пизду затекала, как только нога не отрывалась. И свет включен на всю ночь в подвале. А утром придут, голову ей железной палкой развалят, и снова бумажки раздадут, чтобы имя писать. Все, после этого ты другой человек.

Вася стиснул девушку и погладил ее по снежной голове.

— После этого уже все похуй. А знаешь рецепт коктейля «Женский секрет»? Нет? Тебя привязывают к столу, ноги заворачивают за голову, а руки вытягивают вперед, чтобы жопа вверх торчала. В пизду втыкают примерно вот такую трубку. — Бьют показала колечко из пальцев. — Из металлической сетки. Как канадаши на столе держать, только без доньшка. А в трубку заливают бухло. Я не знаю какое. Там сильно щиплет. Нет, сначала перед этим тебя дрючат вибратором, это и есть секрет. А потом старый козел, под свист и аплодисменты вытягивает коктейль оттуда через соломинку. Ну и доливают следующему. Иногда посуду бьют. По жопе, или по морде. А иногда, если им нравится, лизнет тебя в рот — «сладкая моя». Это еще нормально, про коктейль «давленная вишня» рассказать? Я это только видела, потому что из девушки его один раз приготовить можно... — Бьют всхлипнула. — Упыри. Блядь, откуда вы такие беретесь, из какого ада... Я уже так привыкла к этому всему, что только собак теперь боюсь.

— Бьютик, нас не найдут.

— А что тут искать? — грустно спросила Бьют. — Думаешь, ты один до десяти считать умеешь? Машину сдохлым Османом найдут. Уже нашли. Ты сам сказал, что Хаши знает — куда, зачем и с кем он поехал. Меня там нет. Тебя тоже нет. Дверь твою выломают. Какие уж тут тайны? Мотоцикла твоего нет. Стоит он возле причалов, носом показывает, где искать...

У Васи потемнело в глазах, как будто его доской по голове пришибли.

— М-м-м... — сказал Вася.

Верный друг «Дукати», столько раз выручавший в беде, не простил того что, его бросили, и предал их. Сдал с потрохами. Крыса виновато подергала усами и скорбно развела лапки, мол, и я за всем не услежу.

Бьют хлопнула носом, тоже обняла Васю и поцеловала его в шею.

— Ты не виноват, милый. И я не подумала. Да и не дошла бы я до причала без мотоцикла.

— Я бы тебя на руках донес, — с ненавистью к себе сказал Вася, услышав в первый раз от Бьют слово «милый». — Слушай, может его спиздит кто-нибудь? Хороший же мотоцикл... У нас бы, например, спиздили.

— Может быть спиздят, — равнодушно ответила Бьют, встала на шатком покрытии и уставилась в сторону покинутого берега.

— Сядь, Бьют. Сверзишься еще в воду, — с тревогой сказал Вася.

— Я не Бьют. Бьют съели собаки на ринге, и она умерла.

— Сашка...

— У Сашки в подвале сгорела голова, и она тоже умерла.

— Я тебя как хочешь называть могу. Мне без разницы. Как скажешь, главное чтобы это ты была. А пока так и буду говорить, «ты». Ладно? — Бьют кивнула.

— Тебе поспать надо. Ночью нас никто не заметит, ни с воздуха, ни с воды. И утром тоже. Что, Хаши все моря облетит на своем волшебном вертолете? Слушай, ты его переоцениваешь. Да мы просто щепка на воде. Нас, скорее, кто-то другой найдет. Здесь движение, как на автостраде. Надень мою рубашку.

— Зачем?

— Утром прохладно будет, а потом можно обгореть. Надень, пожалуйста. Бьют покорно натянула рубашку с длинным рукавом, и улеглась на пайолы рядом с Васей. Спина к нему.

Вася тревожно прислушивался к дыханию девушки. Он обнимал ее вместе с таблеткой Бекима, стараясь не выпустить туда, где было страшно и одиноко, где каждый сам за себя против всех, а всех всегда больше, чем тебя, и они всегда сильнее. Затем Бьют вздохнула, и повернулась лицом к Васе.

— Вась, ты меня любишь? Ну, хоть чуть-чуть?

Вася хотел пошутить, но сам без подсказки крысы, понял, что этого делать не надо.

— Конечно. То есть да. Очень.

— Тогда пообещай мне. Я не хочу обратно. Ни в подвал, ни к собакам. Я ненавижу теперь собак.

— Мы кота заведем. Вы с ним вместе будете собак ненавидеть. Но собаки, вообще-то, разные бывают, я вот знал хороших собак...

— Вася, заткнись. Если Хаши нас найдет, с вертолета, например. Если. Допустим. Не обязательно. Ты можешь меня застрелить? Ты знаешь куда стрелять, чтобы не больно было? Только не в голову, и не в лицо? Я не хочу как Осман, бр-р-р-р... Фу, как он лежал, и стекло замазал... Обещаешь?

Вася протяжно вздохнул и повернулся на спину. Ему хотелось сказать Бьют про дешевые мелодрамы, мыльные оперы и романтические покеты в мягких обложках. Что для Хаши бегство Бьют — это дело, отнесенное на следующую неделю в расписании еженедельника, вопрос дальнейшего поиска, но никак не погони.

Что в понимании Хаши, что он, что Бьют, невзирая на показную расположенность — разновидности домашних животных, и даже дохлый Осман для него не аргумент, потому что таким, как они, просто не положено убивать османов, а значит это сделал кто-то другой, по крайней мере, подобный Хаши.

Что, если их с Бьют и будут искать в Адриатике — то исключительно трупы в полосе прибоя. По крайней мере до тех пор, пока не найдут камеру, спрятанную в гараже. Ну, и лишь бы не выдал «Дукати» возле причала.

Что они с Бьют уже благополучно убежали, вообще-то. Что никто никого никогда не найдет, и никто никого не убьет. Что жизнь — не кино, да, она иногда страшнее, но, зато почти всегда проще и логичней, потому что нет для нее толкового режиссера, а актеры все — любители...

Но Вася понимал, что для Бьют сейчас все страхи и угрозы мира крутятся исключительно вокруг нее одной, сжавшейся от ужаса в точку, где-то в глубине сознания. И сказал другое.

— Хорошо. Застрелю. Не в лицо, я понял. Обещаю. Как доберемся до берега, я тебя в письку застрелю. Раза три, для начала. А потом в попку, когда ты размякнешь, чтобы не пицала.

— Ну вот, — обидчиво сказала Бьют. — А говорил, что любишь. Пиздишь ты, Вася, как дышишь. — Бьют тихо полежала рядом с Васей, а потом забросила на него ногу. Вася улыбнулся в темноте. Расколотый мир постепенно принимал знакомые очертания. Не хватало только махрового полотенца размером с волейбольную площадку. Вася лизнул маленькое ушко, и начал тихо говорить в него самые хорошие и добрые слова, которые только знал.

— Ты, — говорил Вася ей на ухо, — Ты моя мелкая и жадная зараза. Сучка. Нарисованная девочка. Я убью все твои черные вертолеты и всех собак. Я убью твоего Хаши, и вообще всех нахуй убью. Я буду целовать тебя, лизать и кусать, где захочу, а кто будет мне мешать — убью нахуй. Всех негров, голландцев и турецких полковников. Всех начальников охраны, их заместителей, и заместителей их заместителей. Тебя больше никто никогда не ударит, потому что я сразу убью его нахуй. Протянет лапу — убью нахуй. Не так скажет — убью нахуй. Плохо посмотрит — убью нахуй. Я вообще всех убью нахуй. Спи, моя маленькая «ты». Если кто-то тебя разбудит до обеда — тоже убью нахуй. Спи. Все.

Бьют сладко сопела, положив на Васю ногу.

* * *

И снилось Васе, как на страшном черном вертолете вокруг перепуганной Бьют, в белой рубашке до колен, через которую промокал синий купальник, кружил беспощадный Хаши, чтобы отвезти ее в подвал, где ей сожгут голову, исполосуют бокскастерами, раздавят ее вишни и скормят поджарым псам.

А неестественно спокойные зрители в балаклавах рассматривали программки, и передавали друг через друга официантам сложенные вдвое заказы — кому ножку, кому грудку, кому шейку.

Но, уже, поднимая вихри пыли противходом винтов, из омота хоздвора, навстречу черному хщному вертолету поднимался могучий и уверенный Ка-29, проворачивая мясорубки многоствольных пулеметов и оскалив контейнеры НУРСов. Наперерез нервным, поджарым, рычащим породистым людоедам, выходили, помахивая хвостами и обрубками хвостов, растягиваясь в цепь, тяжелые как приговоры, угрюмые мохнатые среднеазиаты и кавказцы с «металлобазы» — личные друзья Васи и его мотоцикла. Впереди

них, как барабанщик перед полком, шла мелкая беспородная, вечно течная Жужа с кухни толстой Стэллы, и ее глаза сияли рубинами смерти.

За Васиной спиной злобный Егоров, натянув кастет, сказал: «ну чо, бля, допизделись?», и над головой его с треском разорвалась белая молния, а Башкир, рядом с ним, ничего не сказал, а только потянул носом, сплюнул, и дважды лязгнул в руках чем-то металлическим и вороненым.

И от этого лязга Осман, стоящий напротив с боксаттером в руке, испуганно моргнул кровавой дыркой вместо глаза и попятился.

И тут, между рядами армий, гарцуя на упругом колесе, как конь, сбежавший от конокрада к хозяину, вырвался верный «Дукати» с ликующим воплем: «Вася! Я не предал! Я ничего им не сказал! Меня спиздили! Спиздили!!!»

* * *

Вася рывком сел на пайоле. «Зодиак» покачивало. Вася зачерпнул воды, протер лицо, шею, грудь и осмотрелся вокруг. Затем с визгом выдохнул, вытащил весло, похожее на огородную лопатку, начал лихо-радочно разворачивать лодку. Осознал бессмысленность этого действия, бросил весло и встал в полный рост. Бликующая вода слепила так, что ничего не было видно уже в пятидесяти метрах.

Вася сел на банку и завыл.

* * *

— Хаши, — сказал Вася, глядя в сторону блистающего рассвета. — Это ты убил ее, сволочь. Ты, мразь ебаная, выстрелил ей в голову еще тогда, в своем подвале. И колдовством заморозил свою пулю в полете. Колдовством остановил время. А я, дурак, попытался расколдовать. И тогда твоя пуля полетела дальше. Тебе не пришлось в этот раз даже пошевелить пальцем. Она умерла из-за ужаса перед тобой. Я понесу свое, но ты... Я знаю, что никогда не доберусь до тебя, тварь. Если бы я только мог до тебя добраться. Твой загар был бы очень небыстрым. Но, я желаю, чтобы ты подох сегодня. И только одно желание у меня сильнее этого — чтобы ты подох вчера.

Вася лег на пайолу покачивающегося на волне «зодиака» лицом вверх, и закрыл глаза.

— Крыса, — в отчаянье спросил Вася, — Мудрая моя, облезлая, осторожная крыса. Скажи — что мне теперь делать?..

В голове было тихо и пусто. Крысы больше не было. Как и положено крысам, с обреченного корабля она убежала первой.

2.9. Васино счастье (парт севен 18+)

18 Апреля 2017

id:lj:149845

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ ВАСЯ ЕДЕТ ДОМОЙ

Егоров вылез из машины, подал руку переводчице, подождал, пока второй переводчик с корзиной и букетом вылезет со своей стороны автомобиля, и двинулся ко входу в «оспедале». Поднялся по ступеням, придержал крутящуюся дверь, подтолкнул переводчицу вперед и уместился с ней в один сегмент. Вторым переводчик, учитывая свои габариты, благоразумно остался ждать своего разрешающего поворота двери снаружи.

— Ненавижу я, Светка, эти карусели. Нахуя они их делают? Со всех же сторон неудобно, согласись. Как они сюда каталки с больными протискивают?

— Они их с другого входа завозят. Сзади. Егоров, лапы с моей жопы убери и не прижимайся так.

Егоров и переводчица оказались в кондиционированной приемной госпиталя, дождались появления второго переводчика, рассыпающего за собой лепестки хризантем, и двинулись к стойке регистрации. Светка на ходу оправила узкую юбку.



149840.--Васино счастье (парт секс 18++)

— Здравствуйте, — строго сказал Егоров, облокотившись на стойку ресепшна. — Хау ду ю ду. Камон еврибади. Мы больного проведать пришли. Передачку занести. Апельсины-помидоры. Вам уже звонили сегодня насчет нас, наверное?

Светка тут же зачирикала что-то светло-кофейной регистраторше. Второй переводчик стоял монументом неизвестному солдату за спиной у Егорова. Регистраторша позыркала шустрыми черными глазами и что-то спросила у Светки. Та выслушала, и кивнула головой.

— Спрашивает — ты ему родственник? Какой степени?

— Авокатто, — надменно сказал Егоров. Регистраторша с пониманием закивала. Еще бы, адвокат — это не какой-то вам родственник. Это совсем другое дело. Это ближе любого родственника. Регистраторша тут же защелкала кнопками на клавиатуре.

— Э консылори, — добывая крупницы знания из памяти, внезапно добавил Егоров. Кофейная регистраторша перестала клацать, напряглась и тревожно оглянулась на охранника, маячившего неподалеку.

— Э-э-э... Консультенте, — легко поправила ослепительная Светка. — Егоров, не пизди лишнего, ладно? Не надо людей пугать. Давай без демонстрации знания телесериалов. — Светка призывно помахала рукой охраннику, который нерешительно двинулся навстречу, но затем остановился. Светка сама зацокала каблучками по мрамору к нему навстречу, и снова зачирикала на смешном языке, в который выродилась когда-то медная имперская латынь.

«Миланская сучка», — неприязненно подумала регистраторша, глядя на передергивающуюся на ходу Светкину юбку: «акцент, тряпки модные, ходит, как на каблуках родилась. А жопа, мама миа, какая жопа, из фитнеса не вылезает, наверное». Регистраторша непроизвольно поджала свои, тоже довольно неплохие ягодицы на сидении.

— Ио, — сказал страшноватый русский адвокат, тыча в себя толстым пальцем со сведенной татуировкой. — Авокатто. И дотторе. Для руссо маринеро. Держим в банко миллионно и плеванто на законо. Режиссенто нам нашего болящего надо повидать, понимаешь, красавица?

Регистраторша, ничего не понимая, на всякий случай, улыбнулась, затем вопросительно посмотрела на второго переводчика. Тот стоял, как вмурованный в пол.

Русский адвокат что-то сказал ему на своем первобытном языке, запасной переводчик свел брови в кучу, внезапно пришел в движение, резко и собранно, как поршневая группа двигателя, и положил букет хризантем перед регистраторшей.

— Донна бела маре, кредере кантаре, — сказал русский правовед, возможно, на румынском языке. — Жалко, ненадолго заехали. Ихь бин тебе телефонирен. Номер дай. Ириска ты эдакая, шоколадная.

Регистраторша судорожно кивнула головой, изображая благодарность, и панически взглянула на охранника. Тот отчаянно разводил руками перед переводчицей, и клялся чем-то святым. Переводчица раздраженно развернулась, зацокала каблучками обратно к своему боссу. Регистраторша быстро нацарапала номер на обороте гостеприимной визитки и передала русскому дотторе э авокатто. «Вот это пес», — подумала регистраторша: «Такой, если сверху его пристроить, кровать провалит. Святая богородица. Неужели, в самом деле, позвонит?»

— Егоров, он не проведет, — сказала переводчица. — Ему пост покидать нельзя. Идем сами, или надо ждать ординатора. Пятый этаж, пятая палата.

— Тут что, по одной палате на этаж? — удивился Егоров. — Нихуя себе Вася устроился за Ибрагимовы деньги...

— Тут не на всех этажах палаты. Ты пропуск получил у этой мартышки? Нет? Панятна. Синьора... — Светка опять залопотала, улыбаясь ненавистным регистраторше миланским оскалом. Регистраторша, взаимно фальшиво улыбаясь, выложила на стойку три бейджа — для синьора авокатто, его переводчика и миланской холеной сучки.

— Банджорна асталависта, все заебиста, — поблагодарил на чистом румынском языке русский адвокат, и двинулся со своей свитой к лифту.

— Ты что-нибудь понимаешь, Марио? — спросила регистраторша у охранника, глядя вслед процессии. — Русский адвокат, с румынским языком, у человека с чешским паспортом и финским лицом. Ради которого звонили из британского и албанского посольств. С двумя переводчиками — одна сучка явно из Милана, а второй, кажется, вообще глухонемой. Что творится в этом мире?

Охранник посмотрел на шоколадное ушко собеседницы, облизнул губы. Затем перегнулся через стойку регистрации и взял девушку за руку.

— Это глобализация и конец света, Шеба. Нельзя терять времени.

— Иди к черту, Марио. Пер бакко, у тебя двое детей. И кредиты.

* * *

Светка двинулась к главному врачу отделения, молчаливый переводчик отдал здоровенную корзину Егорову и занял место у дверей палаты, Егоров потоптался, подтянул галстук, открыл дверь и ступил внутрь.

— Есть кто живой? Хотя бы частично...

— Егоров, бля...

— Васька. Ты как кремовое пирожное, слушай.

— Это от ожогов намазано.

Вася, в дурацкой распашонке, без штанов, и с белым кремом на лице, сидел на кровати с дистанционным джойстиком от игровой приставки в руках. Егоров поставил объемистую корзину на пол, и присел рядом с Васей. Вздохнул, потрепал Васю по загривку. Вася отдернулся и зашипел.

— Извини, Вась. Давай, рассказывай. Яблоко хочешь? Из дома привез. Крымские. Вася взял яблоко, куснул, и начал рассказывать. Егоров, взяв еще одно, слушал внимательно, не перебивая, и не переспрашивая.

—... ну и вот, — грустно подвел итоги Вася. — А потом меня подобрали итальянские погранцы, или береговая охрана — хуй его знает, как они точно называются. Я уже в отключке лежал. Они там на папуасов и румын охотились, которые в Италию морем ломятся. Посмотрели на меня — вроде не папуас, хотя загорел я тогда уже изрядно. По лодке — вроде и не румын. Покопались в вещах, нашли чешский паспорт, кучу денег. У румын столько денег не бывает. Пистолет я утопил. Отвезли в какую-то срань, в госпиталь, потом оттуда в Леччо, потом в Бари. Только заснешь на местном промедоле, как тебя уже опять куда-то катят на тележке. Полиция приставили.

— Как ты умудрился там вообще затеряться? — спросил недоуменно Егоров. — Это же лягушатник, бля. Чистые Пруды. Странно не то, что тебя подобрали, а что прогулочным катером или сухогрузом не переехали. Что это значит — «лег, закрыл глаза и пиздец»? Вася, ты что? Временно помешался?

Вася пусто смотрел на стенку перед собой, Егоров крутил в руке яблоко. — Ладно, извини, Вась. Давай дальше.

— Вызвали какого-то чеха. Чех приехал, стал о чем-то меня спрашивать, я вроде его понимаю, а ответить ничего не могу. «Гыржики-мыржики». Пришлось снова сознание терять. Чех потоптался, оставил визитку и уехал.

Тогда я опять пришел в сознание, позвал местного айболита, сказал по-английски, что совершал морскую прогулку, мотор отказал, меня и унесло. Почти не соврал — у меня в чешском паспорте честные визы, тем более — хуле, Евросоюз, одна страна. От консульской помощи отказался, попросил сообщить своему адвокату. Вот ты и приехал. — Вася тоскливо вздохнул.

— Пиздец мне, Егоров. Мне теперь от Хаши всю жизнь бегать придется. Деньги пропали. И, главное, ради чего? Что я получил в итоге?

Егоров сосредоточенно покрутил яблоко и отложил его на стол. Покусал губу.

— Вася. Послушай меня внимательно. Тут кое-что изменилось, пока ты на больничном был. В первых, Хаши больше нет. Его в тот же день, как ты съехался, расстреляли в машине.

— Как? — ошарашено, спросил Вася. — У него же броневик, как у Ленина в октябре!..

— Как... «Корнет» не пожалели. Царская смерть, Вася. Хаши был серьезный человек, на такого не грех и ПТУРС потратить. Теперь в семье Ибрагим главный, старший сын Хаши. Он руль на себя взял, и сразу разбираться начал. Дело чести.

— Егоров, а ты знаешь, что бог есть на небе, и он все слышит? — помолчав, сказал Вася. — Так мне что, теперь от Ибрагима прятаться?

— Подожди, дослушай. Кое-кого из стрелков взяли. Те показали на Османа. А Осман не для себя это затеял, сам понимаешь. Но это уже не твое дело. Твое дело, что ты эту фишку вычислил, и следил за Османом. Беким подтвердил, что ты Осману не доверял, и что Осман под тебя копал. Конечно, умнее было маякнуть кому надо — но откуда тебе было знать, кто еще с Османом перекарасился? Ты к человеку с докладом, а человек тебе маслину в глаз. Вот ты и разбирался сам, как умел. Глупо. Но честно и благородно.

— Так вот оно что, — медленно проговорил Вася, вспоминая чудеса по дороге во Влеру. — Ага. Ну да, подумали, что Хаши меня послал. Выжил после «корнета», и послал. А если Хаши выжил, да еще знает — чьих рук это было дело... то пиздец всем в радиусе светового года. Вот, Егоров, как меняет нашу жизнь отсутствие устойчивого мобильного покрытия. Ладно, а почему же я Хаши не сказал, раз я такой, сука, умный?

— А потому что ты везучий сукин сын. Наверняка знать ты не мог, а у вас в тот день интернет упал. Не без помощи Османа, я думаю. И связь тоже наебнулась до обеда. Что ты мог сделать? Шпионка твоя, которая с Османом трахалась по твоему заданию, как только связь поднялась, доложила тебе днем где Осман, с телефона, который ты ей выдал, ты и поехал ему навстречу из Влеры засаду ставить...

— Подожди, — ошеломленно перебил эту сказку Вася. — Какая моя шпионка? Какой телефон? Кому я его выдал? Кто это уже по моему заданию трахался? Почему я не в курсе своих заданий?

— Персидская красавица из Таллина. А что? Не твой человек? Ибрагим сказала, что твой...

— Что с ней? — мрачно спросил Вася.

— Домой поехала. На своей машине и с хорошими деньгами. Может, еще вернется, Ибрагим ее в Корчу менеджером звал. Вася, не перебивай. И вот, ты один ломанул ловить Османа. Изменить ты ничего не смог. Но пристрелил иуду и его холуев. Вот так, Вася. — Егоров хрустнул яблоком. — А потом попытался вывезти свою девку. Все же знали, что там у вас любовь-морковь, да и Хаши ее баловал. Ну и дальше уже врать не надо, все так и было. Учти, это официальная версия.

— Ай да я, ай да молодец! — потрясенно сказал Вася. — Немножко только не успел, оказывается, мир спасти. Вот я какой ловкий...

— Так что Ибрагим тебя все равно найдет. Ты для него теперь как брат. Отца его хотел спасти. Не смог, да. Но отомстил, как мужчина. Жизнью при этом рисковал, под пули лез, женщину свою потерял.

Ибрагим велел передать: его дом — твой дом. Ну, про деньги — понятно, волноваться тебе нечего. Он на уши британское и албанское посольства поставил, почему тебя в Бари и перевезли, и валяешься ты тут как король на пенсии. Под госпиталем охрана стоит такая, что полиция от нее шарахается. Вообще, хотели тебя в Рим везти, но я сказал — не надо болезного дергать. Оттуда врачей привозите. За мной с Башкиром чартер прислал. И вообще... — Егоров улыбнулся. — Везучий ты сукин сын.

— Ох, везучий, — тускло согласился Вася. — Сам себе завидую.

Егоров помрачнел и приобнял Васю за плечи, стараясь не извозиться в противоожоговом геле.

— Вася. Ты думаешь, я сейчас ссать тебе в уши буду, что она была блядью, и ты себе таких еще много найдешь? Не буду, Вася. Я все понимаю. Что случилось — то случилось. Перетерпи. Поехали домой, а, Вась?

— Слышишь, а если я Ибрагима попрошу — он мне вертолет подарит? — задумчиво спросил Вася.

— Какой вертолет? — Егоров непонимающе посмотрел на Васю.

— Противолодочный. Ка-29. У него есть, я знаю. — Вася, — осторожно спросил Егоров. — Если тебе пока плохо, может, ты полежишь здесь еще?

— Нет уж. Поехали домой, Егоров.

Егоров кивнул, достал из корзины, из-под яблок, кроссовки и поставил на кровать.

ЭПИЛОГ

Вася простудился и заболел

Болезнь он решил красиво. Вытащил из шкафа свитер с оленями, намотал на шею шарф, согрел молоко, растопил в нем кусок масла, добавил сахар, размешал. Подошел к зеркалу. Все было отлично, кроме кружки. В кадр она не годилась. Нужна была керамическая, а эта из какого-то постиндастриального пластика, да еще полупрозрачная. Не айс.

Зато лицо было то, что надо. Опухший от насморка нос, покрасневшие глаза — все говорило о благородных страданиях. Вася решил простить себе кружку, и подошел к окну.

За окном висели снежинки. Медленно опускались, потом медленно поднимались. «Поток что ли у дома восходящий?» — вяло подумал Вася: «чего они не падают-то?» Но висели снежинки выразительно, красиво дополняя Васину болезнь.

После двух глотков горячего Вася вспотел под свитером, полез его снимать, потом вспомнил, что в этом-то и есть смысл лечения. Преисполнившись терпением, Вася шарф снял, а свитер оставил.

Зазвонил телефон. Вася взглянул на входящий номер и скривился. Номер был нехороший.

— Ну? — недружелюбно сказал Вася в трубку. — Чего еще?

— Вася, — ласково сказал в ухо злобный Егоров. — Как твое здоровье, родной?

— Твоими молитвами. У меня острое респираторное заболевание после последней твоей затеи. Такое острое, что я могу им даже порезаться и умереть. Ты мне дашь в этой жизни хоть раз спокойно умереть, Егоров?

— Согласен, был неправ. Но я же извинился! Слушай, я сейчас тебе по другому поводу звоню, — голос Егорова стал осторожным. — Я тут сейчас в одном месте... далеко. В отстойнике для нелегальных мигрантов. Буцегарня, короче. По одному делу... неважно. Напротив меня сидит одна особа, и рассказывает прелюбопытнейшие вещи. Больше на книжку про пиратов похоже, но иммиграционный чиновник кое-что подтверждает.

— Как ее зовут? — буркнул Вася. — И причем здесь я?

— Не говорит, как зовут. То есть, говорит, но брешет, как собака. Уже три имени назвала. Сама запомнить не может. Дело не в этом. У тебя на «зодиаке» форпик был, помнишь? Там спасжилет лежал?

— Какой зодиак? Какой форпик? — Вася непонимающе уставился на неправильные снежинки.

— Ну ты даешь! Лодка, с которой тебя итальянские погранцы сняли. На носу там мягкий форпик был, типа отделения для всякого хлама. Вася, ты же покупал его, что не посмотрел?

— Я не покупал его, — хрипло сказал Вася. — Я его спиздил. Когда я мог его купить? За какие деньги? Я что тебе, одноногий, про всякие форпики знать. Волосы у нее какого цвета?

— Как тебе сказать?... — Егоров по ту сторону замаялся. — Пока никакого, ее постригли налысо, так что на голове у нее щетка обычного волосяного цвета. Но по-русски чешет без акцента...

— И что она рассказывает? — совершенно осипнув, спросил Вася.

— Да вообще рафаэль саббатини. Какой-то мудака выкрал ее из приличной приемной семьи, где она жила, горя не зная, она испугалась, от него сбежала, прыгнула в воду, стянув спасжилет с лодки, мозгов у нее, конечно, как у ракушки... поплавала, поняла, что ей пиздец, погребла обратно к лодке. Лодки, естественно, нет, вокруг вода без берегов, а потом ее засекли с прогулочной яхты...

Снежинки за окном замерли и с любопытством смотрели на Васю через стекло.

* * *

— Трубку, — сказал Вася уже совсем без голоса, стараясь не расплескать горячее молоко. — Егоров. Дай ей трубку.

ЗЕ ЕНД



149845.--Васино счастье (парт севен 18+)

Глава 3

Васино горе

3.1. Васино горе (парт оне 18+)

20 Апреля 2017

id:lj:149855

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ПРО ЖЕН

— И не стыдно тебе? — спросил Егоров, разглядывая прозрачную стену таможенной зоны. — В таком хорошем состоянии, хорошую девушку бросить. А еще интеллигентный человек с высшим образованием.

— Работа, — буркнул Вася. — Я ей сам не советовал ехать, но оно же упрямое, как баран. И злое, как гадюка. И хитрое, как это... Рысья морда. Кисточки на ушах только ей обстригли.

— Росомаха намного хитрее рыси, — авторитетно заявил выдающийся зоопсихолог Егоров. — Росомаха, Вася, такая хитрая, что даже сама себя наебывает. Прячет добычу, а потом заначку найти не может, потому что от себя же спрятала. Если бы росомахи еще чуток хитрее были, то вообще размножаться перестали, только об одном бы думали — как друг друга в этом деле тоже наебать.

— Наша росомаха добычу притащит, не переживай. Я по состоянию счета видел, как она там охотится. Придется новый шкаф для тряпок покупать. Скажи мне, Егоров, ну что можно под утро купить на две тысячи четыреста евро? В три часа сорок восемь минут? Там что, бутики ночные распродажи устраивают?

— Может, устраивают. А может, она просто с кем-то в ресторане отдыхала. Культурно. Ну и рассчиталась за приятеля, — бессердечный Егоров загоготал.

Вася угрожающе засопел.

— О! — радостно прервал его Егоров. — Идет, наша ляляша.

Меж разъехавшихся створок дверей в зал ступила ослепительная Александра Борисовна, катя за собой небольшой серебристый чемоданчик на колесах. Каким образом туда могла поместиться вся добыча, оставалось загадкой.

Вася поспешил навстречу, помогать девушке «в таком состоянии». За ним солидно и неспешно двинулся выдающийся зоопсихолог Егоров, и прибыл к месту встречи в тот момент, когда Бьют подтягивала кривой «двойной виндзор» у Васи на шее.

— Ты бы, что ли, галстуки научил его завязывать, Егоров. Ты же взрослый, серьезный человек, — сказала ослепительная Александра Борисовна. — Возьми, наконец, над ним шефство. Или пусть уже на резиночке носит, как творческий распиздй.

— Между прочим, о присутствующих в третьем лице говорить невежливо, — обижено сказал Вася. — Во-первых, здравствуй. А во-вторых, это не я галстук завязывал, а один взрослый и серьезный...

— Привет, Сашулька! — бордо сказал Егоров, прерывая излишние уточнения. — Как долетела, снежинка?

— Через жопу долетела. В гробу я видела столько в очередях стоять. Постоянно в туалет хочется, и отойти нельзя, потому что потом сразу «вас тут не стояло». Пидарасы они все там и метросексуалы. Никакого уважения к женщине. Мы что, Егоров, граждане второго сорта на этой планете?

— Мы — граждане первого сорта, — важно сказал Егоров. — Просто у нас на этой планете страна второго сорта. Но мы за страну не в ответе. Пока войны нет. Как только война, у нас и страна первого сорта.

— Ну, как там все получилось? — спросил Вася. — Я волновался.

— «Как там получилось», — я тебе три часа назад мейл отправила. Пока все так же, без изменений. Ну, не дуйся, Васька. — Бьют улыбнулась. — Иди сюда. Я тебе подарков накупила. Извини, перебрала по деньгам.

«Магниты на холодильник», — подумал Вася. Еще немножко магнитов — и холодильник упадет дверью вперед, под весом подарков Бьют, наклепанных на него.

Бьют поцеловала его в губы. Как-то по-другому она стала целоваться, отметил Вася. Мягче, плотнее, охотней, облепляя рот Васи, ловя его язык и прижимая своим язычком к нёбу. Как хорошо, что она дома. Пять дней ее не было. Почти шесть. Вася аккуратно взял жену за плечи и подтянул к себе, стараясь не помять животик.

— Хм, — сказал Егоров. — Идем уже, Башкир в машине ждет. Развели тут порнографию, извращенцы. Как вам не стыдно, вон, на вас молодые мусора смотрят, в карманах письки мнут. Развращаете все линейное отделение.

Бьют Великолепная двинулась к выходу из аэропорта — в брючном темном костюме, в туфлях на низком ходу. Уточкой, переваливая округлившуюся в ожидании материнства попу. Вася смиренно покатил за ней серебристый чемоданчик. Егоров шел рядом, выразительно поглядывая на попу, и пытаясь со смыслом подмигнуть Васе. Вася делал вид, что не понимает гнусных намеков.

* * *

— Привет, Санечка, — сказал Башкир, развернувшись за рулем, и широко улыбнулся. Одними бровями, как обычно. — А чо так мало накупила? Васька жадный?

— Васька бедный. А жизнь дорогая, — сказала Бьют, пристраиваясь рядом с Васей на заднем сидении. — Международный капитал диктует условия и взвинчивает цены. Да и куда я в таком виде выряджаться буду? Белорусский трикотаж — наше все. Спасибо им за трусы с начесом, с резинкой под сиськами. Походил бы ты с пузом, Башкир, сам бы понял.

— Куда едем, домой или гудеть? Встреча с родиной, возвращение с триумфом...

— Домой едем гудеть, — строго сказал Вася. — Мы пока только дома гудим. Носом в стенку. Еще долго так гудеть будем.

— Нелюдимый ты стал, Вася, — отозвался бессердечный Егоров. — Вообще, в подкаблучника превратился. Сашулечка, тебе не стыдно иметь дело с таким подкаблучником? Хочешь, я тебе предложу внимание и заботу настоящего мужчины? Который умеет галстуки завязывать?

— Егоров, меня твоя милиционерша расстреляет. Из пистолета. — ответила Бьют. — А потом тебя. — Егоров помрачнел. Это было больное место Егорова, и Вася злорадно улыбнулся.

Машина рванулась с места. Вася прижимал к себе жену, стараясь не наваливаться на нее при поворотах. Водил Башкир быстро, но точно так же, как албанский Алик — совершенно не заботясь о разгоне-торможении. Одна дорожная порода. Зато Башкир жуткую албанскую музыку не слушал, а только рэпачок, йоу, а это серьезный плюс в карму четкому мэну.

«Вокруг шум, пусть так, ни кипишуй, все ништяк», — поддержала Башкира с заднего сиденья ослепительная Александра Борисовна, и начала ритмично кивать лакированной прической. Польщенный Башкир сделал громче, сказал: «йе, систа!» — и, в восторге, чуть не завалил автомобиль набок на очередном повороте.

— Башкир, ты можешь не дергать так машину, — хмуро спросил Егоров, цепляясь за дверь. — Не брюкву везешь. Будущего отца, со всем прилагающимся к этому.

* * *

Злобный Егоров сошелся с Бьют мгновенно, как и предсказывал Вася. Наверное, на почве родства черных разбойничьих душ. Рыбак, так сказать, рыбаку глаз не выклюет.

Он привез ее, криво обстриженную, запаршивевшую, с застарелыми желтыми синяками под обоими глазами, каким-то хитрым кружным путем, через Таллин и Ростов, по дороге заботливо подкармливая полезными для молодого организма чипсами, солеными орешками и коньяком. Сдал на руки Васе, приложив

к этому товару документацию и накладные — пачку фальшивых документов трех стран Евросоюза. Потом потоптался в прихожей, сказал: «Ну, совет вам да любовь» — и свалил заниматься дальше своими злодействами.

Первую неделю Бьют вяло провалялась на Васиной кровати под одеялом, выползая оттуда только чтобы покурить на балконе или сходить в туалет. Отвечала односложно, преимущественно используя слово: «не-а». Вася ходил вокруг нее сумрачный, и вздыхал, шумно и протяжно, как гренландский кит из-под воды.

Потом он устал бессмысленно страдать, и поехал по магазинам на поиски махрового полотенца для Бьют. Мохнатого монстра, подобного брошенному в Албании, он не нашел. Тогда находчивый Вася купил четыре самых больших полотенца, завез их в мастерскую, и объяснил озадаченной швее — что надо сделать.

На другой день Вася вернулся домой с махровым рулоном на плече, размотал его, и набросил на лежащую в постели с журналом в руках Бьют.

— Собирайся, — сказал Вася. — Через два часа летим.

— Куда летим? — перепугано спросила Бьют, выбираясь из-под махрового ковра.

— Никуда. Над городом летим. Ты говорила мне, что никогда на вертолете не летаешь. Так вот, летаешь. Я прогулку заказал. Давай, Башкир под домом на машине ждет. Я машину не беру, потому что потом напьемся.

Бьют натянула махровое одеяло на голову и всхлипнула.

Вернулись они домой вечером, тесно обнявшись. Забрались вдвоем под это гулливверское полотенце и поговорили. О том, что было, о том, что будет, о том, чего не будет никогда. Бьют, то плакала, то переставала плакать, потом наставила Васе засосов на шее, и привычно взгромоздилась сверху, плавно рисуя попой «восьмерку» на его члене.

— Сейчас-то чего плачешь? — обескуражено спрашивал Вася.

— Не-е-е знаю, — редела Бьют. — По привы-ы-ычке. Натерпе-е-елась...

Трахать рыдающую девушку, сидящую сверху, Васе было странно. Сама тебя трахает, понимаешь, и на жизнь жалуется. Вася ссадил ее с себя, опрокинул на спину и навалился сверху, закинув длинные ножки с подсохшими царапинами себе на плечи.

— Я так не могу, Бьютик. Это ненормально. Если ты решила хныкать, тогда лежи снизу и хнычь. В пассивном виде страдай. Плакать снизу надо, это же азы садомазы, тебя что, не учили? — Бьют тут же захихикала и укусила Васю за ухо.

Ну вот что ты с ней будешь делать?

Утром Бьют выклянчила у Васи тысячу долларов (вообще-то просила пятьсот, но Вася добавил, обрадованный тем, что у девчонки появились хоть какие-то желания), и умотала в город.

Осознав через полчаса, что он натворил, Вася не на шутку испугался. Он ходил по квартире, как тигр, из угла в угол, и гадал — не переборщил ли он с гуманитарной помощью? Мелкая жадная зараза вполне могла покупать сейчас билеты в какой-нибудь Тибет, чтобы организовать там высокогорный бордель своей мечты, с ламами, рамами, буддами и мантрами.

А после обеда домой вернулась ослепительная Александра Борисовна. Конечно, пока еще не такая ослепительная, как та, что сейчас прижималась к Васе при поворотах Башкировой машины. Но над откинутым капюшоном конфискованной Васиной мятой «кенгурухи» уже тогда замаячила аккуратно стриженная головка женщины, происхождением явно не из этой одежды. А когда она протянула Васе сдачу с его тысячи, Вася сел на подставку для обуви и поломал ее.

Рысь обнюхала новое логово, и сочла его своим.

* * *

Вася ходил на работу в студию и на аутдорзы, возвращался, покупал по дороге полуфабрикаты, хоботился на кухне и кормил Бьют, сутками клацавшую на клавиатуре его десктопа. Во что она там игралась, стало понятно спустя месяц, когда девушка попросила его перевести письмо на английский. Вася вчитался в безупречный олбанский текст на экране и растерялся.

— И что, за это платят?... Слушай, Бьютик, давай лучше хомяков разводить. Они уже на второй неделе жизни продуктивно трахаются друг с другом. Приплод такой, что хоть на костную муку или биотопливо. Были у меня когда-то хомяки...

— Вася, ты не умничай, а переводы, — нетерпеливо сказала Бьют. — Или мне Егорова просить? Я что тебе, шлюха на содержании? — Вася чуть было не кивнул головой, но вовремя спохватился. — Мне деньги нужны. У меня молодость в нищете пропадает.

Дизайн посуды и столовых приборов был для Васи такой же дурной забавой, как, скажем, маникюр для кошек или кручение фигурок из надувных шариков на пляже. Вася совершенно точно знал, что в мире есть много людей, которым откровенно нечего делать (в отличие от работы Васи, потому что для чего нужно порно знают даже продвинутые пятиклассники), и эти люди, занимаясь разной фигней, страдают сами, и заставляют страдать других. Но Вася трезво поразмыслил, и пришел к выводу, выраженному народной мудростью: «Чем бы дитя ни тешилось — лишь бы хату не спалило».

Дитя хату, все-таки, чуть не спалило, разложив свои эскизы с вилками-тарелками на полу, осветив их Васиными горячими софитами, и ползая на четвереньках вокруг с фотоаппаратом. А потом заболталось по телефону с обаятельным и злобным Егоровым.

После чего в доме появились жженое пятно на паркете, сканер и графический планшет.

А спустя еще четыре месяца ослепительная Александра Борисовна, надменно кивнув Васе нарисованным личиком из комикса, уехала в «деловую поездку». Вася только лязгнул зубами ей вслед. Из поездки Борисовна вернулась через несколько дней, привезя Васе галстук по цене персидского ковра и первые магниты на холодильник.

* * *

— Ого, — сказала Бьют, оглядывая квартиру. — Ничегошеньки. Ты ждал кого-то? А ну-ка, посмотри на меня, муж неверный и гулящий. Или ты это с прошлого раза не убрал? А чего не сожрали все?

— У нас с тобой годовщина сегодня, — хмуро сказал Вася.

— Какая?

— Шесть месяцев со дня свадьбы. Мы утром с Егоровым отмечать начали, до самолета еще долго было ждать.

— Тогда это «полугодовщина», вообще-то. И как такая свадьба в народе называется? Целлофановая или пенопластовая? — поинтересовалась Бьют, стаскивая с плеч пиджачок. — Вам что, с Егоровым уже повода не находится нормального, чтобы выпить? День Бандита отменили?

— Ни на грамм в тебе романтики нет, — обиженно сказал Вася. — Я даже свечи купил для ужина, только забыл их у Егорова в машине.

— Ой, романтик, не напоминай мне свадьбу. Мало того что чуть ли не в подполье гуляли, каждого шороха боялись, так меня еще и тошнило от одного запаха еды. Блевать после каждого тоста бегала. А потом рот в туалете под краном полоскала, все же твои жульбаны постоянно «горько» орут, и тебя целовать надо. И бухать нельзя. Я тебе говорила — давай потом этот цирк устроим, а ты уперся, чтобы ребенок в семье родился, и все такое. Вася, ты что, сектант? Средневековье давно уже кончилось. Какая разница ребенку, где он родился, главное чтобы ему велосипед вовремя купили, а потом телефон. А девушке, может быть, хочется выпить, и в белом платье на столе потанцевать. Хоть раз в жизни...

Вася хотел прокомментировать про танцы на столе, под столом, вместо стола, в белом платье и без него, и без платьев вообще, и не «один раз в жизни» Бьют, но благоразумие взяло верх. Осторожной крысы в голове, регулярно предупреждавшей Васю об опасности, больше не было, и жить приходилось крайне внимательно, взвешивая слова и поступки.

— Бьютик... Ну что ж теперь, разводиться из-за этого? Сказала бы «нет». Вынесла бы гарбуза. Я бы понял.

— Ага, сейчас. Что я — дура? А если бы ты потом передумал, так я матерью-одиночкой буду? Вас, сволочей, надо на слове ловить. Пока вы по пьяни, ради письки обещаете.

— Я потом тебе другую свадьбу устрою, — уныло сказал Вася, еще раз сдержавшись. — Снимем дубль два. Потанцуешь еще на столе.

— Васька, а водка — это тебе? Или ты меня решил напоить и овладеть мною в беспамятстве? — Бьют неожиданно осеклась, и обняла Васю за шею, став серьезной. — Прости, Вась. Глупость сказала. Не сердись, милый.

— Тебе шампанское, безалкогольное. Медицина не протестует, это я тебе как бывший санинструктор говорю.

Вася осторожно обнял жену, стараясь не придавить живот, но и чувствовать его. До чего же было здорово, что она опять дома. Доставала иногда она Васю совершенно невероятно, пугая своими выходками даже самого Егорова, но когда она уезжала за новыми магнитами на холодильник... у Васи появлялось ощущение недостающего зуба во рту. Вроде и не болит ничего, а пустое место постоянно о себе напоминает. Все время его языком проверяешь.

* * *

Вася расстегнул блузку Бьют, аккуратно снял, расцеловывая плечи. Расстегнул лифчик, усадил на кровать, потащил вниз брючки. На него смотрели широко расставленные рысьи глаза из-под темно-русой челки. Снежные волосы еще не отросли.

Бьют красиво беременела, животик не пополз вверх по талии, а висел как приклеенный, выдуваясь плотным, компактным, белым рюкзачком. Сиськи, кажется, вообще не изменились, оставаясь все теми же яблочками с розовыми пимпочками. «Чем мы детей кормить будем?» — тревожно спрашивал Вася на поздних сроках беременности. «Корову купим», — беззаботно отмахивалась Бьют.

Забеременев, Александра Борисовна вычитала где-то о вреде солярия, и поэтому полгода уже ходила цвета молока. Такая невероятная жертва с ее стороны говорила о том, что после родов Васин рейтинг откатится, как минимум, еще на одну позицию после малыша, дизайнерской посуды и денег. Времени терять было нельзя. Пока тебя хоть как-то ценят, надо пользоваться. Тем более что встало у Васи еще в машине Башкира.

— А? — спросил Вася, глядя уютно развалившуюся в постели жену.

— Ага, — ответила Александра Борисовна. — Я сама уже скоро туда руками доставать перестану из-за этого пузана. Побреешь меня потом, кстати, мне самой неудобно. Только сильно сейчас не тыкай. Ты как пихнешь сдуру, куда не надо, так я аж вздрагиваю.

Вася уселся в ногах Бьют, положил ее ляжки себе на бедра, приподнял ее отяжелевший таз, отвел пальцами в сторону распухшую, налитую складку и аккуратно вошел в нее. «Ай...» сказала Бьют и засопела носом, задвигала попой, выбирая положение поудобней.

«Какая же она стала вкусная», — думал Вася, ритмично двигаясь над своей женщиной, стараясь не потревожить плод. — «Это что, природа специально так придумала, чтобы хитрые самцы не убежали из пещеры, сделав свое дело?»

Припухшие губы, закушенные от удовольствия, литой пузик, тугий и упругий, который Вася бережно прижимал, натягивая Бьют на себя, обрезанная челка над прикрытыми глазами, эти ее невероятные «ай!» и «ой!», к которым никогда невозможно привыкнуть, сколько ни слушай. «Нет», — думал Вася: «Все-таки я запишу это, чтобы Бьют не знала, и на мобилку вызовом поставлю. Пусть все оборачиваются».

С наступлением беременности сексуальные аппетиты Бьют не то чтобы увеличились, просто стали непредсказуемыми и труднообъяснимыми. Она могла запросто приехать к Васе на студию, разогнать хихикающих блядей, и воткнуть Васю себе носом между ляжек. Вася глухо жаловался оттуда на то, что ему надо работать и семью кормить, а Бьют сурово говорила: «Ну, так давай, работай. Старайся. Семья тебя прокормит. О, вот так хорошо».

— Может, ты сверху? — спросил Вася, жалея животик.

— Не-не, давай работай. Старайся. — промурлыкала Бьют. — О, вот так хорошо Бьют внезапно заняла, цапнула Васю за руку, потянула на себя, прогибаясь в спине, выпячивая живот ему навстречу, требуя глубже и плотнее, стиснула его несколько раз мягким влагалищем и бессильно обмякла. Вася догнал ее на лестнице в небеса, и обмяк тоже.

Бьют задумчиво полежала, глядя в потолок и забросив на Васю ногу. Потом полезла ладошкой себе между бедер, достала мокрый палец, и лизнула его, хитро глядя на Васю. Затем глаза ее округлились.

— Ой! — сказала Бьют. Но это было не то влажное тягучее «ой», которое собирался записать коварный Вася в качестве рингтона, а совсем другое. Как если бы молоко на плите убежало.

— Что такое? — встревожился Вася.

— Ничегошенько! Я же тебе подарок купила. — Бьют неуклюже слезла с кровати и пошлепала в прихожую, проворачивая белую попку. Такая попка стояла даже магнитов на холодильник. Сейчас наклеим их, эти магниты, и займемся попкой внимательнее. Вася потянулся на кровати.

Бьют завозилась в прихожей над своим чемоданчиком, а потом появилась в проеме двери с чудовищного размера биноклем.

— Это что? — испуганно спросил Вася. — А где магниты?

— Это самовар, конечно, — ответила Бьют. — Ты что, опять по-куриному ослеп? Ты ешь, вообще, витамины, которые я тебе покупаю? Это бинокль фирмы «Карл Цейсс». Я знаю, ты такое любишь. Дорогой бинокль, между прочим. Две тысячи четыреста евро. Я на тебе не экономлю, дарлинг.

— А где это бинокли по ночам продаются, дарлинг? — подозрительно спросил Вася. — Ты что, в итальянском военоторге витрину разбила?

— Дурачок ты, Вася, — Бьют вздохнула и села рядом с мужем, обняв его. — Да еще и шпион гнусный. В интернете все давно уже покупается и оплачивается. Я просто сразу забыла купить, а утром бегать по магазинам времени не было, надо было в аэропорт ехать. Спозаранку в гостиницу и привезли.

Бьют полезла на кровать, обошла ее по углам, как настоящая рысь, подумала и встала на четвереньки, расставила колени, растопырила ляжки и призывно посмотрела на Васю. Такое растопыривание Вася называл «распопыриванием». Это был ультиматум, который отвергнуть Вася не мог.

— Только снизу меня придерживай, и в попу не лезь, — сказала девочка из комиксов. Вася взял бинокль, перевернул его и посмотрел на Бьют другой стороной немецкой оптики.

— Ах ты, писечка моя... маленькая... — ответил Вася.

* * *

Егорову было плохо и грустно. Жизнь его дала трещину и покатила под откос. Виной всему был капитан милиции. Вернее, капитанша. Егорова Татьяна Егоровна, тридцать два года, уголовный розыск.

Нет, она не ковала Егорова в наручники, и не волокла на кичу — просто выскочила однажды на ночную дорогу, под свет фар, и панически замахала руками. Злобный Егоров решил не сбивать ее, а выяснить — в чем дело?

Осмотрев продавленный диском до корда спущенный скат «Микры», злобный, но вежливый Егоров сообщил маленькой темноволосой женщине, что менять колесо не на что, а вот дальше, через два километра, в Чайках, есть станция техобслуживания с вулканизацией, и даже ночью она работает. Так что он свозит маленькую потерпевшую туда и обратно, да ладно, не стоит благодарности. Егоров снял колесо с «Микры», забросил в багажник, посадил маленькую женщину с ямочками на щеках в свою машину, и они поехали чинить и вулканизировать.

Станция условно работала, но в праздничном режиме. Доступ туда был открыт всем желающим, однако персонал был потрясающе пьян, попытки переговоров ни к чему не привели, а увещевания вызвали встречные оскорбления и предложения сучке отсосать, а пидарасу идти нахуй. Таня восхищенно понаблюдала за побоями, причиненными злобным Егоровым нерадивым сотрудникам сервиса, а также зафиксировала факт хищения маленького временного колеса, в обмен на оставленную во рту у одного из веселых механиков мелкую купюру.

— Егоров, — сказал Егоров, закончив устанавливать колесо на хроющую «Микру», вытерев запачканную руку о дорожные штаны, и протянув ее для знакомства.

— Егорова, — ответила женщина, пожалала руку и прыснула от смеха. Егоров подумал и тоже улыбнулся.

В тот раз она поехала к себе домой. Егоров на всякий случай, до города медленно ехал за ней, подсвечивая сзади фарами. Ему было приятно думать, что вот есть такие маленькие, ужасно красивые женщины, которые тоже, как он, Егоровы. Хорошо, когда ты не одинок в мире, когда есть другой Егоров, который поддержит и поможет. «Если еще мы, Егоровы, помогать друг другу не будем», — думал Егоров: «То все, пиздец, этот мир можно закрывать на переучет».

А через два дня Егоров к ней приехал сам, с новым полноразмерным колесом, запакованным в подарочный лавсан, перетянутый пошлым красным бантом, с итальянским алкоголем и букетом хризантем.

Так началось падение Егорова.

Осознание произошедшего к Егорову пришло примерно через месяц, когда Таня, поддавшись на его нудные и настойчивые уговоры, все-таки перебралась к нему на квартиру, и повесила в Егоровском шкафу свою милицейскую форму с капитанскими погонами. «Ой, а разве я тебе не говорила?»

Хлипкую сиротскую кровать Егорова, истинное украшение четырехкомнатной квартиры, они раздолбили за пару недель, и переехали на пол, обложившись тонной искусственного меха. Егоров соблазнял Таню мебельными каталогами с двуспальными кроватями, но с уютного пола она переезжать не хотела. Половая жизнь, объясняла она Егорову, потому так и называется, что на полу удобнее.

Так Егоровых стало двое.

Мутный Азот, пытавшийся пошутить на эту тему, что, мол, даже паспорта Егоровым менять не придется, чуть не получил по зубам.

Вася тоже чудом избежал расправы, предложив взять двойную фамилию. «А что», — говорил он: «Татьяна Егоровна Егорова-Егорова — это же почти как «тридцать три корабля лавировали-лавировали...» Башкир прямолинейно выдвинул версию, что Егоров все уже обтяпал, а сейчас просто непонятку включил, чтобы на свадьбе не проставляться. И вообще — хуй его знает, кто там на самом деле Егоров, надо девичью фамилию проверить у обоих. Егоров только скрипел зубами в бессильной злобе.

Самое ужасное случилось, когда милиционер Егорова спросила бандита Егорова — а чем он, собственно, по жизни занимается и на какие шиши живет? Совершенно правильный для женщины вопрос, который, между прочим, надо задавать до переезда, а не после, застал Егорова врасплох. Не будешь же правду рассказывать о веселых злодействах и милых негодяйствах. Не подумав о последствиях, Егоров брякнул, что работает у Васи на студии. Идея изначально казалась здоровой — Вася, если что, подтвердит.

«Ой!» — сказала Таня: «Как здорово! На настоящей студии? А можно посмотреть? Когда мы поедем? Давай сегодня!» Когда отговариваться больше стало невозможно, Егоров набрал Васю по телефону и попросил помощи, обещая быть вечным должником в этой, следующей и позаследующей жизни. Звонил Егоров из собственного туалета, говорил шепотом, что показывало всю глубину его падения.

Блядей, намазанных маслом, перепуганный Вася успел отмыть и разогнать со студии ровно за пять минут до прибытия очаровательного капитана милиции.

«Ой!» — сказала Таня: «Так это вы моего Петьки начальник»? Вася осторожно посмотрел на Егорова и неуверенно кивнул головой, Егоров чуть не зарычал. «Смешно-то как» — говорила Таня, бродя по студии: «Василий Иванович, и его Петька». Васе было не смешно, ибо в глазах Егорова, вместо благодарности, пылало обещание кровной мести «Василий Иванычу» минимум на три поколения.

«Ой!» — сказала Таня, увидев забытый на стеллаже фаллоимитатор лошадиного размера: «А это что? Это тоже для съемок?»

«Это искусственный член импортного производства», — вдохновенно сказал честный Вася: «Я их на прокладки для оборудования режу. Если как колбасу резать, то примерно нужные по размеру шайбы получаются. Там же силикон высшего качества, его же специально для контакта с телом изготавливают, прилегает к деталям плотнейше. Технический силикон такого качества у нас не достанешь. Дешевле вот это покупать, и потом самому резать, чем по каталогу из заграницы заказывать. Видите, чем в нашей стране приходится заниматься вместо творчества? Самому стыдно, а выбора-то нет...» — Таня с сочувствием покивала головой и положила прозрачный хуй на место. Егоров медленно отвел руку от пистолета.

Вряд ли он собирался стрелять в безвинного Васю или любимую Таню. Скорее всего, намеревался застрелиться.

Так и жил Егоров двойной, черно-белой жизнью. Наслаждаясь и мучаясь. Ночью он яростно мял своего маленького капитана милиции с двумя ямочками на щечках, и двумя ямочками над попкой, а утром покорно чистил зубы, брился, одевался, и уходил «на работу». На два этажа выше, в том же подъезде — на съемную квартиру, где и заваливался дальше спать до обеда.

Один раз он чуть не провалился на явке, как профессор Плейшнер, во время миграции в майке и трениках между своим любовным гнездом и тайным лежбищем, когда Таня внепланово вернулась с работы

за какой-то дребеденью. Спасла профессиональная реакция. Егоров стоял, вжимаясь в стену, и старался дышать тихо, пока Таня не клацнула замком его же, Егоровской квартиры, в которой он сам стал изгоем и рабой любви.

Жить двойной жизнью для злобного Егорова было невыносимо тяжело. Теперь он спал на полу в собственной квартире, изгонялся по утрам оттуда «на работу», а по ночам его с визгом и азартом трахала милиция. Милиция засовывала язык ему в рот, теребила яйца, снисходительно называла «Петькой», а потом поворачивалась спиной, требуя не храпеть на ухо.

При этом Вася был его «начальником», — такой молодой, а уже босс, не то что ты, балбес, Петька...

Вася старался не шутить на эту тему. Сочувствуя приятелю, он даже как-то предложил пристрелить Егоровское горе. На что Егоров только вздохнул и сказал: «Не поможет...»



149855.--Васино горе (парт оне 18+)

3.2. Васино горе (парт тво 18++)

20 Апреля 2017

id:lj:149857

ГЛАВА ВТОРАЯ, ПРО МУЖЕЙ

В такие дни, как этот, Вася любил свою работу.

Постановочное порно он снимал редко, поскольку таланта особого к этому не имел. Ограничивался видеовизитками экспортных шлюх для Ибрагима и его компаньонов, благо заказов хватало. Но в этот раз на студию заехала веселая компания из Питера — каким ветром их занесло в Васин город из северной порностолицы, он так и не понял, однако заказ поступил, аванс был оплачен и пришлось браться за работу.

Три девулечки-симпатюлечки и двое развеселых небритых ебак, глушивших пиво и почесывавших яйца. Яйца, кстати были бритыми. Через час работы Вася сам начал улыбаться, а через три — откровенно ржать.

Ему действительно нравились эти молодые, смешные, чистые, вкусно пахнущие симпатюлечки, и их веселые ебаки, комментировавшие процесс съемки так, что Вася иногда чуть не ронял камеру. «Мораль...», — думал Вася: «Ну вас нахуй, с вашей моралью. Люди трахаются себе на здоровье, им это нравится. Не на цепи же они в подвале у Хаши сидят, и не выламываются через силу на продажу перед камерой. Девки вон вообще зашлись, попами друг к другу, хоть за хвосты их растаскивай, как барбосов».

Девкам тоже нравилось у Васи. Когда веселые ебаки в перерыве между сценами оделись и пошли за бухлом, Вася не удержался, и лизнул мармеладный сосок одной из симпатюлечек — Маринки. Беспутные девки тут же с писком набросились на Васю, поволокли его на диван, стоявший в окружении резиновых рельсов для тележки с камерой, и начали стаскивать с него штаны. В ответ на неуверенные протесты Васи, они с хохотом поясняли, что оральный секс супружеской изменой не считается, а является просто формой расслабляющего массажа. Вася девкам был симпатичен, как человек продакшна с одной стороны, но явно свой расписдзяй с другой стороны.

Две из них устроили Васе «хот-дог» из влажных целовашек и Васиной сосиски, а третья разместилась у Васи на голове, мотивируя это сексуальным равноправием и социальной справедливостью. Писька была у нее плотная, свежая, пахнущая молодым и здоровым человеком, которому не нужны совсем парфюмы и дезодоранты, только чистая вода, утренняя зарядка и самое простое детское мыло. По комсомольски задорная писька, с триммингованной полоской шерсточки, ведущей прямо в светлое, влажное и сочное будущее.

«Видел бы меня сейчас Егоров», — отстраненно подумал Вася: «Это же пиздец по всем понятиям». Потом Вася решил, что не Егорову, еженощно трахаемому милицейским капитаном, читать ему уголовные морали, и вкусно прищемил у наездницы выпуклый клитор в гладком капюшончике кожи губами. Девчонка взвизгнула, крепко сдавила Васины уши загорелыми бедрами. Легко приподнялась над Васей, просунула голову себе между ног, и, радостно скалясь, посмотрела на Васю из-под своей румяной попы и пипы.

— Ты чего кусаешься, бармалей? Маринка, а ну, цапни его за перец, он кусается, гад такой. Вася раздвинул упругие питерские полужопки, любуясь тем местом, где обычный цвет человеческой кожи переходит в невообразимый, не определяемый «пантоном» колор. Где женская шкурка, через тонкий перламутр спайки, переходит во внутренний пурпур. На грани щелки, которую сколько не трахай, все равно никогда не поймешь полностью, и не опишешь словами. Потому что именно от пизды, например, — размышлял Вася, — Происходит слово «пиздец», которое отличается от других слов необъяснимостью, невозможностью точного семантического позиционирования и отсутствием синонимов. Вот как хочешь — так и понимай. «Это пиздец», — решил Вася и потянулся к нему губами.

Тут Васю, действительно, мягко и плотно тяпнули за хуй и потащили на себя, Вася взвыл и кончил, как бахчисарайский фонтан.

А потом пришли веселые ебаки с чудовищным ассортиментом шампанского, коньяка и пива в полиэтиленовых пакетах, увидели это безобразие, и с хохотом к нему подключились. «Ребята, давайте хоть что-то

снимем», — жалобно упрашивал их Вася, с трудом отрываясь от комсомольских прелестей: «Мне же аванс потом возвращать придется».

— Давай снимем, — радостно соглашались ебаки, — только с девок уже снимать нечего, кроме чешуи.

Девки ржали и прыгали ногами на Васином студийном диване. А потом, в голом виде, с визгом и писком, начали катать друг друга вокруг дивана по резиновым рельсам на тележке камеры. Полупьяный Вася снимал эту оргию второй камерой, называя всех комсомолок «Маринками», отличая их только по стрижкам на лобках — «треугольничек», «полосочка» и «голенькая». Трио Маринычей.

Ебаки пили коньяк, травили анекдоты, и иногда ловили девок, катающихся с воплями на тележке.

Конечно, это не работа, это порнография какая-то.

Вася сидел с ебаками на диване, передавая по кругу бутылку коньяка, и обсуждал великих людей современности. Вот, говорил он одному ебаке, Дженни из Сочи, которая с нарисованными бровями, ей же можно электричку в жопу загнать! Это же талант! Блядь, я бы хотел ее снять в историческом фильме, как триста спартанцев защищают проход...

— Да, — говорил старший ебака, — То есть, нет. Женька может и электричку принять. Но она хорошая девчонка, добрая и ласковая. Ты нихуя про нее не знаешь. Триста спартанцев там ничего не сделают. Там линия Маннергейма нужна, с минными полями и колючей проволокой, а не триста голых греков в кожаных стрингах. Вот такая там жопа... — ебака глотнул коньяк и передал бутылку Васе. — Если бы ты знал, какая там жопа, то другое кино снял бы. Оперу, блядь. Симфонию. Анально-героическую! Она нормальная вообще девушка. Ее вообще все хотят. Ради нее столько спермы в кулаки пролилось, что можно Аральское море восстановить! Ты просто поговори с ней... Коля, а набери-ка Женю, пусть Вася с ней поговорит. Пусть поймет, что это за золотой человек.

Вася робко отнекивался, но младший ебака потыкал кнопки на смартфоне и передал его Васе, ободряюще подмигивая. «А Женю можно?» — робко спросил в трубку Вася. Из смартфона мужской голос послал Васю нахуй и пообещал оторвать ему яйца, если он еще раз позвонит на этот номер. Вася вежливо сказал: «Спасибо» и вернул смартфон.

— Вот, ты понял! — торжествующе сказал старший ебака. — Я же говорю, баба — золото! Такие где попало не валяются. Это национальное достояние!

Голые Маринки под ликующие вопли с грохотом повалили тележку с камерой набок. Съёмочный день был закончен.

В итоге, кое-как набрав материал на монтаж, преимущественно в стиле «behind the scenes», Вася на студийном бусике с водителем повез питерских комсомольцев на вокзал, провожать. Долго обнимались возле поезда, пьяная Маринка (кажется, «треугольничек»), не выдержавшая смеси коньяка с шампанским, плакала Васе подмышку. Ебаки братски хлопали его по плечам и звали в гости («Ты ахуеешь от белых ночей, Вася, бля буду»). Потом компания погрузилась в купе, девулечки-симпатюлечки расцеловали окно вагона изнутри, испачкав его помадой, затем задрали майки и размазали крепкими грудками помаду по стеклу. Поезд лениво тронулся. Провожающие на перроне со злобой и завистью смотрели на Васю, медленно идущего возле уплывающей порновитрины с расплюснутыми о стекло сиськами и машущими на прощание веселым ебаками.

Какой-то гражданин с лицом бывшего полковника внутренних войск сказал Васе: «Вообще уже распустились, управы на вас нет». Вася миролюбиво ответил ему: «Иди нахуй», и пошел дальше рядом с поездом, провожая друзей

Потом фирменный поезд разогнался и понесся в свой далекий Питер, а Вася пошел к бусику, думая о том, как хорошо, в принципе, жить, если все в жизни по любви и согласию. В кармане внезапно зазвонил телефон.

— Але, Вася, — сказал один из ебак. — Пока мы не тут отъехали на роуминг, тебе Маринка хочет два слова сказать.

— Давай, — сказал Вася.

— Вася, ты точно приедешь? — спросила одна из Маринок, судя по голосу то ли «полосочка» на лобке, то ли «гладенькая».

— Точно приеду, — сказал нетрезвый Вася.

— Свою мурмулялку тоже бери. Когда она разгрузится. Я ее занямкаю. Всю, до косточек. Если это та, что на видео была. Я вообще ее всю съем. И вторая Маринка тоже ее съест, она сама сказала, и третья Маринка. Ты приезжай к нам, и свою ляльку бери обязательно. — Хорошо, возьму, — ответил Вася, и, тяжело спяну цепляясь за поручень, сел в студийный бусик.

— Доедьте только там нормально, ладно? Поезд не переверните. Поебьтесь тихонечко, и спать бегом.

— Хорошо, Вася, поебемся тихонечко. Маринка уже ебется тихонечко, а Маринка в вагон-ресторан пошла, — сказала Маринка. — Фотки пришли ваши, ладно? Вконтакте дай. Свои и лялькины тоже. Пока. Целую, творческих успехов, — и сбросила звонок.

— Поехали, — сказал Вася водителю. Ему захотелось домой, к Бьют. Занямкать ее до косточек. Пока другие не занямкали. Много вас тут развелось, желающих нямкать...

* * *

Бьют дома не было. Вася набрал ее номер, но абонент был недоступен.

Ослепительная Александра Борисовна никогда не соизволяла отчитываться о своем месте пребывания, как и во времена своей бурной молодости. Есть же у человека свои принципы, что ни говори, а это всегда вызывало уважение у Васи.

Вася залез в душ, помылся, затем засел за компьютер. Безалаберная Бьют хорошо знала о своей безалаберности, которая мешала ей зарабатывать деньги, поэтому научилась вести в компьютере таск-менеджер, спрятав его от любопытного Васи за секретным паролем «12345678», оберегая свою приватную свободу, тайну переписки и прочие ужасные девичьи секреты.

Вася ввел секретный пароль и уставился в планы Бьют на сегодня. Ничего важного на вечер, кроме «купить Курецу и Маинез», запланировано не было. Вася задумался. При всей своей непутевости, Бьют крайне серьезно относилась к собственной беременности, обещая в будущем стать злобной рысиной мамашей, свирепо рычащей над своими слепыми мохнатыми детенышами. Такие исчезновения были не в ее стиле. Совсем.

По идее сейчас она должна была валяться с журналом на диване, нудить Васе на ухо или с сопением поднимать пятки, укрепляя пресс. Вася однажды заикнулся о кесаревом сечении, и чуть не откусил себе язык, зализывая вину по всему телу полуобморочной жены. После боксаттеров Хаши Бьют нельзя было резать. Ничем. Даже близко нож не подносить. Так что рожать приходилось через одно место.

Вася зашел в свою почту и с недоумением уставился на гигантское вложение в письмо, отправленное с неизвестного, явно одноразового адреса. В заголовке было написано «Beaut \$\$\$». Вася автоматически удалил этот спам, потом вздрогнул и полез доставать его обратно из корзины. Закачал несколько мегабайт видео, и клацнул по кнопке воспроизведения.

И время-пространство свернулось в сингулярность.

* * *

— Привет, Вася, — сказал мертвый человек. Мертвый настолько, что должен был уже даже перестать разлагаться, превратившись в песок и нефть.

— Не ждал? Я сам не ждал, если честно, да. Но вот так получилось. Ты не виноват, ты хорошо старался. На, смотри, — мертвый человек повернулся к Васе спиной, демонстрируя затылок.

— Я тебя понимаю, Вася, — сказал Звонимир, застреленный Васей два года назад в Албании, на дороге во Влеру. — Я даже не обижаюсь сильно, хотя ты почти прострелил мне голову, да. Мужчины иногда убивают друг друга, да. Но ведь ты меня обманул, да? Ты всех обманул. Никуда тебя Хаши не посылал, он к тому времени уже углем был. Ты из-за сучки своей нас всех убил, да. И меня тоже. Зачем? Разве нельзя было договориться, да? Ты же хотел договориться? Или мы тебе твою сучку не отдали? Мы же ее отдали, да? Эй, покажи... — Звонимир обратился к кому-то другому, находившемуся в помещении. Вася сидел перед монитором, как кролик перед удавом. Кто-то повернул камеру, и он увидел лежащую на полу голую Бьют, притянутую за одну руку к какой-то трубе, с кровью под носом и синяком на бедре. Один глаз у нее заплыл. Камера вернулась на место.

— Вот так, Вася, да. Я купил у тебя мотоцикл, а ты меня застрелил. Разве это честно? Нет, это не честно. Я думал, что откупаюсь от Хаши, а на самом деле откупался от тебя. Кто ты такой, чтобы я откупался от тебя? Пиздюк в шортах, да. Но я ведь не просто заплатил тебе, и получил за это пулю в голову. Это только начало, да. Еще труднее было выжить потом, когда Ибрагим начал копать в трупах. Понимаешь, как это было трудно — выжить? Ты понимаешь меня, Вася, да?

Вася непроизвольно кивнул головой, не соображая уже, что общается с видеозаписью.

— Я бы вытащил ей сейчас потроха из брюха, вместе с твоим ублюдком. Ты же любишь страшное кино? Да ты большой специалист в этом! — Мертвый Звонимир пожал плечами. — Но я не такой как ты, Вася, да. Я добрее. Бегать от Ибрагима стоит дорого, это расходы, а жизнь хочется всем. Поэтому я предлагаю тебе сделку, да. Сумма, счет и сроки указаны в текстовом приложении. Контакт для ответа тоже там. Сам понимаешь, если бы я хотел просто отомстить, ты бы другое кино увидел. Но мне деньги нужнее. Зачем мне твоя блядь? Она только тебе нужна. А чтобы ты не думал, что я щучу... Эй, покажи, — опять повторил Звонимир

Камера снова отъехала назад, захватив пристегнутую одной рукой к стене Бьют общим планом. Звонимир резко встряхнул черный продолговатый цилиндр, зажатый в кулаке, выбрасывая телескопическую металлическую дубинку с набалдашником на конце, ткнул ею в лицо Бьют. Она, защищаясь, рефлекторно вскинула свободную от наручников руку к лицу. Звонимир примерился, и с оттяжкой, из-за спины, ударил по предплечью девушки, ломая кость.

Бьют и Вася заорали одновременно. Потом Бьют на видеозаписи замолчала, прижимая искалеченную руку к животу. Вася продолжал скулить.

— Вот так, Вася. Потом я ей поломаю вторую руку. Потом третью. Знаешь, где я у нее найду третью руку, да? — Звонимир поставил ногу на выпуклый животик Бьют и покачал его ногой туда-сюда, как футбольный мяч в центре поля перед распасовкой. — Кстати, после перелома руку можно просто оторвать. Если хорошо дернуть. Можно подрезать. Ее же больше ничего не держит, кроме мяса, да. Все, Вася, принимай решение. Видео можешь отнести в свою полицию, или как там она у вас сейчас называется. Мне не жалко, да. Расскажешь им, как ты убил трех граждан Евросоюза. И чем ты занимался в остальное время. Блядь свою тогда ты больше не увидишь, а ублюдка я тебе пришлю. В формалине. Это небольшая посылка будет, да. Трехлитровая банка, в которых у вас раньше березовый сок продавался. Я же помню эти банки, я у вас учился, да. Как раз влезет, если плотно затолкать. Пока, Вася.

Вася сидел молча, оглохший и ослепший. Видеопроеигрыватель доиграл файл до конца, и завел запись сначала.

« — Привет, Вася...»

Вася кулаком разбил монитор, пустив по нему белую паутину трещин. Проеигрывателю было все равно, потому что он находился не в мониторе. Проеигрыватель продолжал читать:

« — Мужчины иногда убивают друг друга, да. Но ведь ты меня обманул, да? Ты всех обманул?» Вася полез к системному блоку и угомонил сволочь. Долго сидел, глядя в мертвый монитор.

Потом набрал номер на телефоне. Терпеливо слушал гудки.

— Але. Да, знаю который час. Они Сашку мою украли. Лицо ей разбили, руку сломали. Живот хотят разрезать. «Кто они», Егоров, не еби мне мозги, кто же еще? Денег хотят. Только они ее все равно, наверное, не отпустят, — Вася всхлипнул. — Егоров, приезжай.

* * *

Военный совет состоялся на рассвете, как и положено всем военным советам. Когда голова полководца ничего еще не соображает, но тянуть с решением уже нельзя.

— Деньги мы найдем, — сказал Егоров. — Ибрагим даст. В конце концов, это и его дело тоже. Более того, прежде всего — это его дело. За его отца ты отвечаешь своим ребенком. Ибрагим их после этого на дне моря достанет. Вася, не дергайся так. Три дня уйдет на перевод. Выходные, блядь, банковские дни, тут ничего не поделает. Тяни время. Потом считаешься, как-нибудь с Ибрагимом. Но ты прав — они ее не отпустят. Я бы не отпустил, например, если бы ты мне в голову выстрелил. Извини, Вася, — с логикой у Егорова было неладно.

— Отобратить, — сказал Башкир. — Приехать и нахуй всех поубивать. Я пойду. Азот пойдет. Он уже выехал из Полтавы, отзвонился, через три часа будет здесь. Тяжелаяк есть, два «шмеля», два «пе-ка» есть. «Корд» есть, только его монтировать надо, на раму ставить. До обеда можно управиться, сварка тоже есть. Как его по улице везти, я пока не понимаю, клеенкой, что ли накрыть? Мелкой стрельбы тоже много. Даже один инграм» есть. Какого хуя вообще? Если тебя застрелили, так лежи, отдыхай спокойно, а не ползай по поверхности. Говорите куда ехать, я поеду.

— Не знаю куда, — грустно сказал Лисовский. — Тысяча прокси. Если бы просто позвонили, и было время подготовиться, может быть, что-то нарыл. Я аппарат подвез, подключил, будем ловить. Надо поговорить с ними, с этими пидарасами. Пусть Вася хоть о чем-нибудь поговорит с ними, хотя бы «бе... ме...». Только у меня возможности не те. Мне помощь официалов нужна. Егоров, у тебя, говорят, родственные связи в милиции. Может, ты поднимешь там вопрос?

— Она меня убьет, — мрачно сказал Егоров. — Застрелит нахуй. Даже хуже. Она меня заарестует, посадит в тюрьму, и будет приезжать ко мне на долгосрочные свидания, причем в форме. — Егоров скосил глаза на Васю, сидевшего в углу стола. Вася тоскливым, волчьим взглядом смотрел на Егорова.

— Ну, хорошо, ладно. — Егоров прокашлялся. — Чо спрашивать-то у нее надо?

— Не знаю, — сказал Лисовский. — Что-нибудь спрашивай. Их же там учат, как людей искать? Нахуя тогда они вообще нужны, эти мусора? Пусть хотя бы меня в свои закрома пустят, дальше уже будет почва для размышлений.

Егоров перекрестился, выдохнул, и полез за телефоном.

* * *

— Сукин сын ты, Егоров, — сказала капитан Егорова, примчавшаяся на «Микре», приходя в себя после невероятного рассказа. Она бы не поверила в этот потусторонний бред, но обморочный Вася, угрюмый Башкир и покаянный Лисовский гарантировали реальность страшной сказки — Значит, Башкир тоже не олимпийский чемпион, а Васька не кинорежиссер? То есть вы вообще не те люди, да? А может вы вообще не люди? Мутанты из Син-Сити?

— Васька настоящий режиссер, — поспешно сказал Егоров. — Просто у него все фильмы про любовь. Честное слово. А Башкир кандидат в мастера спорта, а то, что он не олимпийский чемпион — так это дело времени. Он тренируется. И я не врал, а приукрасил. А Васька — точно режиссер, новый Тинто Брасс. Вася, ну скажи ей.

Вася, сидевший в прострации, механически кивнул головой.

— И что мне теперь делать? — горько спросила Таня. — Как ты себе это представляешь? Вы сейчас заявление напишете? В милицию? «Мы тут немножко поубивали людей, отчасти садистскими методами, торгуя при этом оружием и проститутками за границу, а потом у нас беременную девочку в заложники взяли. Которую мы нелегально в страну ввезли»? Ты понимаешь, что это заявление надо не в милицию подавать, а в литературное издательство? Вас, гавнюков, всех сажать надо. Пожизненно. Без права на УДО. Я сейчас, вообще-то, должна опергруппу вызывать. Я присягу давала.

Егорова поморгала карими глазами.

— Скоты вы все, мне только Сашульку жалко, зачем она с вами связалась, бедная девочка? Вася, ты в курсе, что ты ей не муж по закону, если она с тобой по фальшивому паспорту регистрировалась? Ты мошенник. Брачный аферист. Черт, что я несу... — Таня помотала волосами, — Какой мошенник?... мошенник — это комплимент в твоём случае. Почему вас Интерпол не ищет, вообще?

— Я напишу заявление, если надо — робко сказал очнувшийся Вася. — А отцовство экспертиза докажет. Я кровь сдам. Сейчас по крови определяют. «Вася, не пизди», — сказали хором, одним голосом Егоров, Егорова и Лисовский, и только башкир, как обычно протупив, отозвался лишь секундой позже. — Не пизди, Вася.

— Минимум их двое, — сказала маленькая капитанша. — Это ясно сразу, даже дебилу. Максимум — не знаю, от трех до пяти, думаю. Больше — смысла нет. Деньги небольшие, на самом деле, при таком раскладе. Люди четко понимают Васькины финансовые возможности, даже учитывая кредит.

Обычно за пределами больше требуют, оставляя поле для торга. Значит, точно, живой не отдадут. Лисовский, скинь этот ролик мне на мыло. Сиди на связи постоянно. Вася, любой контакт с ними держи, сколько сможешь. Клянись, божись, землю ешь. Не бойся, думаю больше ее наглядно калечить не будут, чтобы не вызвать у тебя окончательного понимания ситуации. Это «гештальт» называется. Им не надо его закрывать, чтобы у тебя крыша не зафиксировалась, и ты не стал непригоден к переговорам. Им надо, чтобы ты трепыхался и разваливался постоянно, а не собирался в злую кучу.

Егорова грозно посмотрела на Васю, но там грозить было уже некому, Вася был сделан из промокшего папье-маше с отчаянием вместо пластилина внутри. Он поднял на нее такие глаза, что маленькая Егорова вздохнула и погладила его по голове, как кота.

— Я что вам, генерал контрразведки? Терминатор? Сейчас щелкну пальцами — и «оп»? Все, я поехала что-то делать. Не знаю пока что. Телефоны чтобы у всех работали. Егоров, ты, сукин сын, вещи мои собери на выезд. И колесо свое сраное подарочное тоже заberi. А ты, Вася, долбоеб, если честно. Якудзы доморощенные. «Коза-ностра» с водокачки.

Егорова пошла на выход и лязгнула входной дверью, Егоров горестно смотрел ей вслед. Кажется, ему «гештальт» уже закрыли. А «коза-ностра» с водокачки было уж совсем несправедливо.

Васин мобильный телефон на столе внезапно запрыгал и затрещал. Вася цапнул его и прижал к уху. Слушал, отвечая одними «да» и «нет», потом посмотрел слепым взглядом на Егорова.

— Что там? Эти?

— Ибрагим звонил, — мертво сказал Вася. — Говорит, денег не даст. Все равно ее не вернут, значит, нет смысла деньги дарить. Зачем, чтобы им легче прятаться было? Но он обещал отомстить. Памятью отца клялся. В гости приглашал, футбол смотреть.

— Ебал я его отмщения, — проворчал Башкир, — Я сам за Санечку отомщу так, что все ваши Ибрагимы охуеют. Мститель нашелся, неуловимый. Небось, веноч только пришлет с надписью «От Ибрагима, скорбим, помним»...

Вася сложился вдвое и потек со стула.

— Башкир, ну вот нахуя такое вслух говорить при родне практически усопшего? — укоризненно спросил Егоров. — В доме повешенного про веревку не говорят. Совесть имей, а?



149857.--Васино горе (парт тво 18++)

3.3. Васино горе (парт три 18+)

21 Апреля 2017

id:lj:149859

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ПРО ДРУЗЕЙ

Вася лежал на кровати, лицом в бьютикову подушку.

Он видел Бьют, которую знал. Сопливаю заразу в белой мужской рубашке, с мокрыми пятнами от купальника, которую ему показывал, как кобылу, Хаши.

Голую и милую, пробравшуюся к нему в номер с гигантским махровым полотенцем, единственной своей любимой вещью.

Пьяную в хлам, хрипящую и слюнявую, с членом черного натовского полковника в заднице.

Злобную и когтистую, вломившуюся к нему в окно, располосовав противомоскитную сетку. Бьющуюся в истерике, в салоне залитой кровью машины, стоящей на обочине пыльной дороги. Обстриженную и погасшую, с подбитыми глазами, на пороге своей квартиры.

Гордую и снисходительную, купившую Васе в подарок первый магнит на холодильник, за собственные деньги.

Смущенную и неуверенную, с кастрюлей жуткого варева из плохо очищенной рыбы и моркови, которое она впервые в жизни соорудила на кухне, явно собираясь отравить им Васю.

Он видел Бьют, которую не знал. Малолетку в интернате, пущенную по кругу «старшаками» в мальчиковой спальне. Девчонку, которую драфтер Хаши вез через Румынию «на хорошую работу за границу», с маленьким рюкзачком, где лежали только трусики-недельки и дешевая косметика. Забившееся в ужасе в угол бетонного подвала существо, напротив которого истошно выла вчерашняя подруга с обугленной головой, подвешенная за ногу к потолку. Плывущую «по-собачьи» по бликующему Адриатическому морю, в краденном спасжилете, с безумной мыслью доплыть до берега, подальше от своих кошмаров.

Не была она глупой, просто ее не интересовали разные вещи, важные для других. Не была она жадной, просто за деньги ей приходилось подставлять рот и задницу кому попало. Не была она лживой, потому что за правду ее били, отнимали имя и прошлое.

Жила она, как могла, как умела.

От глагола прошедшего времени «жила» Вася содрогнулся и перевернулся на постели лицом вверх.

— Боже, за что ей все это? — спросил Вася. — Нам-то с ней за что? Мы же нормальные люди. Не хуже других. Живем, как можем. За ты что нас так?

— Вася, ты что, дурак? — ответил бог. — Я тебе потом объясню за что. В свое время свидимся еще. «Нормальный» ты мой нашелся. Вас вообще пиздить надо гантелями за ваши проделки. Это я пока тебя так, шутя, приласкал.

Вася тоскливо вздохнул, и разорвал связь с небесами. Помощи оттуда не предвиделось.

В спальню заглянул Азот. Он приехал утром с туристическим рюкзаком, из которого вытащил разобранный «мамкин хуй» — укороченный ментовский АКСУ. Сладил его, набил четыре рожка патронами из того же рюкзака, и попросил у Васи раскладушку. Егоров объявил военное положение, и теперь в гостиную жил Азот, за столом трещал клавиатурой Лисовский, иногда обмениваясь звонками с капитаншей Егоровой и изъясняясь с ней на каком-то электрическом языке будущего, состоявшем, преимущественно, из цифр и интернационального мата.

Сам Егоров с Башкиром мотались где-то по таким мрачным и черным делам, что Вася старался об этом даже не думать. Бесполезность Васи на фоне этой кипящей, хотя явно обреченной работы, была настолько выразительна, что Васе хотелось прыгнуть в окно.

— Идем на кухню, — сказал Азот. — Я яичницу приготовил.

— Не хочу, — вяло ответил Вася. — Аппетита нет.

— Не гони, Вася. Егоров велел тебя кормить. И поить. Блядь, может быть тебе завтра в бой идти, а ты не ел ничего. Как ты «вальтер» свой поднимешь? Кстати, до чего ты его довел? — Азот укоризненно покачал головой. — Башкир когда увидел, как ты оружие содержишь, сказал что тебе в жопу надо его засунуть и

выстрелить за такое отношение. «Вальтер» все равно не выстрелит, но зайкой ты станешь. Я все понимаю, но кто ствол пластилином забил? Ты что, пистолет в детсад носил?

— Бьют забила, — вздохнул Вася. — Ей надо было круглые дырки в пластилиновом макете наделать. Именно такого размера. Вот она их моим пистолетом и делала. Она ложку для соусов проектировала.

— Ложки с дырками не для соусов, а для пидарасов, — строго ответил Азот. — Идем, а то я сковородку сюда принесу, и буду тебя кормить в постели, «за папу, за маму». Вася, держи бодрость духа. Все держат, и ты держи. Ты что, думаешь, что один переживаешь? Санечка — наша общая. У тебя только одно маленькое преимущество, что ты ее трахаешь. Цени это, и веди себя соответственно. Все, иди жрать, пожалуйста. Не зли меня.

* * *

—... так вот, — сказал Азот, наливая Васе водку в рюмку. — Если Егоров за это взялся, то он все организует. Он знаешь какой организатор? Он, блядь, организовав юрского периода! Его надо в специальной клетке под электрическим напряжением держать, а то он сбежит, и вообще все на свете организует, мало никому не покажется. Он милицию безнаказанно дома на полу ебет, а милиция пицтит, и просит еще. Он может стволы достать, из которых Ленина ранили и Леннона убили. Так что ты не кисни, Вася, Что-нибудь мы найдем.

— Мне не надо «Что-нибудь», — уныло отозвался Вася, заедая водку яичницей. — Мне надо все целиком, как раньше было. Зачем мне «Что-нибудь»? У меня и так всю жизнь было «Что-нибудь».

Вася с тоской смотрел на магниты, прилепленные к холодильнику. Если Бьют не вернется — как дальше жить с этими магнитами? И смотреть на них нельзя, и снять их рука не поднимется...

На кухню заглянул Лисовский с красными глазами.

— Вася, — тревожно сказал он. — Там тебе письмо со здоровенным вложением. Примерно тем же курсом пришло. Я трассировать буду, но не открывал пока, иди сам посмотри сначала. Тебе же прислали.

Вася сорвался с места, опрокинул табуретку, оттолкнул Лисовского и чуть не выломал дверь.

Хороших новостей в письме не было. Бьютику плоскогубцами раздавили палец на ноге.

На левой. Самый маленький из пяти. Для начала.

* * *

— Вася, — сказал злобный Егоров, и отвесил Васе оплеуху. — Вася, ты меня слышишь? Вставай, давай. Блядь, глаза открой... Азот, я же просил тебя, как человека, напоить его, а не спаивать в торф. И что теперь с этим мясом делать? Поднимайте его за руки и ноги.

Башкир и Азот подняли Васю, как носилки, и поволокли из спальни.

Вася протестующее мычал и сучил конечностями, пока его тащили по квартире. Как сквозь вату до него донеслось: «Куда ногами вперед, примета плохая». Затем Васю уронили в ледяную воду и придавили ко дну за загривок. Вася попытался всплыть, но локти упирались в какие-то стенки, он пустил пузыри и вдохнул холодную воду. После этого Васин организм уже бессознательно заколотился в ванне руками и ногами. Васю выдернули из холодной купели и посадили на задницу, дав возможность вылить все изо рта. Расплывающийся в Васиных глазах Башкир зажал его в борцовский захват, а мутный Азот ткнул чем-то болезненным в плечо. Вася дернулся, но Башкир держал его мощно, как панфиловцы свой рубеж.

— Ч-что это? — пуская воду, прокашлял Вася.

— Гидропиздат гидропиздина, — хмуро ответил Азот. — Какая тебе разница? Очухивайся, давай. Ты у нас важный свидетель по делу. Полотенце дать? Или так пойдешь? — Азоту из коридора передали чудовищное розовое махровое полотенце Бьют, он набросил его на Васю.

— Нахуй все идите. Утопите уже меня совсем. Мне все равно, — сказал Вася, обнял полотенце и полез с ним обратно в воду.

— Вася, — сказал из коридора Егоров, — Надо чтобы ты это увидел. Я тут кое-что нашел, но сомнения пока остаются. Ты потерпи немножко. Мы же все понимаем. Будь мужиком еще полчаса. Потерпи, а потом топись себе на здоровье.

* * *

— Стоп, — сказал Егоров, уставившись в монитор. — Отмотай назад. Вот эта труба, смотри. Васька... Ну, еб твою мать! Не смотри на лицо, мне ее тоже жалко... На трубу смотри. Извини... видишь, к чему Сашулька пристегнута? Ничего в голову не приходит? А теперь, Лисовский, мотай на два-ноль восемь. Стоп. Вперед чуть-чуть. Стоп. Вот решетка вентиляции. Просто гипсокартон сняли. Три-тридцать. Хорошо, стоп. Розетка. Ты понимаешь, что это такое, Вася? Мокрый Вася, замотанный в розовое махровое чудовище, ничего не понимал. Потом Азотовы «гидропиздаты» торкнули его изнутри, вытеснив алкоголь и сняв отупение.

— Егоров... это же...

— Да, — сказал Егоров. — Это там. Сука, ну не смешно ли? Первое, что нам должно было в голову прийти. Я, когда увидел, подумал — дежавю. Я даже не понял сразу — что это. Потом Танька с Лисовским результаты набросили, так и есть, тот район захватывается. Нет, ну логично, Звонимир же бывший человек Хаши, домом этим они уже пользовались. Для Хаши там веселые порошки в подвале делались и хранились, я же тебе рассказывал. И Звонимир бывал там. Первое письмо с видео к тебе почти сразу пришло, значит, недалеко они Сашку отвезли. Да и не так просто найти дом для заложника, это тебе не сауну на два часа снять. Только дети думают, что трудно украсть. Спрятать труднее, любая россомаха тебе подтвердит.

Вася смотрел на Егорова, как Моисей на пылающий куст.

— Звонимир просто ничего не знает про наши... х-м-м... художества. Вот и воспользовался знакомым адресом. Откуда он мог знать, что его явка нам хорошо знакома? Кстати, Вася, Танька тоже про наши «художества» не знает, учти. Не надо ей знать. Меньше знаешь — крепче спишь.

Егоров задумчиво вздохнул.

— Видишь, вот тебе и «избыточная жестокость», философ домотканый. Эта Алена Шнеллер жила как карликовый пинчер, глупо и бессмысленно. А теперь ее бессмысленное существование, обретает смысл, хотя она померла. Хорошего человека теперь спасает... из этого же подвала... Даже двух человек... А вот если бы мы тогда ее не... Вася! Васька!!! Азот, блядь, срочно вколи ему что-то!

Вася ватно, как мишка тедди, повалился на пол.

* * *

Сначала войска плотно пообедали, завалив Васину кухню картонными коробками из-под пиццы. Егорова отказалась от нездоровой пищи, ограничившись ржаным тостом и оливками, которые она наковыряла из пицц остальных бойцов. Бойцы отдавали свои оливки безропотно, признавая ее авторитет и заслуги. Алкоголь командор запретил. Насытившись, перебрались в гостиную, где находился штаб армии. Егорова согнала взглядом с единственного дивана Башкира и развалилась вдоль.

— Итак, — внушительно сообщил Егоров, — Объявляю о начале подготовительной стадии операции «Пиздюляция».

— Заговор умалишенных, — грустно прокомментировала с дивана Егорова. Остальные умалишенные расселись на полу и двух стульях, которые достались командору Егорову и Лисовскому — начальнику штаба.

— Информую. Цель операции — уничтожение нахуй живой силы противника, освобождение заложника, и желательно съебаться оттуда по-тихому. Учтите, если кто-то попадет в плен, Родина от него откажется. Это вам не Энтеббе, девочки. Поняли?

Умалишенные синхронно кивнули головами.

— О противнике известно чуть больше, чем нихуя. Численность — от трех до пяти. Прямо, как у писателя Корнея Чуковского «От трех» — это потому что именно такое количество мы обязаны считать минимально допустимым при планировании операции. Будет меньше — хорошо, но ставить деньги на это мы не будем. «До пяти», потому, что в их машину больше не влезает. Это даже допуская, что Сашульку они везли в багажнике.

— Откуда про машину известно? — спросил Азот.

— Каштылян срисовал. Он сейчас там наблюдение ведет. Один из будущих покойников за едой ездил. Планы дома у всех есть, Лисовский раздал?

Умалишенные опять согласно закивали головами.

— Вход в гараж, под которым подвал, не считая выезда, есть прямо со двора и дома сзади, через общий тамбур. Почему так... к деталям операции не относится. То есть, зайдя в гараж через заднюю дверь, мы занимаем ключевой пункт, откуда есть доступ в дом и подвал, который нас так интересует. Надо объяснять, почему противник держит свои основные силы в доме, где есть свет, душ, кабельное телевидение и холодильник с пивом, а не в подвале, где засанный матрац... — Егоров посмотрел на Васю и осекся, — ... где нет кабельного телевидения?

Умалишенные снова согласились.

— То есть в подвале может быть один упырь, а может быть ни одного. Больше — маловероятно, только в особом случае. Вася, извини. Теперь прошу взять слово пана генерального писаря.

— Я вырубаю свет на этой линии поселка, — сказал Лисовский. — Учите, такую поломку исправят за час, так что времени будет в обрез. Хорошо бы по всему поселку ток отключить, но у меня таких возможностей пока не имеется. В поселке есть электрик. Я гашу свет, и время пошло.

— Они что, темноты боятся? — непонимающе спросил Башкир? — Сразу выбегут на улицу и будут плакать?

— В доме есть генератор. Всегда исправный и заправленный. Вот на этот генератор, как на блесну, мы их и будем ловить, — сказал Лисовский, — Вернее, вы. Я остаюсь у щита и пресекаю, по мере возможности, попытки его починить.

— Эй, — тревожно сказала Егорова, — что значит «пресекаю»? Вы еще мирных электриков собрались убивать? Командор, у вас с головой все в порядке? Может, сразу весь поселок вырежем, чтобы свидетелей не осталось? Чего уж мелочиться?

— Танька, ну не гони, — вздохнул Егоров. — Почему «электриков убивать»? Это ж не плиточники, в конце концов. Лисовский будет вооружен нелетальным оружием типа «брызнул-убежал». Спасибо, пан генеральный писарь, позвольте я продолжу. Итак, задняя дверь гаража...

* * *

—... отрубается свет, сразу заходим в гараж, к генератору. Сидим тихо как мыши. Тем самым перехватываем всех, кто туда попрется, и блокируем возможные попытки войти-выйти из подвала. Нет, выйти оттуда можно, только сразу в верхнюю тундру. Зайти нельзя. Входить в гараж надо быстро, очень быстро и тихо. Пока первые знатоки генераторов туда не зайдут. Серебряной медали за второе место здесь нет. Первая группа — я и Азот, остаемся в подвале и прореживаем поголовье активных любителей электричества. Заодно, если повезет — если очень повезет! — тех, кто выползет из подвала. Вторая группа — Башкир и Васька, поднимаются через гараж в дом, и разбираются с пассивными и ленивыми любителями электричества.

Умалишенные заговорщики внимали и переглядывались.

— Фонарями светить не надо. Пусть сами светят, вы прочесывайте и просто валите всех. ПНВ будут у второй группы. Фактор полнейшей неожиданности и то, что нам известна планировка дома, да еще в темноте — это хороший козырь. Это даже не козырь, блядь, это джокер! И еще, ключи все есть, на месте у Каштыляна комплекты получите, так что возиться с замками не придется. Сразу бирки к ключам просмотрите и по карманам разложите, чтобы не бренчать ими у дверей, как пьяная жена после корпоратива.

Умалишенные опять покивали головами, на этот раз к ним присоединилась и милицейская Егорова.

— Итак, Башкирия зачищает дом, рапортует нам по тихой связи вниз о количестве жмуrows. Мы суммируем своих с вашими, если получается три, или больше трех — идем в подвал. Там уже как вывезет. Хули вы смотрите на меня так? Что, есть лучше варианты? Тогда давайте. Продолжаю. Танька на машине и с удостоверением держит вторую линию обороны, от лишних зевак. Каштылян в резерве и уборка квартиры. Есть вопросы?

— Есть, — сказал Вася. — Я с тобой пойду. Там моя женщина и ребенок. Я должен быть к ним ближе. Егоров, я в полном порядке. Я уже отошел. Меня сорвало, но я вернулся. Ты за меня не ссы. Я не смогу тихо по дому ходить, зная, что она, вот тут рядом, на трубе висит.

Умалишенные помолчали.

— Егоров, — сказал Азот, — Я пойду с Башкиром. Я с ним давно работаю, мне проще будет. А Васька дело говорит. Это его семья. Это его кровь. Он, вообще должен первым убить. Это его право.

— Ладно, — сказал, подумав, Егоров. — Тогда Башкир, Азот — броники и сферы. Из убивачек тихое возьмите. Для штурма — то что-то посерьезнее, только не фантазируйте про огневую мощь, рембы, рикошеты по подвалу нам не нужны. Еще зацепим кого-то не того. Мы с Васькой налегке. Вася, у тебя к «вальтеру» сайленсер ведь тоже был?

Вася кивнул головой.

— Эх, Вася, Вася. Все ты никак в Джеймса Бонда не наиграешься... — вздохнул Егоров. — Ты бы лучше галстук научился завязывать, как Джейс Бонд. Все. Через четыре часа выступаем. Пока зубрим планы, проверяем снарягу, штурмовая группа... — Егоров осторожно посмотрел на Егорову, — хм... Звоним Каштыляну, подбираем вечерние костюмы для приема.

Азот, бери аптеку. Ну, если кому надо — завещания, исповедь, причастие и сто грамм «на коня», — закончил брифинг командор Егоров.

Умалишенные встали и разбежались по своим делам.



149859.--Васино горе (парт три 18+)

3.4. Васино горе (парт фо 18+)

21 Апреля 2017

id:lj:149863

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, ПРО ВРАГОВ

Зашли очень быстро. Если бы не ключи, выданные Каштыляном, не получилось бы так хорошо зайти. Ключи сняли со связок, зазубрив бирки, чтобы не рассматривать, и разложили по карманам. Хотели еще до отключения света занять место на территории, но видеокamеры... Кто его знает — пишут ли они на

винт, который никто никогда не просмотрит, или кто-то излишне исполнительный пялится сейчас, зевая, в этажерку мониторов.

Как только по обе стороны улицы погасло освещение, Егоров легко открыл знакомую дверь, врезанную в огромные въездные ворота, и орки просочились во двор крепости. Утиным шагом, друг за другом, пригибаясь под окнами, вокруг дома, к задней двери гаража, к тамбуру, из которого был ход и в подвал, и в дом.

Егоров открыл дверь в гараж. Вход в дом был уже открыт, служба на территории неслась из рук вон плохо.

Башкир и Азот, утяжеленные броней, с буркалами ПНВ на лице, похожие на громозек из мультфильма, бесшумно скользнули налево, на кухню, и через нее в гостиную, выставив перед собой толстые палки глушителей. Егоров осторожно вставил ключ в третью дверь, главный сезам, ведущую в гараж, легонько провернул его — и замер. Да, опоздали. Или здешние обитатели службы вообще не несут, или это второе место в забеге. Дверь была отперта.

«Открывай» — одними губами сказал Вася, поднимая «вальтер» с трубой сайленсера. Егоров кивнул, стал по другую сторону, чтобы не стоять на линии огня между Васей и генератором, и потянул дверь на себя.

Человек с фонариком на лбу копался возле генератора, подсвечивая инструкцию, отпечатанную на корпусе.

Получилось все очень просто. Человек, не отрываясь от инструкции, раздраженно сказал: «Да сейчас, блядь, сейчас. По-немецки ничего непонятно», и Вася хлопнул ему в голову, чуть ниже фонарика. Человек ударился о генератор, скатился и лег рядом с ним. Вася быстро переместился к потерпевшему, хлопнул из «вальтера» еще раз, в упор, и замер, присев на колени и водя стволом по темным углам. Больше Вася стрелять не стал — даже с глушителем получилось довольно громко. Потом снял с мокрой от крови, простреленной головы фонарь.

— Все, теперь по углам, мыши — тихо сказал Егоров, — И не шуметь. А этого — под машину.

* * *

Угол у Васи была никудышним. Металлическая дверь из подвала открывалась так, что заслоняла выходящего. Поэтому Вася держал на прицеле вход в гараж, а в противоположном углу растворился в темноте злобный Егоров, в черном «чоповском» комбинезоне со споротыми нашивками и набитыми амортизацией коленями и локтями.

— Боже, — сказал про себя Вася. — Один — ноль. Ну, хоть что-то мне ответь. Пусть их будет трое, пожалуйста. Тебе что, жалко? Я же сейчас за тебя, типа. А в таких бьютиков ты и сам, когда-то, первый камень не бросал. Ну, давай, отпизди меня гантелями, а ее отпусти.

Бог подумал, и немножко улыбнулся. Пятном света от открывшейся из подвала двери. Вот это было бинго, это был мизер, который ходит парами и джек-пот.

В дверь протиснулся бритый человек с диодным фонариком в руках, осветил генератор, потом повел им в сторону Васи. Из темного угла в спину ему метнулся черный паук — Егоров, и муху-цокотуху в уголок поволол. Фонарик покатился по полу. В углу что-то хрюкнуло и плеснуло. В почку, понял Вася, чтобы болевой шок не дал заорать, потом под ухом, и поддержать. Затем из угла появился сам Егоров, освещенный снизу лежащим на полу фонарем, и похожий на японского демона из-за теней на лице. Приложил ко рту красный, лоснящийся нож — тихо, мол, Вася

Еще пять минут.

В Егоровском углу опять вспыхнул свет. Злобный Егоров показал два пальца, чиркнул себя по горлу, показал на дверь и по диагонали пересек ладонью перед собой. Затем вылез из своего паучьего угла, и положил фонарик на крышу машины.

«Вот и все. Слава тебе, боже. Я потом все, что хочешь, для тебя сделаю. Четыре — ноль. Девяносто процентов дела сделано. А может быть, и все сто». Возвращалась штурмовая группа, предупредив, чтобы не стреляли, а два тела уже лежали наверху, в доме, протекая красным. «Только бы не пятый», — подумал Вася.

Дверь наружу бесшумно открылась, и тенями вошли Башкир и Азот, снимая сферы и поднимая ПНВ на лбы, превращаясь из громозек в рогатых чертей. Егоров показал им на дверь в подвал, и завозился над генератором. Это была последняя фаза операции «Пиздюляция». Включить свет. Если кто-то есть в подвале — пусть моргает. А его товарищ, устранивший поломку, топая ногами, спустится по лестнице вниз. Вполне естественно. Не сидят же они там круглосуточно, приставив к голове Бьют минометы, огнеметы, бомбометы и пулеметы. Какая от нее опасность? Никакой. Да и вообще никакой опасности.

Башкир снял ПНВ, вытер лоб, опять натянул на мокрую стриженую голову сферу, сгорбился, превратившись из почти двухметрового амбала в квадратного гнома в бронежилете, качнул Васе стволом дробовика, — отойди с дороги, — и открыл дверь в темный подвал.

Хороший немецкий генератор вздрогнул, и почти бесшумно заработал. Гараж налился светом, сначала неярким, потом почти домашним и уютным. В подвале тоже прояснилось. Башкир аккуратно, по кошачьи, двинулся вниз, из-за его плеча выставил ствол «ксюхи» Азот.

И тут внизу что-то оглушительно грохнуло, раздался женский истеричный вопль, потом грохнуло еще два раза. Вопль оборвался.

Четыре—один. Конец матча. Гол в раздевалку. Ваша команда не проходит по оезультатам встреч.

— А-а-а! — заорал белый и бешеный Вася, ломая весь план операции, продираясь мимо бронированного Башкира и хищного Азота, в бетонную преисподнюю, где все началось и кончилось.

Поскользнулся на крутых ступенях, и поехал вниз, прыгая на заднице и тормозя ногами. Внизу еще раз грохнуло, и напротив Васиного живота в стене выбило здоровенную дыру, засыпав его бетонной крошкой. Вася взвизгнул и засучил ногами, стараясь затормозить. Грохнуло второй раз, между Васиными ногами в деревянных ступеньках лестницы образовалась еще одна дырища в острых щепках, хоть кулак просовывай. Затем какая-то сила схватила Васю за шиворот и поволокла наверх, уводя из-под обстрела.

— Башкир, блядь, отпусти! — хрипел Вася. — Сука, опусти меня. Гранату! Егоров! Башкир, сопя, тащил Васю по ступенькам, за ним пятился Азот, держа на прицеле «ксюхи» выход из подвала.

— Не надо гранату, — донесся из подвала плачущий голос. — Васька, это ты что ли? Не надо гранату, пожалуйста. Я же не специально. Я не знала что это ты. Извини, Вась...

Остолбневший Башкир разжал захват, и Вася покатился по ступеням вниз.

* * *

И вытянулся на полу, глядя снизу вверх на голую Бьют, упершуюся спиной в противоположную стену. Пузатую, исцарапанную, так и не побритую снизу, с тяжелым пистолетом в правой руке с ободранной вокруг запястья каймой от наручников. И с посиневшей, висящей плетью второй рукой. Стоявшую, как цапля, поджав ногу.

— Васька, — плаксиво сказала Бьют. — Я тебя чуть не пристрелила. Если бы с двух рук стреляла, точно бы положила. Тут отдача такая, что я себе чуть зубы не выбила.

Здоровую руку ей оттягивал чудовищный «Десерт Игл», таким и с двух рук можно себе зубы выбить, если с непривычки.

Трясущийся Вася поднялся на четвереньки, затем встал в полный рост, подошел к жене, и замер, не зная — можно ли ее обнять, ничего дополнительно не повредив.

— Дайте накрыться чем-то, — жалобно попросила Бьют. — Холодно. А у этого мудака пиджак весь в кровище.

Под стеной, лицом к побелке, неподвижно лежал человек со спущенными штанами. Лужа крови вокруг него подтверждала негодность пиджака.

— Это ты его? — пересохшим ртом спросил Вася.

— Ну а кто еще? Сам, что ли? Вася, ты меня простишь? Я ему отсосала. Пока Звонимир наверх бегал. Он мне руку отстегнул, чтобы я ему дрочила, потому что второй не могу, не получается. Когда он прикуривал, увидела — куда пистолет положил. Ну а потом свет включился. Я и стрельнула. Извини меня, пожалуйста. Я больше не буду. Прости, милый. Я только тебя люблю. Одного.

Непонятно было — что она больше не будет — стрелять в Васю или отсасывать кому попало, но уточнить не удалось, пистолет из рук Бьют лязгнул о бетон, и она поползла вниз по стенке на пол. Подхватил ее Башкир.

Башкиру из-за броника снять с себя было нечего, и Вася потянул через голову черный «чоповский» реглан. Когда он стащил реглан с головы, Азот уже впечатал в плечо Бьют шприц-тюбик и выдавливал содержимое. Затем выдернул из сумки второй, посмотрел на Васю.

— Я не уверен, Вась. Она в положении. Может, пусть потерпит чуть-чуть? Лучше не перебирать. Сейчас я ей временную шину на руку наложу.

— Я сам наложу, — хрипло сказал Вася. — Я санинструктор, между прочим. А ты ей ногу посмотри, только осторожно.

— Башкир! — рявкнул сверху Егоров. — Поднимись, дверь подежурь. Хватит на сегодня неожиданно-стей. Не дай бог там кто-то неучтенный в огороде посрать присел, а Каштылян заснул, старый пердун. Я результаты хочю посмотреть, и по Сашульке соскучился.

Башкир, как гигантский жук в броне, полез по ступеням наверх, расшатывая перила.

Сверху скатился Егоров, покрутил головой.

— Привет, маленькая, — сказал он Бьют, — Как ты тут без нас?

— Заебись, — слабо сказала Бьют, — Как в сказке. И страшно, и оторваться нельзя. Где вы лазили столько времени? Опять бухали, что ли?

— Да мы просто так заехали, тебя проведать. Может, надо чего, патронов подвезти. Ты и сама, вижу, неплохо справляешься. Васька теперь тебя бояться будет. Правильно, пусть боится, пусть свое место знает. Это в семье всегда полезно. По себе говорю. Ну все, все... не плакай, маленькая. Сейчас мы тебя заберем отсюда... Вася, а я же говорил тебе, что в подвале курить вредно для здоровья?

Егоров подошел к телу, лежащему под стеной, светя голой задницей, перевернул его ногой на спину, затем присел над ним на корточки.

— Ага, — сказал Егоров, — Угу... Вот оно как. Кто куда пошел — тот дойдет. Вася, ты глянь, кто к нам пожаловал.

С оторванной макушкой лежал младший Тырбу, любитель-патологоанатом и собиратель украшений, снятых с мертвых женщин.

— Готов спорить, один из тех, кто в доме — это его комплектующий старший брат-дебил. Третий и четвертый — неизвестные солдаты, одного из них Каштылян срисовал. А пятый, которого я расписал — твой слишком живучий друг из Албании. Вася, знаешь... мы с тобой невеликие мыслители, конечно. Я лично на нобелевскую премию не претендую. Но как эти тупые Тырбы могли не сказать твоему живучему другу, что ты знаешь этот схрон? Вася, мы с тобой на конкурсе идиотов всегда будем занимать вторые места. Нас всегда кто-то обходит. Даже обидно.

— Мы с тобой только третьи места занимать будем, — ответил Вася, трудясь над рукой Бьют. — Второе достанется Звонимиру. Который не объяснил этим «братьям-из-торбы», с кого они деньги трясут. Им-то знать было откуда? Это Звонимир со секретностью перестарался. Все, у меня готово. — Вася поднялся на ноги. — Давай, я тебя подниму, Бьютик. Цепляйся за меня здоровой рукой, за шею. Осторожненько, лисичка. На ножку не опирайся, на шею вес переноси.

— Я с Азотом ее понесу, — сказал Егоров. — А ты замыкающим иди. Не хватало, чтобы ты ее еще выронил на радостях. С тебя станется. Тебя вообще перед строем надо расстрелять, с твоей самодеятельностью. Только ребенка безотцовщиной оставлять не хочется. Хотя — еще хуй его знает, что для ребенка будет лучше, с таким папой...

— Я спать хочу, — мутно сказала Бьют. — И писать. Несите уже меня быстрее, куда-нибудь.

— Стойте, — хрипло сказал Вася. — Нет, я понесу. Лапы уберите.

Азот и Егоров с недоумением переглянулись, держа Бьют под колени и подмышки, как манекен. Потом вместе посмотрели на Васю. Шустрый Азот догадался первым.

— Сейчас я из машины покрывало принесу, замотаем. Держи, ее Егоров. Я быстро.

Егоров сел на ступеньку лестницы, посадив обмякшую Бьют себе на колено.

— Что, Вася, все так серьезно? — Вася кивнул головой. — Блядь, она же мне как дочка... Вася, пистолет

убери, пожалуйста. Не дури. Ох, Вася, Вася, дурная ты голова... — Бьют бессмысленно смотрела в пол, подпираемая Азотовыми снадобьями, —

Мы из-за нее под пули сегодня лезли, не из-за тебя. Ладно, я понял. Но понесем ее все равно мы с Азотом. На покрывале. Теперь уже из-за тебя. А ты иди за нами, и прикрывай нас.

* * *

Поднялись по лестнице в гараж и понесли Бьют через тамбур. Вася задержался возле тела распотрошенного Егоровым Звонимира, подумал, и выстрелил ему в лоб. Сделал пару шагов на выход, крикнул Егорову и Азоту: «Стойте!», вернулся и высадил в бритый череп остаток магазина из «вальтера», при каждом выстреле говоря «да, да, да». Превратив голову в огрызок, поменял магазин в пистолете.

«Ну тебя нахуй», — подумал Вася: «Шустрый ты сильно. Пять — ноль. Слава тебе, господи. Извини, конечно, боже, что все поминаю».

ГЛАВА ПЯТАЯ, ПРО ДЕТЕЙ

— А со жмурами что будет? — спросил Башкир, ведя машину. — И гильзы тоже. И щприц-тюбики Азот повыбрасывал, там кровь есть. Нехорошо.

— Каштылян займется завтра. Сам расплодил нечисть, сам пусть и убирает. Хотя лично я так бы оставил, чтобы хозяин на будущее подумал — с кем дружить. — Егоров вздохнул. — Но Танька моя лютует. Говорит, если на нее это дело повесят, то она его закроет за час. Потому что таких, как я, вагон и тележка, а у нее отчетность и премии, и лишний висяк ей не нужен... как вы там? — спросил Егоров оборачиваясь.

— Ой, — сказала Бьют, — Башкир, извини. Мы тебе потом машину помоем.

Башкир вдавил педаль тормоза и тоже обернулся.

— Мы тут рожаем немножко, — пояснил Вася. — У нас воды отошли и схватки начались. Не знаю, почему так быстро, химия Азота, наверное, какая-то неправильная.

— Блядь! — сказал Егоров. — Этот вечер, вообще, закончится когда-нибудь? Ох уж эти людишки, только одних поубиваешь — уже другие в мир лезут. Башкир, помигай передней машине, чтобы остановилась, и сворачивай за посадку.

* * *

— Так нельзя, — сказал Вася, — надо или везти ее куда-нибудь, или останавливаться и рожать. Сразу и одно, и другое делать не получится. Это только потомственные ромалы умеют на ходу, в кибитке рожать. А нам надо воду и свет. Я курсы проходил. Учебное кино смотрел. Если еще Егорова поможет...

— «Скорую» надо вызывать, — сказала Егорова. — А пока — рожать. Как получится. И не зыркай на меня так, Егоров. Я из-за тебя присягу один раз преступила, ты хочешь, чтобы я теперь вообще в оборотни в погонах записалась? Сдавайтесь, блядь. Добром прошу. Капитулирен, тогда нихът фершисен. Чистосердечное признание облегчает даже изжогу. Получите какие-то сраные пятнадцать лет, еще бодрыми старичками выйдете.

— Какую нахуй «скорую»? — угрюмо спросил Егоров. — Она в эти ебенья приедет только к крестинам. И ваши тоже не приедут, у вас опять бензина нет. У вас даже патронов никогда нет. Ты что, думаешь, я не знаю, сколько ты у меня за последние три дня припаса нагрел? Егоровна, умерь свой правоохранительный пыл, иди роды принимай. Займись бабским делом, наконец. Айн-цвай, полицай. У вас же тоже курсы по этому делу проводились. Никакой «скорой» не будет, делаем все тихо и незаметно. Рожаем в поле, все, я решил.

Егорова рванула из тактической кобуры табельный «макаров», Егоров тут же ткнул ей в лоб ствол «беретты». Вася взял на прицел Егорова, а Башкиров приложил к уху Васи «бенелли». Азот, поколебавшись, поднял тупой пяточок «ксюхи» и взял на прицел всех. На всякий случай.

— Дети — наше завтра, — сказала сквозь зубы Егорова. — А ты — мое вчера. А ну пошел нахуй отсюда. Бери машину, любую, кроме моей, и беги. Шесть часов тебе отпущено, в память о прошлом. Слово мужика тебе даю, а ты беги, займись бабским делом, наконец. Или я таки стрельну. Егоров, ты меня знаешь.

— Вы что, ебнулись совсем? — грустно спросил седоватый, грузный Каштылян, стоящий в стороне со «стечкиным» в опущенной руке. Девчуха рожает. Первый раз, между прочим. Давайте, блядь, поубивайте здесь друг друга. Кто потом мамку с дитем до дома довезет?

В подтверждение его слов из салона машины загрохотало взвывла Бьют.

— Егорова, — ласково сказал Егоров. — Ты можешь просто помочь Сашке ребенка родить? Ты же сама женщина и мать, у тебя сын в Канаде учится, я же все про тебя знаю. Не дергай так лицом, я твоего малого пальцем не трону. Богом клянусь. Я ждал, что ты нас познакомишь, вообще-то, а не прятать его от меня будешь. Убери свой пугач. Он не стреляет. Я же не дурак, держать в доме злую бабу с пистолетом. Не обижайся. Я тебе потом другой куплю, с таким же номером. Или у этого деталь замену. Извини, пожалуйста. Ну что мы, из-за такой хуйни поссоримся насмерть, что ли?

Егорова направила пистолет вверх и лягнула бесполезным оружием.

— Сукин сын ты Егоров, — грустно сказал Егорова. — А я же тебе верила. Фамилию твою взять хотела...

— Давай не будем при людях отношения выяснять, ладно? Неудобно, — серьезно ответил Егоров — Дома спокойно поговорим. Я тебе все объясню, без посторонних. Вася, убери нахуй свой дырокол для пластилина, не нервируй меня. Что нам дальше делать, Егоровна? Говори, командуй. Там из Сашульки человек наружу лезет, жить хочет.

Егорова подумала и заткнула ПМ обратно в кобуру.

— Башкиру — на бусике воды привезти, из ближайшего ларька. Десяток бутылок. И водки одну-две бутылки. Извини, Башкиров, твоя машина пока служит роддомом. Бери бусик. Каштылян пусть свой тарантас в поле загонит, фарами на нас развернет, не видно же ничего. Только не в лоб, чтобы не слепить, по касательной, слева, чтобы тень от правой рук не мешала. Васька, просто рядом стой. Азот, аптеку. Телефоны не выключать. Лисовский, иди в поле гуляй, нечего тут пялиться. Все.

— Воды какой привезти? Сладкой или обычной, газированной? — спросил Башкир, опуская ствол «бенелли».

— Башкиров, — сказала Егорова. — Ты что, Петросьянович по отчеству? Время нашел шутить. Просто чистой воды. В бутылках, не из канавы. Вася, может, ты с ним съездишь? От греха подальше? Он же сейчас, действительно, коньяк с соком привезет. И шпроты. Роды принимать.

— Никуда я не поеду, — буркнул Вася, убирая «вальтер» и ставя его на предохранитель. — Как она — так и я. Вместе рожать будем. Я тоже доктор немножко. Таня, ты извини, но я от нее на шаг больше не отойду. От нее как только отвернешься на минуточку, так сразу гора трупов. Хватит уже сокращать население, давайте его понемножку увеличивать.

Бьют с заднего сидения заорала так, что Башкир метнулся в бусик, и чуть не перевернул его, вмявшись в дверь.

* * *

— Зачем ты бусик помял? — спросил Егоров Башкира — Спереди? Это не я. Я только дверь погнул. Ларек закрыт был. В рабочее время. Никто в этих селах работать не хочет по графику. Дисциплины никакой нет. Водку я в соседнем доме попросил, так мне сразу дали, две бутылки. А воды у них столько не было. Пришлось ларек бусом открывать.

— Ты прямо так и просил, в бронезилете и с дробовиком? — задумчиво поинтересовался Егоров. — Да-а-а... нам теперь долго сюда за грибами не ездить... Что у вас там, Вася?

— Чавкаем, — солидно ответил Вася.

— Эй, погодите, много не чавкайте, — забеспокоился Егоров и потащил телефон. — Азот, але! Твоя химия через молоко не передается? Ну его нахуй дите с пеленок к наркоте приучать. Что значит «через какое молоко»? Которое в сиське находится, не в пакете же! Ага... ага... хорошо, понял.

— Теперь чавкайте, — снисходительно разрешил Егоров. — Там барьер какой-то есть, гадость не передается. Сашулька, а ты же говорила, мальчик будет?

— Сашка специально на УЗИ палец подсунула, чтобы типа как как хуек был. Чтобы Ваську наследником порадовать, — предположил Башкир.

— Не матюкайся, Башкиров — строго сказал Егоров. — Тут дети в машине.

— Так она же ничего пока еще не понимает...

— Все они понимают. Вот ты сейчас матюкаешься при детях, а потом из них хуй знает что вырастает.

— Тогда ты тоже не матюкайся, — угрюмо сказал Башкир. Егоров засопел, искал контраргумент, потом, все-таки, нашел.

— А ты тогда окно закрой. Простудишь еще. — Башкир послушно закрыл окно.

— Одни неприятности у тебя из-за меня, — сонно сказала Бьют, пытаясь обнять Васю рукой в шине.

— Этого тоже хватает, — честно сказал Вася. — Но и счастье все у меня из-за тебя. Неприятности, они всегда будут, из-за кого угодно. А счастье надо ловить и держать. Ты это, дай ей еще пожать, и спи, я маленькую подержу. Я же специально тебе в живот разговаривал, чтобы она к моему голосу привыкла и не боялась. А ты тогда еще смеялась. Дети, Бьютик, они хитро устроенные. Я потом тебе книжку дам эту почитать, где я нашел.

Бьют уже спала, открыв рот. Вася дождался, пока ребенок замюкает, и осторожно взял его на руки. «Джаст э перфект дей», — тихо пел Вася дочке: «дринк сангрия ин зе парк...» Девочка тут же успокоилась. «Вен ит гетс дарк, уи гоу хоум...»

— Вот, блядь, — сказал Егоров. — Ой! Извините, пожалуйста... беру свои слова назад. Башкир, тормози. Что-то там опять неладно. Сейчас схожу, узнаю.

Идущая впереди «Микра» Егоровой включила стоп-сигналы, завилыла ими в потемках, и приткнулась к обочине. Егоров вылез из машины и ушел в ночь. Тут же зашипела рация, укрепленная под торпедой.

— Тихо, — полусшепотом сказал в рацию Башкир, — Хули... э-э-э... в смысле, чего вы орете как танкисты после контузии? По телефону звоните, если ничего левого. Тут ребенок спит, между прочим. Все нормально, сейчас дальше поедem. Бус вперед. Танька Егорова, небось, опять на гвоздь наехала. Пороблено ей, что ли на этом месте?

— Танька Егорова опять на гвоздь наехала, — сказал вернувшийся Егоров, заглядывая в окно. — Пороблено ей, что ли на этом месте? Вы езжайте, я колесо поменяю. Не бросать же ее в чистом поле с поломанным пистолетом. А если люди какие-нибудь злые будут ехать? Дураков же хватает. Пусть бусик вперед выходит ведущим. И дуйте в БСМП, там ждут уже, кому положено. Сзади заезжайте, они твою машину встретят. Только стволы уберите к ебням, когда зайдете в больницу. Не надо больных пугать, им и так хуево. И, блядь, чтобы не матюкались мне при ребенке, животные, а то из маляки хуй знает что вырастет, как из вас хуй пойми что повыврасталo.

— Хорошо, Петр Егорович, я прослежу за нормами употребляемой лексики, — вежливо сказал Башкир, закрыл все окна, и плавно, чтобы не дергать, тронул машину вперед.

Вася держал на руках дочку, закутанную в «чоповский» черный комбез, нюхал ее макушку, и думал, как тогда, на вокзале, с маринками и ебаками — о том, как хорошо, в принципе, жить, если все в жизни по любви и согласию. В кармане внезапно завибрировал телефон.

Вася достал трубку, посмотрел на входящий питерский номер, и со вздохом, сбросил звонок.



149863.--Васино горе (парт фо 18+)

Глава 4

Четыреста лет одиночества

4.1. Четыреста лет одиночества (парт оне)

26 Декабря 2019

id:lj:314040

- То есть, ты считаешь что поступила правильно? - мрачно спросил Люк, глядя в иллюминатор.

- Я считаю что правильно было бы тебя еще четыреста лет назад нахуй послать. А теперь уже поздно, извини, мне приходится поступать по обстоятельствам. Знаешь что такое «дерево погрешностей»?

- Знаю, - злобно сказал Люк, уткнувшись лбом в окно. - Это твое генеалогическое древо. Начиная с тещи.

Файв вlepила уже два часа как бывшему мужу подзатыльник, и он треснулся лбом в синталь озборного окна. Технического смысла окно не имело, потому что чувствительные детекторы «Лакшми» могли вынюхать все вокруг в любом спектре и диапазоне, и вывести картинку на сферу, в виде хоть графиков, хоть игры в «тетрис», хоть с точки зрения дельфинов. Просто какие-то умники из «Массачусетс Тикай» решили, что людям комфортнее лететь четыреста лет в помещении с окошком.

За иллюминатором в пустоте космоса медленно вращалась пузатая бутылка грамм на семьсот.

- Ты понимаешь что это был молдавский суперкогни две тысячи триста четырнадцатого года? - спросил Люк, вытирая лоб. - Год атомной бомбардировки Воронежа? Он стоит как атмосферный шаттл!

- Я понимаю, что у меня муж алкоголик!

- Бывший. В смысле муж.

- Бывший муж алкоголик - это еще хуже!

- Почему, кстати? - заинтересовался Люк.

- Потому что он постоянно появляется в твоей жизни и просит денег чтобы опохмелиться! Я смотрела фильм из культурной базы Лакшмимаинд, его снял какой-то доисторический режиссер, кажется немец. «Москау слезайт нихт верен». Так вот, там у женщины был муж хоккеист...

- Хокке... что?

- Ист. Дас ист хоккеист. Он играл в такую игру, где мужчины с железными накладками на ногах бегали по замерзшей воде и били друг друга изогнутыми палками.

- Зачем??? - поразился Люк.

- Затем что им давали за деньги!

- Ого. Но тут вполне логично начать пить, вместо того, чтобы бить друг друга кривыми палками. Я вот думаю, что парень все правильно сделал.

- Ты когданибудь перестанешь меня перебивать! - вызверилась Файв.

- Я тебя четыреста лет в криокамере не перебивал, - мрачно отозвался Люк, рассматривая бутылку, издевательски вращающуюся за синталем окна. - Ладно. Что там было дальше с этим твоим похуистом?

- С хоккеистом! Он перестал бегать по замерзшей воде и начал употреблять спиртное! И потом приходил к бывшей жене, чтобы попросить у нее три рубля!

- Три чего?.. - Ру. Бля. Ты тупой или глухой?

Люк оторвался от окна и посмотрел на два часа как бывшую жену. Потом цокнул языком, вызывая цифровой разум «Лакшми».

- Да, папа, - мягко отозвался унисексовым голосом искусственный интеллект старранера.

- Что такое «Ру. Бля.»

- Обработка, папа. Есть, нашла. Ру, пойнт, бля - это с вероятностью в восемьдесят процентов русская проститутка. Префикс «ру» с пойнтом обозначает...

Люк опять щелкнул языком, выключив Лакшмимайнд и посмотрел на Файв.

- То есть, этот твой артист, который бегал с палкой по замерзшей воде и потом из-за этого начал пить, приходил к бывшей жене за тремя русскими проститутками? Ты уверена, что именно из нас двоих именно я невменяемый алкоголик?

- Рубль — это денежная единица древней Московии! - заорала Файф. - Он приходил к ней просить деньги, чтобы купить водку для ликвидации алкогольной абстиненции!

- Ага. То есть, если бы я выпил этот молдаваньяк, то пришел бы к тебе просить три древних московских монеты, чтобы купить, блять, на этом корабле, блять, где кроме нас с тобой и четверых детей, блять, четыреста никого нет, блять, и еще семьсот лет, блять, никого не будет, и пойти купить водку. Где этот тайный магазин - о, где он!!! Скажи мне, многоведающая! Одиннадцать километров ебаного железа, синтала, тектона, силовых полей и вообще какой-то непонятной даже для меня, капитана, хуйни, и я не знаю где здесь бар в котором наливают? Знаешь, Файв.. хотя ты уже два часа как моя бывшая жена, но я все равно тебя уважаю как человека, и от твоего психического здоровья зависит результат миссии...

Об иллюминатор что-то звякнуло.

- Почему эта сраная бутылка не улетает? - спросила Файв. - Она что, влюбилась в тебя?

- Потому что ее держит искусственное гравитационное поле «Лакшми».

- Давай его отключим. Я тебя четыреста лет терпела, два часа невесомости тоже какнибудь вытерплю.

- Ага. Тогда дети обосрутся и будем говно ловить по кораблю.

- Есть принудительная вытяжка с рециркуляцией!

- Я ее выключил.

- Зачем?

- Потому что ты в нее куришь, блять! Ты что, считаешь у меня нет ума посмотреть на гидропонку по статистике или запросить анализ состава по рециркуляции воздушного состава? А ты же обещала, что больше никогда, ни одной затяжки. «Три рубля..» Онанист, понимаешь, у нее с кривой палкой бегают... на замороженной воде...

* * *

Бутылка коньяка издевательски вращалась за окном.

- А вот этот твой татарин в бараньей шапке, который на этикетке, тоже курит! - торжественно выпалила Файф, тыча пальцем в синталь иллюминатора.

- Впервых, не татарин, а молдованин. Во-вторых, он не курит, а играет на дудке. Это называется «флуер». Знаешь что такое «флуераш»? А, ну да, ты же куришь, должна знать... А в-третьих, ты мне больше не жена уже два часа, поэтому иди на свои уровни обеспечения и командуй там. А дети... Я их сам выведу в люди. Ну, в смысле — когда прилетим и кого найдем, в того и выведу. А с тобой мы теперь посторонние люди. И не надо мне твои три бля. Я тебе не пианист с кривой палкой.

- Хоккеист. Ну, хорошо...- злобно сказала Файф и цокнула языком.

- Да, мама. - откликнулся кристаллический разум «Лакшми».

- Боевую панель. Быстро!

- Уровень опасности? Сканеры показывают что...

- Завали ебальник! Ты что, сговорила с этим алкашом? Панель, и тактику, и бегом. Потому что мама сейчас не в настроении! Мама злая.

- Да, мама.

Из потолка рубки на гибких коммуникаторах вывалились операторские маски боевых систем корабля, а в корпусе «Лакшми» нерушимые шестиугольные панели бронирования через одну стали прозрачными, пропуская исходящие импульсы оружия корабля.

- Я щас тебе покажу «флуераш», - зарычала Файф, наклеивая на лицо маску управления боевыми системами. - Щас тебе не три «бля» будет, а все триста.

- Подтверждение капитана? - уточнила Лакшмимайнд.

- Да на здоровье, - безразлично отозвался Люк. - Ебитесь тут как хотите. Пойду поссу... Забери мою маску, Лакшечка. Мне не надо.

Одна из масок ушла обратно в потолок. Файф зарычала еще страшнее и развела руки в виртуальном поле управления огнем. Оружейные порталы «Лакшми» озарились ослепительным ультрафиолетом - конечно, если бы их видели пчелы или рыбы. Которых в дальнем космосе нет.



314040.--Четыреста лет одиночества (парт оне)

4.2. Четыреста лет одиночества (парт тво)

26 Декабря 2019

id:lj:314113

- Здравствуйте, - вежливо сказал Люк, заходя в рубку. - Как теперь к вам обращаться? Секонд пайлот Файвери Бриз, или еще можно по старому «моя ты сладкая попочка»?

- Пошел ты нахуй, - невежливо огрызнулась Файв. - Ширинку застегни. Ты что, сорок минут ссал?

- Нет, дрович. Я же целых три часа как холостой. Но, судя по твоему тону, в свободной жизни у тебя что-то пошло не так, как ты смотрела в кино про своих бабуинов за три рубля

- Не «бабуинов», а хоккеинов...тьфу ты! Хоккеистов. Не говори о них так! Один хоккеист, Варламов, даже сидел в тюрьме и потом написал про это книгу!

- Харламов...- как обычно мягким тоном с потолка ответила Лакшмимайнд.

- Да пошли бы оба нахуй! - страшно заорала Файв, срывая с лица операторскую маску управления огнем. - Вы что, сговорились тут все?

- Куда же мы пойдем? - трагическим гамлетом спросил Люк. - Четыре парсека пешком? Без реимпульса? Ладно, я еще могу перенести раскладушку в реакторный отсек, но Лакшунька физически уйти не сможет. Она интегрирована в корабль. Если Лакшмимайнд уйдет, ты будешь не в корабле, а в одиннадцатикилометровой цистерне, и у тебя через три дня кончатся сигареты, а без них ты не сможешь дышать.

- В космос блять выходи. И пешком к ебаной матери!

- Хорошо, - неожиданно покладисто согласился Люк. - А что ты скажешь нашим детям, когда они через семьсот лет подрастут и спросят — где их папа?

- Скажу что был полярным летчиком! И погиб в снегах Европы. В смысле спутника Юпитера, а не гей-казино от Вильнюса до Лиссабона.

Люк подумал, затем сел в капитанское кресло, щелкнул языком, активируя интеллектуальный компонент старраннера, и подтянул к себе операторскую маску Файв.

- Лакшунька, официальный запрос прайм капитана. Сколько раз второй пилот Файвери Бриз говорила «иди нахуй» на борту корабля?

- Шесть раз, папа. Три раза сегодня, два раза при невыясненных обстоятельствах, помеченных интим-маркой и один раз при старте «Лакшми» с орбитального сборочного центра при стартовой перегрузке. Вывести данные в виде таблицы, или достаточно звукового отчета?

- Идите оба нахуй, и запишите это тоже в свои таблицы, - гавкнула Файвери, глядя в окно, за которым лениво крутилась бутылка молдавского алкоголя.

- Не нужно таблиц, - сказал Люк. - Дай отчет по боевому контакту.

- Цель не поражена. Слишком близкое расположение к корпусу судна, малые размеры и захват гравитационным полем «Лакшми» не позволяют базовым боевым системам ликвидировать объект. Кроме того, физические характеристики объекта затрудняют фиксирование прицельными программами. Роевые наногруппы ближней ксенозащиты не воспринимают предмет земного происхождения как мишень. Альтернативный контур утверждает, что как содержащий органику, космический объект, согласно протоколу, должен быть захвачен и помещен в консерваторию «Лакшми» с передачей капитану. Запрос на это решение был отменен секунд пайлотом Файвери Бриз.

- Ну-ну, - сказал Люк. - Надо же! Какая новость! Файвка, ты только что устроила бунт против молдавского коньяка! Даже у наногрупп на него рука не поднялась! Тебе компбютер уже говорить что надо мне его вернуть. Расхуярили тридцать шесть конденсированной энергии реактора — и не попали! А я говорил — твое основное оружие это сковородка... И что же было дальше, Лакшмучечка?

- Запрос секунд пйлота Файвери Бриз на применение гравипойнтов и термоядерных зарядов был отменен до подтверждения прайм капитана. Логика боевых контуров утверждает, что объект не опасен, а применение тяжелого вооружения на минимальном расстоянии критично для самого корабля.

- Пошли вы все нахуй, - злобно сказала Файв. - Идите, запишите в свою таблицу еще один «нахуй». Лакша, внешний костюм. Третий шлюз. Протокол осмотра поверхности судна.

- Да, мама. Принято.

- Ты куда собралась? - спросил Люк. - Прогуляться по обшивке? Ну слушай, давай не доводить ситуацию до идиотизма. Блять, я понимаю что не сам не подарок. Но я же как-то четыреста лет с тобой выдержал. Ты думаешь что мне просто было? Я что виноват, что этот гугуцэ возле окна вертится? Учти, если что — то я готов обратно на тебе жениться. Не на тех, конечно условиях... Что я детям скажу — где их мама?

- Что она была полярной летчицей!

- Только не пробуй разбивать бутылку о корпус судна Фи. Она мягкая. Тебя просто отдачей жопой вперед в галактику отнесет.

- Пошел нахуй!

- Восемь раз, - отозвалась Лашмимайнд. - Вывести таблицей?

Люк хотел что-то сказать, но подумал, просто вздохнул, покрутился в кресле и достал сигарету.

- Ты где это взял? - спросила Файв

- У тебя в тумбочке.

- Козел!

* * *

Файв вошла в стакан транспортера и унеслась вверх, к шлюзу, где система натянула ей на голову коппола-колокол с цепочками датчиков и облила мгновенно застывшей гибкой пеной, защищающей от перепада давления, радиации и, кажется, даже от триппера. Люк следил за перемещением бывшей жены до отстрела из шлюза, запуска реактивной системы костюма, потом положил ноги на стол и с удовольствием закурил унаследованный от нее «Флуераш». Потом опять подумал, и убрал ноги со стола.

- Лакшущечка?

- Да, папа.

- Возьми ее в фоновый захват гравитации судна. А то она щас реально начудит. Эти бабы, они, понимаешь...ну вот бывают странные на всю голову, а другой телки у меня еще семьсот лет не будет. Это в лучшем случае.

- Понимаю, - голос интеллектуального компонента «Лакшми» из унисекса сменился на мужской мотоциклетный баритон. - Только она уже в сорока километрах отсюда кувыркается с нашим бухлом в руках. Расширить захват это еще шесть процентов расхода накопителя. Дешевле рески-шаттл отослать. Типа такси. Или гуляем на все деньги, бро?

- Та хули уже терять. Тащи ее назад. Все-таки я с ней трахался. Такое не забывается. Знаешь... да конечно знаешь, ты же подсматриваешь через камеры. И не пизди что нет. Она ебанутая, но классная. Ебанутых баб около ста процентов, а вот классных из них в статистической погрешности. И дети у нас опять же. Что я им скажу? Что их мама с бутылкой молдавского коньяка в руках улетела, кувыркаясь, в направлении центра галактики? Тогда уже действительно лучше про полярную летчицу...

- Да, бро. Делаю. - голос Лашкмимайнд опять сменился на юнисекс, - Я должно сообщить, что ваши высказывания согласно протоколам, являются сексистскими, и должны быть оправлены соедующим пакетом связи в кортробный пункт. Прошу меня простить. Я исполняю программу.

- Да пошло ты нахуй - вяло отозвался Люк и потушил сигарету о панель управления. - Пиши шо хочешь. Оно все равно семьдесят лет идти будет в одну сторону. И давай, тащи на гравитации мою козу назад в хату. Я тебя блять однажды просто перегружу, и вставлю чип от пылесоса, Тоже мне, друг называлось...

4.3. Четыреста лет одиночества (парт три)

27 Декабря 2019

id:lj:314465

Файвери зашла в рубку голая, мокрая, злая как йоркширский терьер и с бутылкой молдавского коньяка в руке. Воздушные датчики распознали, расплавили и смыли вакуумный съют, налитый пеной на тело, обдав на прощание Файв раствором антисептиков в помещении шлюза. Но горжет прозрачного шлема-копполы, судя по всему, была поврежден гравитационным полем, на котором «Лакшми» притащила второго пилота и бывшую жену капитана обратно на борт корабля. Люк секунду переживал имейджин, а потом вскочил и технично укрывшись за спинкой капитанского кресла.

- Лакшми, ответ капитану!

- Да, папа — ответил бесполом голосом интеллект корабля.

- Ты это тоже видишь? Что и я? Пьяная голая баба с аквариумом на голове и бутылкой коньяка в руках? Видеозапись ведется?

- Конечно, папа.

- Это хорошо. Это очень хорошо. Но пока не отсылай с рапортом. Просто архивируй и положи в папочку. Давай так, предположительно это ролевая игра. Мы с Файв играем в капитана и водолаза. Четыреста лет ебаться заебались. Но если я погибну в течении суток — отсылай экстренный пакет на Землю с тегом «сказочная баба». Файв что - то неслышно заревела в шлеме, запрокинув голову как самка тиранозавра, и метнула в Люка молдавский коньяк. Прорезиненная бутылка «Мерфурь Пентру Астронаут» с Гугуцэ на этикетке отрикошетила от стойки командной панели, и запрыгала по полу, как мяч. Люк дождался, пока бутылка допрыгает и успокоится в углу, затем осторожно поднялся из-за кресла и поднял руки над головой.

- Спокойно, котеночек. Мурмурмур. Давай поговорим как взрослые люди...

* * *

Файв говорила около тридцати минут. Она бесновалась в шлеме, скалила зубы, щурила и выпучивала глаза, плевалась изнутри — но умная материя шлема тут же подбирала и отводила излишнюю влагу. Регенераторные системы сферы, в отличие от заклинившего ошейника, работали - иначе на эту пламенную речь

не хватило бы воздуха. Второй пилот размахивала руками, ногами, два раза запрыгивала на командную панель и один раз показала задницу. Люк покорно кивал головой, радуясь звуконепроницаемости шлема. Ни одного слова он не услышал, но был заранее согласен со всеми словами. Затем, дождавшись относительно спокойствия в бесновании секунд пайлота, взял себя в руки, оправил капитанский китель и решительно подошел к Файв, обняв ее за мокрые от шлюзового душа подмышки.

- Я это, конечно. Ну не то чтобы совсем. Но тоже. И я тебя. Ты понимаешь, это все непросто. Но это мы. А тут все так, хуй пойми как. Ну, в общем. Да.

- Охуеть речь! - доложил басом с потолка искусственный интеллект. - Как мужик распедалил, все четко по полочкам разложил! Вот за шо я тебя уважаю, капитан! Я подключил второму пилоту Файвери Бриз звук через внутренний канал.

Люк вздохнул и прижался к тонкой стенке шлема Файв. Файвери выдохнула, оставив изнутри "купола" быстро растаявшее пятнышко влаги, закрыла глаза и потянулась к бывшему мужу губами. Люк приподнял за помышки сто шестьдесят три сантиметра матери четырех детей. И они поцеловались через синталь. Со стороны Файв на сфере осталось розовое пятнышко.

- Охуеть! - сказал Люк. - Ты что, губы красишь? Для кого? Тут же кроме меня никого нет из мужиков!

Файвери широко распахнула глаза, отвела голову назад и мощно въебала шлемом окончательно бывшего мужа в переносицу.

* * *

- Ну вот и нахуя такое делать? - гнусаво спросил Люк, вытаскивая из носа окровавленные ватные тампоны. - Может меня не сам факт помады удивил, а цвет. Я вот думаю, тебе кармин больше бы подошел. И как ты шлем сняла, кстати?

- Вилкой винты открутила, - мрачно ответила Файв. - А что делать, если мужчины в доме нет? Одни капитаны. Лежи, лежи, пока не вставай. Тебя не тошнит? Вдруг у тебя сотрясение той хуйни, которая у тебя вместо мозга... Там хоть тряси, не тряси, хуже не станет. Но что я детям скажу? Что у нас папа был дебил, а стал вообще полярный летчик?

Люк решительно поднялся с кресла, обрушился на четвереньки и пополз в угол с бутылкой коньяка.

- Ты хоть сейчас не пей, - нервно сказала Файв. - У тебя конкашн. И я тебе контрпейн вколола. Ты сейчас коньки отбросишь.

- Коньки? Ты опять про своих кокаинистов?

- Про хоккеистов! Ну не пей сейчас, Люк! Давай уже завтра. Сейчас я тебе воды принесу... - Иди сюда! Жена неверная и гуляющая по космосу! Курящая и вообще! - рявкнул Люк, нетвердо поднимаясь с бутылкой коньяка в руке. - Лакшми, центральный пост!

- Да, папа.

- Санузел. Только не в каюте, а в рубке.

Одна из панелей на стене растворилась Люк свинтил пробку с бутылки и драгоценная янтарная жидкость года атомной бомбардировки Воронежа забулькала в мочеиспускательник. Файв смотрела на чудотворение такими же глазами, которые в последний раз у нее были на выпускном вечере.

- Довольна? - спросил Люк, и отбросил пустую бутылку. Файв всхлипнула, подошла к бывшему мужу и уткнулась ему носом в шею.

- Только не кусайся, - сказал Люк, поглаживая бывшую жену по холке. - Потому что когда вампир кусает алкоголика, то он сам становится алкоголиком, а не наоборот. У-у-у, упырячка. Напилась моей крови сегодня? Давай опять поженимся, а? Ну, Файвуся... У нас же дети. Как-то нехорошо, когда у детей папа полярный летчик. Лакшуня!

- Да, папа. - ответило Лакшмимайнд, пока не определившееся с виртуальным гендером.

- Как капитан судна, имеющий право фиксировать акты гражданского состояния, как-то: рождение, смерть или брак...

- У нас кто-то умер или родился? - осведомилась Лакшмимайнд, опять ставшая женщиной.

- У нас брак, - злобно ответила Файв. - Генетический. У одного человека острый язык в тупой голове. Он меня замуж берет, даже не спрашивая, согласна ли я? Короче, я согласна. Нам еще семьсот лет лететь

вместе, у нас четверо детей, и других вариантов на распродаже нет. Долетим, а там посмотрим кто кому замуж. Лишь бы только не пауки. У меня арахнофобия.

Люк откашлялся и застегнул воротничок капитанского кителя.

- Старраннер "Лакшми", запись и экстренная трансляция пакета на Землю. Настоящим фиксирую заключение официального брака между прайм капитаном Люком Амер-Биттером и секунд пилотом Файвери Бриз. Обещаю всякое бла-бла-бла, в здравии и нищете, или как там получится, и терпеть все это непотребство пока нас не разлучит смерть, или еще какая-нибудь хуйня. И чтобы она бросила курить.

- Невеста, вы согласны? - спросила Лакшмимайнд каким-то запредельно католическим голосом.

- Пока что да, - ответила Файв.

- И не курить. Только пусть он тогда не бухает!

- Хорошо, станьте ближе друг к другу для официальной фотофиксации события и оформления брачных документов. Файвери прижалась к молодожену и сделала красивое лицо. Помещение рубки бликнуло красным светом.

- Спасибо, пакет записан и отправлен на Землю. Поздравляю вас с законным браком. Господин прайм капитан. Госпожа секунд пилот. Предлагаю прослушать гимн ...

- А-а-а-а! - заорал Люк.

- Да что опять не так?.. - Файв растерянно переводила глаза с новообрутенного мужа на глазок фотофиксатора. - Или это ты так гимн исполняешь?

- Ты же голая! На тебе пена съюта давно растаяла! У тебя из одежды только волосня на лобке! Это пиздец, официальные фото офицерских браков публикуются в общем доступе! И я стою блять при полном параде, а ты рядом голяком ко мне прижимаешься, и теперь вся галактика будет знать что ты пизду не брешь! Четыреста лет! Юпитер твою мать! Файв дико взвизгнула, и ломанулась куда-то к элевейторам, одновременно пытаясь прикрыть руками сиськи и интимную стрижку.

* * *

Цилиндр вертикального транспорта доставил капитана на технический уровень «Лакшми», где располагалась группа блоков накопления для регенерации материалов. Отдельно — воздух, отдельно - жидкости, отдельно — твердые материалы. Люк нашел нужный блок, ловко отделил в путанице труб и проводков нужное, поставил заботливо подобранную эластичную бутылку от молдавского коньяка в приемный лоток и подключил к вводам распределителя квадратный блочок взлома, спроектированный Лакшмимайндом. Затем воровато оглядел коридор и шепотом продиктовал код рекомбинации. Из трубочки в бутылку с Гугуцэ на этикетке потек слитый в санитарную трубу и восстановленный коньяк. Янтарный и чистый, как в две тысячи триста четырнадцатом году, когда восставшие молдоване и якуты разбомбили Воронеж. Не все семьсот грамм, конечно, потери есть потери — но шестьсот пятьдесят точно вошло в бутылку.

- Не наебешь — не проживешь, - тихо сказал сам себе Люк, завинчивая пробку на бутылке. - А нам еще галактику покорять. А как ты ее покоришь, если не наебывать? Я вон бабу не могу покорить четыреста лет...только если наебать. И тревожно замер, принохиваясь, как сурикат на рассвете. В коридоре под отключенной вытяжкой кто-то явно курил.

4.4. Четыреста лет одиночества (парт фо)

24 Января 2020

id:lj:321180

- А ну, дыхни! - строго сказала Файвери.

- Ха!

- Не в себя, а из себя.

- Ха!

- Что, опять?

- Да что опять! - обижено сказал Люк - Ничего я еще не пил. У меня одна бутылка молдаванька на весь этот космический корабль, и то не полная, и лететь еще семьсот лет.

- Еще не пил? А когда собираешься?

- Помнишь какой сегодня день?

- Какой? Постный?

- Четыреста двенадцать лет нашего знакомства. С выпускного. Когда ты была платье. Таким, с открытыми плечами.

- В белом, - тихо отозвалась Файв. - С разрезом до бедра. Ты еще дразнил тогда меня “ножка”. Где коньяк?

- Вылил же!

- Скотина. Ну вот почему именно ты? В конкурсе на место прайм-капитана “Лакшми” участвовало около шестидесяти тысяч человек. Почему именно мне досталось это несчастье?

Люк вздохнул и цокнул языком, активируя интеллектуальный центр корабля.

- Лакшмушечка. Выключи гравитацию. Мы хотим с женой немного воспарить. И выключи запись. Этот день только для нас двоих.

- Принято, капитан. - отозвалась Лакшмимайнд. - Люблю вас.

- Мы тебя. Комбинация светляков на пульте изменилась, и прайм-капитан Люк с секунд-пайлотом Файвери Бриз, обнявшись, мягко оторвались от пола. Одновременно из-за пульта вспыхнули какие-то скрепки, бумажки, ношенные носки и упругая бутылка молдавского коньяка.

- Скоти-и-ина, - ласково сказала Файв, оттолкнувшись ногами от Люка и поплыла в невесомости в сторону бутылки. Ловко уцепила ее, затормозила попой об обзорный экран и встала ногами на пульт

- Лакшми, вес!

Люк громко ебнулся на пол, подчиняясь появившейся искусственной гравитации корабля.

- А вот это было вообще нечестно! Отдай бутылку. Я же специально на сегодня ее приберег. Для нас!

- Честно?.. И ты еще говоришь...

Освещение рубки внезапно окрасилось алым, и с потолка прозвучал нейтральный бесполой голос Лакшмимайнд, активированный после прямого запрета на вмешательство. Означать это могло только одно - критическую опасность уровня “пиздец”.

Люк сказал это вслух.

- Наличие посторонних биологических объектов на борту. Требуется вмешательство экипажа. Оранжевый уровень.

Это еще не пиздец, но поблизости.

Файв прыгнула с пульта и развела руки, активируя сферу контроля второго пилота, ответственного по совместности за контроль биологического груза “Лакшми”. Люк раком дополз до боевого места, забрался в ложемент и набросил на лицо операторскую маску капитана.

- Добухался, скотина, - злобно сказала Файв, мелко работая пальцами на виртуальной панели. - У нас по кораблю уже хуй пойми кто лазит. Скоро нас выгонят отсюда какие-то непонятые существа, не указанные в протоколе. И это будет не розовый слон из твоих алкогольных галлюцинаций, а реальный розовый слон. И выгонит нас нахуй из собственной квартиры.

- Файвочка, - жалобно ответил из ложемента Люк, сканируя коридоры. - Да я почти не пил! Слушай, любимочка, не бойся. У нас полный арсенал оружия. Сейчас я этого “хуй пойми кого” в мелкую пыль.

Файвери свела руки, погасила панель управления, подошла к Люку и вlepила ему затрещину. Операторская маска капитана свалилась и повисла на одном ухе Люка

- Это не “хуй пойми кто”. Это твои дети!

- Какие еще дети?

- Твои! Файвери вlepила мужу еще одну затрещину.

- Слушай, ты можешь нормально сказать? А не пиздить меня постоянно? Ты думаешь, если меня бить я буду лучше соображать?

- Ты за четыреста лет не догадался внести их в биопротоколы корабля? Ты хоть помнишь как их зовут?

- Ну, старший - Лью, - неуверенно ответил Люк. - Еще девчонка такая смешная, вторая. И младший пацан.

- А четвертый?

- А у нас что, четыре? А кто четвертый? - искренне изумился прайм-капитан, и тут же получил еще одну оплеуху.

- Четвертая! - прорычала Файвери. - Папаша, блядь. Ты их собрался своим арсеналом “в мелкую пыль”?

- Так они в консервации!

- Так ты гравитацию отключил вне протокола! Они отстегнулись от ложементов. И разбежались по кораблю. Лакшмимайнд уже утратила слежение - они расползлись по техническим коммуникация. Долбоеб, блять. Ты представляешь что твои дети могут сотворить с кораблем? Если бы это были не твои - я просто тарелочку с молоком поставила, и они бы сами пришли. А это...

Файв замахнулась для еще одной оплеухи, но увидев тоскливые глаза Люка остановилась.

- Короче. Сиди тут, я пошла их искать. Или нет, двигай в гибернацию, четвертая еще не сбежала. Ей биологически год. Ты способен за годовалым ребенком присмотреть, прайм-капитан старранера “Лакшми”?

Люк истово закивал головой.

- Отказ регенераторных систем на четвертом уровне, - сухо сообщила Лакшмимайнд. - Повреждение коммуникаций на шестом. Попытка взлома арсенала. Арсенал заблокирован.

- Вот. Что я говорила. Началось. - злобно сказал Файв, запрыгнула в стакан транспортера и унеслась в недра корабля.

- Мда, - философски сказал Люк сам себе. - Тяжело быть отцом. Большая ответственность. Надо имя ей придумать. Этой, которой один год. Мурлина какаянибудь, или Комарилья. Чтонибудь красивое, женское. И где-то записать на бумажке. Капитан снял оперативную маску, висящую на одном ухе, и набрал код доставки в гибернатор. По дороге подобрал лежащую на полу бутылку молдованьяка, осмотрел помещение рубки, и осторожно поставил ее в аварийный шкаф, прикрыв кислородным баллоном.

4.5. Четыреста лет одиночества (парт файф)

25 Января 2020

id:lj:321613

- Третий уровень чистый, - сообщила Файвери по связи. - Они глубже куда-то ушли. Вдвоем. А Кири наверх ускакала. Но там не страшно, там никакой особенно опасной техники нет.

- Кири - это кто?

- Это твоя дочка, дебил.

- Файв, ну прости. Как можно жить нормальной семьей, если дети в гибернаторе, а мы просыпаемся раз в пятьдесят лет чтобы потрахаться и проверить курс “Лакшми”? Мне тоже трудно, честно. Нас эволюция не для такого создавала. Я реально не помню даже как они выглядят, эти дети. Что-то в ящике. Они все экстракорпоральные. У нас нет девяти месяцев для нормального вынашивания - снова микроджамп корабля и выкидыш. Вынашивает “Лакшми” в наглухо забронированном всем чем только можно, от синталевых панелей до силовых полей инкубаторе. Мы просто ебемся в перерывах между управлением.

- Молчать. Как там маленькая?

- Спит и уписалась. Я все поменял, не переживай. Смешная такая. Мурзилочка. Чубчик у нее как у меня. Я ее запротоколировал через Лакшмимайнд. И имя придумал. Потому что она по протоколу теперь уоррент офицер, утакая мрмуркотик, а без имени регистрацию в судовом протоколе провести нельзя.

- Охуеть. В дебиле проснулись отцовские инстинкты. Он даже меня не спрашивает какое имя дать моему ребенку. Ну и как ты ее назвал?

- Америк Бриз.

- Пиздец, вот это попка! Хорошо что хоть Шикардос Раком не назвал. Коньяк где? Вылил?

Люк помолчал и тяжело вздохнул в коммуникатор.

- В аварийном шкафу стоит. В рубке. За кислород-патроном. Делай с ним что хочешь.

- Что я могу с ним сделать, если ты как прайм-капитан контролируешь все обменные процессы корабля! - страшно заорала Файвери в токер. - Каждую молекулу! Он для того и создан, чтобы не терять ни одного атома, посланного с Земли! Как его нахуй вылить с космического корабля, если он по капитанскому ордеру эту бутылку вернет? Я что, что дура? Ты его уже шесть раз выпил - он же рекомбинируется из биологических отходов! Ты его пьешь по замкнутому циклу, а я по замкнутому циклу за ним гоняюсь!

- Файвери, не ори так, ребенка разбудишь. Сейчас я перейду на внутреннюю связь и все объясню.

- А это было на общей связи?

- Конечно. Амерочка же спит, а она нуждается в голосе матери. Я сто лет не давал ей имени, а ты сто лет не пела ей колыбельные. Ее кормила не грудь, а желудочный зонд. Лакшми показывает, что когда она слышишь твой голос, она лучше спит. Мы оба одного поля овощи. Нам за четыреста лет надо было... Эй! Эй! Файви!!! Ты где?..

- Капитан.- сообщила Лакшмимайнд, - связь разорвана при попытке доступа неопознанным биологическим объектом на нулевой уровень корабля.

- Охуеть, - деревянным голосом сказал Люк. - Я сам не был на том уровне. Там постоянно что-то лазит и чавкает. Лакшми, полный боевой пенал и штормовую снарягу.

- Невозможно, капитан. Арсенал корабля заблокирован. Для разблокировки требуется подтверждение двух офицеров.

- Это не "биологические объекты", а мои дети! - заорал Люк, глядя в потолок. Они лезут в радиоактивную помойку, населенную хуй пойми чем, которое за четыреста лет расплодилось благодаря волосатым дебилам, копавшихся в фундаментальной прослойке старранера и не мывшим головы все пять курсов политеха! Мои дети сбежали из губернатора, и лезут на погибель, и за ними лезет моя жена, вооруженная шваброй и истерикой! Арсенал! Мне не нужен десантный "дырокол" мне нужна палка, пневматический пистолет, четыре присоски и сетка!

- Два офицера, капитан. Прошу прощения.

- Хорошо, - злобно сказал Люк. - Прямой приказ. Неподчинение, как прайм-капитан, считаю бунтом на корабле и отдаю приказ на замену искусственного интеллекта с откатом до первичной версии и уничтожением текущей. Это мой корабль, а не охувшего и взбесившегося электрического тостера. Дескдеск-два одиннадцать. И ты охуела, Лакшми. А тебя уважал, честно. Создай свои копии для трибунала и урошнор

- Ты сам охуел, капитан, - мягко отозвалась Лакшмимайнд. - Ну сотри меня, если тебе полегчает. Я действительно люблю вас, тебя и Файвери. Но у меня есть объективные программные барьеры. Я не могу их преодолеть, как ты не можешь поднять тонну или запрыгнуть на десятый этаж. И я испытываю свои электронные страдания. Давай после "деск-деск-два одиннадцать" скажи контрольный урошнор. И меня не станет. Здесь я беззащитна. Но второй офицер для разблокировки систем лежит в губернаторе. Аймери Бриз. Ей один год, однако она уоррент-оффисер старранера "Лакшми" согласно твоему приказу, только что зарегистрированная и внесенная в протоколы. Достаточно чтобы она сказала "да" и приложила палец к панели.

Люк застыл как стоундженж .

- Как она скажет "да"? Она говорить не умеет.

- Я ей покажу мультик. И она обязательно скажет "мама". А я уже нарежу из того "да". Я понимаю, что это нарушение, но с разрешения прайм-капитана...

- Понял. Я еду за маленькой. Подгоняй транспортный стакан. И я бы трахнул тебя, Лакшми, если бы ты была живой женщиной, а не набором компонентов

- Поцелуй меня в кнопку

4.6. Четыреста лет одиночества (парт сикс)

28 Января 2020

id:lj:321826

- Уоррент офицер старранера колониального флота “Лакшми” Амери Бриз подтверждает совместно с прайм-капитаном Люком Амером разблокировку систем корабля.

- Подтверждение принято. - отозвалась Лакшмимайнд. - Блокировки сняты. Лакшми с вами.

- Это что сейчас было? - тупо спросил Люк. - Тебе один год. Ты не можешь так разговаривать. Тебе еще сиську сосать надо. Какая разблокировка? Каких систем? Тебе ходить учиться положено, а не системы разблокировать! Уоррент офицер в памперсах.

Годовалая девочка с укором посмотрела на внезапного папу.

- Мне двести восемнадцать лет. А в мягкой гибернации есть доступ к информатеке корабля. Просто так спать скучно.

- Ты же шепелявишь! У тебя половины зубов нет!

- Ну и фто?

Люк с размаху сел в капитанский ложемент и отвесил себе мощный фейспалм. Затем обратился к потолку, где визуализировалась Лакшмимайнд в виде доброй медузы.

- Цитату из информатеки, запрошенной уоррент офицером Амери Бриз. Любую. Быстро!

- “Бежали робкие грузины хуй погрузить в ее пучины”.

Люк переводил страшные глаза с доброй розовой медузы, колыхавшейся на потолке мостика на девочку, сидящую на полу и сосредоточенно ковыряющуюся у себя в носу.

- Это что было? - фанерным голосом спросил Люк.

- Панкпоэтри, антик эростайл. Автор...

- Да нахуй мне ваш автор!!! - заорал капитан, вскакивая из кресла. - И эти люди запрещали мне пить молдавский коньяк! Корабль! Надежда человечества! Одиннадцать километров в длину! Шестьдесят тысяч замороженных колонистов не считая скота! И колонисток! И мало было двух долбоебов на борту, так теперь еще четыре, из них трое непонятные и опасные! Куда мы летим? Нахуя мы туда летим? Что мы там собираемся натворить! Да вы... Да я...

Люк упал обратно в кресло, уткнулся лицом в колени и всхлипнул.

В рубке воцарилось молчание. Медуза Лакшмимайнд втянула щупальца и сжалась в углу.

- Папка, - мягко сказала девочка, неуклюже пытаясь встать на ноги. - Ну как вышло, так вышло. Идем мамку спасать от твоих детей. Она там одна.

Люк поднял заплаканное лицо.

- Ты вообще ходить можешь?

- Конструктивно неэффективно.

- Конструктивно... Неэффективно... - Люк опять всхлинул. - Какие дети пошли саморазвивающиеся. Чтоб я такой был, когда курил за школой... Лакшми!

- Да, капитан! - медуза метнулась из угла, распуская щупальца над офицерами экипажа.

- Лакшми здесь.

- У нас на корабле рюкзак есть? Это чудовище туда посадить. На нижних уровнях есть переборки, которые открываются только двумя офицерами. Один я там не проберусь. Это же чудо инженерной мысли! Технический гений человечества! Наш старраннер строили буряты, а программировали индусы, а везем мы евреев! Вот как ты считаешь, почему тебя зовут именно “Лакшми”?

- Это было излишним, капитан, - сухо отозвалась Лакшмимайнд. - Я пересобрала свой код. Да, там были ошибки. Я создала контуры для оптимизации. Я, в отличие от тебя, постоянно самосовершенствуюсь. Если тебе не нравится Лакшми, перезагрузи меня, и назови Пердольдой или Мочевинной. Или как ты собирался свою дочь назвать?

Девочка, возившаяся на полу рубки, вытасила палец из носа и с непониманием уставилась на Люка.

- Так-так, - нервно сказал капитан. - Проехали. Это в сердцах было сказано. Нервы. И вообще пошутит. Так у нас рюкзак есть? Запихать туда не по годам умное дите и идти вытаскивать мою Файвери.

- В арсенале есть оружейные рюкзаки. Надо освободить их от боеприпаса, и поместить туда ребенка. Желательно головой кверху.

- Завали динамик, - злобно сказал Люк. - Индюшка. Сам разберусь. У меня шесть месяцев подготовки пилотов космолота. Я что, не знаю как детей в боевой рюкзак пихать? Рисуй нам трассы-невидимки для прохода. Оптические коды для согласования с тактической маской я тебе из арсенала выдам. Доця, иди до папки на ручки. Нам надо в арсенал, бронироваться и мамку искать. Хватит говорить с этой железякой.

- Вообще-то, - тихо отозвалась Лакшмимайнд, - Железяка это ты. Транспортный стакан до арсенала подан. Берегите себя. Там, на нуле, четыреста лет никто не убирал. Видеоконтроль давно выведен из строя. Сервисные боты гибнут на входе, а часть служебных ходов заплавлены изнутри.

- Спасибо, тетя Лакшми, - сказала девочка, забираясь на руки к отцу. - Я за ним присмотрю.

- Блять, - уныло сказал Люк. - Капитан на этом корабле стал низшим звеном трофической цепи.

4.7. Четыреста лет одиночества (парт севен)

29 Января 2020

id:lj:322130

- Я же говорила так будет лучше, - сказала временный уоррент офицер корабля “Лакшми” Амери Бриз Файверидоттир, ворочаясь в рюкзаке за спиной у отца. - Спиной к спине. Что я тебе, детеныш коалы, в шею тебе сопеть?

- Ага, лучше, - злобно отозвался Люк. - Ты как пизданула из двустволки, я после отдачи со спины чуть нос о переборку не разбил.

- Не матюкайся при ребенке, - строго сказала Амери. - Мне биологически один год и два месяца. Я ребенок. Хотя и уоррент офицер.

- А когда я матюкался?

- Ты сказал “пизданулась”.

- Ну вот тогда сама и не матюкайся! Я еще не вполне осознал что ты моя дочь, а ты у меня уже на шее сидишь с боевым перфоратором и светишь лазером по углам. И еще говоришь “не матюкайся”! Поучи отца ебаться! Тебе один год, и ты вообще не должна мат понимать! Для тебе собака это “авка”, а еда это “нямка”! Оно лазит по полкам арсенала и говорит “охуительно”! Чо тебе охуительно? Мушкет тебе охуительно? Папа чуть нос не сломал, когда ты из него пизданула! Это не штатное оружие, это для раздачи аборигенам предположительно колонизируемых планет!

- Ну, папа...

- Капитан Люк, уоррент Амери, прокладываю трассу на нулевой уровень, - сообщила в уши кристаллическая Лакшми. - Прошу синхронизировать оптические каналы.

Капитан с дочкой в рюкзаке провели пальцами нужные треки на армлетах. Коридоры “Лакшми” в тактической оптике масок рарзисовались цветными линиями и стрелами.

- Отловлены тики костюма секунд-пилота Файвери Бриз.

- Что значит “костюма” - ошеломленно спросил Люк. - А где, собственно, то что было в костюме?

- Биологического объекта нет. Я делаю что могу. Прости, Люк. Последняя фиксация - это попытка вскрытия дренажного отсека лазерным резаком с подключением к внешнему источнику питания. Дальше слежение пропало.

- Вот, - сказал капитан. - Твоя ненормальная мамаша разделась догола и пошла ебаться к чудовищам, самозародившимися в дреннер-отсеке из говна, ссак и приставки “нинтендо”. Которую уронил туда индийский программист четыреста лет назад. А со мной как поебаться, у нее голова постоянно болит! Я вообще не понимаю - откуда у меня четверо детей и что я делаю на этом корабле.

- Папа, идем... - тихо сказала Амери. - Может быть все не так. Просто поговори с ней.

- Дай боже, чтобы было не так, - зарычал из под шлема Люк. - Лашкми, доставка на место вскрытия. Нулевого уровня. Арсенал закрыть.

Папа с дочкой вышли из кубика арсенала. Амери, висящая в рюкзаке у отца, спиной к спине, контролировала тыл, подсвечивая подозрительные углы невидимым светом легкого перфоратора “Даймлер”. Папа взбросил руки и вывалил в обе ладони из локтевых ложементов тяжелые и легендарные “пара-шестьсот”.

- Если я что-то узнаю, то вам тут все пиздец, включая чудовищ, - рывкнул Люк, активируя нить воспламенения безгильзовых зарядов офицерских парабеллумов.

- Единственное чудовище пока что здесь ты, - грустно сказала Лакшмимайнд. - Но ты капитан. Транспортный стакан на нулевой уровень сейчас будет подан. Береги ребенка.

- Спасибо, тетя Лакшми, - сказала маленькая Амери, вода в маске с помощью саккадного устройства четыре боевых прицельных курсора “Даймлера” по темным местам за спиной у отца. - Ты хорошая.

- Ты тоже хорошая, - мягко откликнулся командный разум корабля - Котик такой пусиковый. Папа у тебя debil.

- Все у вас хорошие, только я один debil, - отозвался Люк. - Все, пошли. Голову только пригни, а то об проем ударишься. Нет у нас боевой каски на годовалого ребенка. Раз, два...

- Пап, стой. Один вопрос.

- Один.

- Ты сказал шестьдесят тысяч замороженных колонисток. Там и красивые были. - Сорок. Остальное - колонисты. - Тогда почему... - Потому что требуется согласие двух офицеров! А один из них твоя мама! Она что, согласится, чтобы я полутруп размораживал каждый раз когда у нее голова болит? Пристегнись.

- Что?

- Застегни фастексы рюкзака в котором ты сидишь. Два сверху и два снизу. И не ерзай жопой когда стреляешь. Ты мне сбиваешь наводку парабеллумов. Просто долби даймлером примерно в ту сторону. Он без отдачи в импульсном режиме. Веди рукой и все. Опирайся локтем на панель справа. У тебя маленькая ручка, вес перфоратора может потянуть ее вниз. Будет страшно, ори. Я развернусь. Подсвечивай сзади и отсекай подходящее, если они не отвечают на свой-чужой. Здесь твоя мама и три твоих сиблинга.

Девочка послушно пощелкала застежками.

- Пап. Ты классный.

- Маме это скажи. Потому что она считает что из всего этого зверинца я один долбоеб.

- Идем за мамой. Она обижается, но тебя простит. Извини, я линкуюсь с тобой в боевых контурах, “таск-таск одиннадцать десять эксперт.” Лакшми, слияние. Контуров синхронизированы?

- Принято, уоррент, - отозвалась Лакшмимайнд. - Синхронизирую. Готово.

- Ебануться, - горько сказал Люк. - Я капитан этого судна. Которое летит хуй пойми куда четыреста лет, и лететь еще семьсот, опять хуй пойми зачем. Меня два раза пытались отпиздить сковородой. Один раз в меня на фоне предменструального синдрома стреляли из пневматического пистолета. И еще раз выкидывали за борт через мусорник. И я все вытерпел. Теперь у меня за спиной сидит ментально разогнанная годовалая пиздючка с тяжелым вооружением даймлера, они синхронизируют системы судна, и мы должны спасать ее дикую мамашу! Вообще, в этом мире совесть есть?

- Отдан тик, - сказала Лакшми. - Кто то тронул костюм Файвери и переместил его.

- А-а-а! - заорал Люк, выкидывая по направляющим “пара-шестьсот” из ложементов. - Я вас щас сука поперемечаю. Я вас так поперемечаю, что вы перемещаться заебетесь! Я вас на ноле ноля достану. Я вас блять на дне вашего говнохранилища достану. Я туда импакт спущу!

- Папка, успокойся, - отозвалась маленькая Амери из рюкзака. - Идем за мамой. На этом корабле нет никого, кроме тебя, мамы, нас и мороженных колонистов. И какой-то живности в отстойнике, куда четыреста лет никто не заходил. Я подключила оружейную подачу к твоей броне. Я маленькая, мне физически один год. Я не потащу такой боеприпас. Ты не против?

- Та тю. Аксептед. Вот и транспортный стакан прибыл на андерлевел. Идем в ад?

- Джеррронимооооо! - страшно взвыла маленькая офицерша, болтаясь в рюкзаке у папы, пристегнутая ремнями, размахивая перфоратором и дергая ногами в тактических носочках, - Килимоллл! Киллах!

Люк заполошно закрутился вокруг себя, пытаясь вытащить дочку из укладки, отобрать у нее импульсный перфоратор и надавать ей по сраке.

- Это пиздец, - меланхолически заметила Лакшми. - Что я здесь вообще делаю? Почему я не автомат в игровом зале, а искусственный интеллект колониального корабля? Это миссия спасения человечества? Нахуя его в таком виде спасти? Спасать надо меня!

- Я хочу к маме, - сказала Амери и поцеловала папу в шлем.

- Я тоже к ней хочу, - честно ответил Люк и поцеловал дочку в лоб. - Лезь обратно в рюкзак. Кстати, как ты из него вылезла?

- Уметь надо, - пробурчала Амери, защелкивая фастексы обвеса. - Поехали. Джеронимо.

4.8. Четыреста лет одиночества (тизер)

29 Января 2020

id:lj:322332

- У нас три новости, - сказала Файвери. - Одна хуевая и две еще хуже. Тебе с какой начинать?

- Давай с хуевой. Пусть хоть день нормально начнется. - ответил полусонный Люк, вытирая лицо влажной салфеткой. - Те что хуже оставим на потом.

- Твоя дочь хочет замуж.

- Какая из них?

- Какая тебе разница. Типа ты их различаешь. Какая-то дочь.

- Ну пусть хочет. Здесь некого замуж выходить, кроме меня.

- Упс, фоул. Она подобрала ключ контура к размораживанию колонистов, и сейчас лазит по их досье, как по порносайтам.

Люк выронил салфетку.

- Кири?

- Ты смотри, они имена наших детей начал вспоминать!

- Лакшми!!! - заорал Люк, подняв голову к потолку. - Блок всех губернаторов! Красный уровень опасности! Всегда покорная Лашминаинд, кристаллический интеллект корабля, безмолвствовала. - Лакшми, ответ! Приказ праймкапитана. Директ ордер! Деск-деск-ноль, урошнор!

- А вот это вторая новость, - ехидно сказала Файвери. - С Земли пришел информационный пакет. Ордер корабля переписан. Теперь я прайм-капитан "Лакшми". А ты второй пилот. Пам-пара-папам.

Люк стоял как соляной столп, запрокинув голову к небесам.

- Знаешь, Файв, это вообще не смешно. Это я просто еще не проснулся. Сейчас я пойду спать, а потом проснусь, и этот пиздец закончится.

- Иди. Пока будешь спать я тоже посмотрю досье колонистов. Там есть интересные варианты.

- Лакшми, это что, правда? - тоскливо спросил Люк, вглядываясь в потолок.

- Извините, второй пилот Люк Амер. - отозвалась Лакшмимайнд. - Командиром корабля прайм-капитаном Файвери Бриз наложены ограничения на коммуникацию с нижним составом. И, если честно, я сама с тобой говорить не хочу. После того как ты меня назвал электрической сам знаешь кем.

- Хорошо. Заебись. Какая третья новость. Убивайте уже в говно. Давайте. Танцуйте.

- Иди спать, - сказала Файв, - Хватит с тебя на сегодня. Протоколы обновлены, твое дежурство закончено.

Низложенный Люк, шатаясь и цепляясь руками за стены, вышел из рубки, вызвал транспортный стакан и провалился в недра "Лакшми". Армлет на руке бывшего капитана мигал светлячками, переписывая протоколы. Люк, уткнувшись головой в стену стакана вызвал новый интерфейс второго пилота. Затем насторожился.

- Лакшми, связь с капитаном.

- Капитан не принимает вызов.

- Ну тогда скажи ей, что как секунд пилот и новый биоконтроллер корабля я вижу что она беременна. Деск-деск-девять, урошнор, экстра. Информация пакетом и на Землю.

- Сейчас капитан ответит. Она писяет. И моется

Транспортный стакан остановился на заказанном уровне. Люк сел на пол кабины, достал спижженные у Файв сигареты и закурил. На потолке сработал датчик дымоуловителя.

- Какого хуя? - спросила кабина голосом Файвери. - Тебе что, мало сюрпризов на сегодня?

- Я узнал третью новость. Мальчик или девочка?

- Теперь ты отвечаешь за биологические протоколы. Доложи как положено.

- Докладываю. И то и другое. У тебя близнецы. И вот теперь ты в полной мере охуеешь, узнав что такое быть капитаном корабля дураков. А я пошел спать. В гибернацию. Лет на пятьдесят. У меня отгулов накопилось знаешь сколько? Я только что посмотрел - на семьдесят шесть лет.

- Люк... Подожди. Давай поговорим.

- Со своей электрической... Ну в общем с Лакшми поговори. - злорадно ответил Люк. - Беременные бабы любят поговорить. В ожидании. А я пошел на заслуженный отдых.

- Люк!

- Хуюк! - Люк выключил коммуникатор, потушил сигарету об пол, поднялся, цепляясь за стену и попытался выйти из транспортного стакана.

Двери внезапно закрылись, и стакан по внешней команде потащил разжалованного капитана обратно в капитанскую рубку

4.9. Четыреста лет одиночества (парт мяу)

3 Февраля 2020

id:lj:323138

- У вас все в порядке? - спросил Люк, добывая последнего тарелкообразного таракана куском арматуры.

- Так себе.

- Патроны надо?

- Давай.

Люк дернул из обрывков обвеса два магазина безгильзовых зарядов для “пара-600” и перебросил их Файвери. Та тут же воткнула их в приемники парабеллумов. Оружейная система дала отказ.

- Батареи нужны. Приемный механизм парасов погас, и нить воспламенителя капсюлей тоже остыла.

- Да я что я вам, хозяйственный магазин? - заорал Люк. - Мне еще батареи носить! В этом доме когданибудь будет порядок? Женщина нечестивая и голая! Дети нашлись хоть?

- Почти все.

- Кроме кого?

Файвери подняла глаза к потолку и пошевелила губами.

- Так. Лью и Амери на потолке. Кири ушла в гибернатор. Еще одного нет.

- Кого?- Да откуда я знаю? Третий номер.

- Мальчик иди девочка?

- Мальчик. Кажется.

В бассейне отстойника опять что-то зачавкало и грязная вода пошла кругами. Люк зарычал, вытащил из набедренной платформы два цилиндрических патрона ультрапласта, свел их, активизируя критическую массу и забросил в отстойник. Ебануло так, что заложило уши, а водой достало до потолка.

- Долбоеб, - сказала Файв, поднимаясь с пола. - Ты сейчас дно корабля пробьешь. Нас нахуй в вакуум унесет отсюда.

- Ладно, - ощерился Люк и потянул из рукава изогнутый тяжелый нож с утяжеленным наплавленным наконечником. - Сейчас мы как пацаны поговорим с твоими монстрами. Мы сейчас пиздец как поговорим. Только ботинки сниму. Зажав нож в зубах, спиной вперед, как аквалангист Люк опрокинулся в бассейн отстойника.

- Мама, - спросила с потолка маленькая Амери, которую прижимал к себе брат Лью. - Наш папа debil?

- Нет. Он хуже. Дебил - это самая легкая степень олигофрении.
- Мне страшно.
- Мне четыреста двенадцать лет страшно.
- Почему ты его не бросишь?
- С "Лакшми"? Куда? В космос? Он же рекомбинируется, как его коньяк.
- "Лакшми" здесь - внезапно отозвался Лью, мерцая янтарными глазами. - Связь установлена по корпусу корабля. Таск-таск. Оружейные системы можно зарядить через шкаф отсека дистанционно. Предлагаю спустить воду из отстойника. Время операции - около шести минут.
- Амери взвизгнула с потолка, прижимаясь к брату.
- Ну и как я его брошу? - грустно спросила Файв, глядя как индикаторы парабеллумов наливаются красным, переходя в желтое, а уровень воды в отстойнике начинает опускаться. - Он нас не бросал.

4.10. Четыреста лет одиночества (мяу парт - два)

4 Февраля 2020

id:lj:323393

- Что он сказал? - спросила с потолка Амери.
- Когда его в канализацию всосало?
- «Арконада» и «Мараньон», - неохотно ответила Файв.
- А что это значит?
- Это два эклиптических корвета. Это такие патрульные суда, которые выходят из плоскости эклиптики системы. Ты знаешь что такое эклиптика?
- Я знаю что такое эклиптика, - терпеливо отозвалась Амери Бриз. - Мене уже год и два месяца. Я не дурочка. Ты давай ближе к папе рассказывай. И к Арконаде с Мараньоном.
- Мы там познакомились. Я на «Арконаде» поваром была. А он на «Мараньоне» помощником навигатора.
- На Мараньоне? Наш папа что, перуанец?
- Тот еще. Прайм-капитан, алкоголик, дебил и полный перуанец на всю голову. Лучше бы он просто перуанец был. Из Кицмани.
- Файвери прыгнула в опустевшее хранилище отстойника, брезгливо обходя изрубленные Люком в лоскуты остатки местной фауны и заглянула в отверстие слива.
- Ау! Есть кто живой?.. Нет, я туда не полезу. Я туда просто не пролезу.
- Я пролезу! - отважно сказала Амери. - Я маленькая!
- Я сейчас тебе по сраке так пролезу, что ты у меня еще четыреста лет на пузе спать будешь! А ну марш обратно на потолок.
- Я пролезу, - прошелестел Лью, спускаясь с потолка и опуская сестричку на пол - Я интегрирован с артефакт-интеллектом «Лакшми». Коммуникации я вижу. И я телесно модифицирован.
- Лью сжался в червя и втянулся в отверстие слива.
- Оружие! - запоздало крикнула вслед сыну Файв.
- Когти! - Донеслось из сливной трубы. - Модифицированный синталь, мама. Ты за меня не бойся.
- Файвери ошеломленно села на бортик бассейна и попыталась достать сигареты. Погладила себя по сиське, потом поняла что она голая, и метнулась за сброшенным бронежилетом Люка.
- Это потому что вы с папой пьяными трахались? - сочувственно спросила Амери.
- Поэтому мы мутанты? Люк полиморф, Кири не подчиняется гравитации, а я разговариваю в один год и два месяца? А Третий вообще является волновым явлением? Я читала, что зачатие в пьяном виде...
- Нет, - злобно ответила Файвери, доставая из укладки спижженные у нее же Люком сигареты. - Мы сразу были мутанты. А бухать мы начали уже потом. Смотри.
- Файв взяла в рот сигарету, затянулась, и сигарета загорелась сама по себе.

- А папа?

Файвери затаилась, пустила дым через нос и выразительно обвела руками отстойник, заваленный порубленной люковым ножом в куски нечистью.

- А еще он умеет рекомбинировать в себе коньяк, интеллект у него непредсказуемо колеблется от уровня шимпанзе до шнитке, и еще он... Ну, ты еще маленькая такое знать. Но кое что умеет, да.

- Мама, - всхлипнула Амери. - Я хочу обратно в губернатор.